

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

115

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ
ЭПОХИ БРОНЗЫ НА ТЕРРИТОРИИ СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

115

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ
ЭПОХИ БРОНЗЫ НА ТЕРРИТОРИИ СССР

П-86 61472
Краткие
сообщения
о докладах
и полевых...
5115
Археологические
памятники
эпохи бронзы...
1969

ДОКЛАДЫ И ДИСКУССИИ

Е. Н. ЧЕРНЫХ

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ДРЕВНЕЙШЕЙ МЕТАЛЛУРГИИ УРАЛА
И ПОВОЛЖЬЯ

С Уральской горнометаллургической областью связывается второй и поздний этап металлургии меди и бронзы Восточной Европы, активность которой резко возрастает со времени появления в Зауралье андроновской культуры, с момента вытеснения из волжских и донских степей катакомбных племен племенами срубной культуры. Племена срубной культуры, отказываясь от кавказского металла и традиции кавказских форм, фактически целиком ориентируются на уральские и другие восточные источники металла.

Начало производства меди в Уральской горнометаллургической области восходит еще к первому кавказскому этапу развития металлургии Восточной Европы. Примерно с рубежа III—II тысячелетий до н. э. на Южном Урале нами отмечено начало производства меди в ямном металлургическом очаге, который базировался, видимо, на местных медистых песчаниках оренбургской группы месторождений. На его продукции отчетливо заметны исходные черты кавказской металлургии: большинство из его изделий копируют кавказские образцы.

Кажется, в первой половине II тысячелетия на базе медистых песчаников вятско-казанской группы месторождений начинается свою деятельность фатьяновский, или же, точнее, балановский металлургический очаг. Его продукция указывает на независимость от Кавказа, чей металл в то время был господствующим в Восточной Европе. Экспорт из исходных районов производства велся преимущественно в западном направлении (Волго-Клязьминское междуречье). Последние находки К. В. Сальникова в г. Бирске (БАССР) погребений с манжетовидными мытищинского типа браслетами с нарезками и многовитковых пружинных подвесок, изготовленных из местной меди, позволяют как будто расширить ареал этого очага.

Балановско-фатьяновский очаг был, видимо, в какой-то мере синхронен полтавкинскому южноуральскому очагу, явившемуся непосредственным продолжением ямного очага, черты деятельности которого еще не вполне отчетливы. Соотношение его с балановским очагом также неясно, отчасти на его базе возникает позднее срубный очаг. Так вкратце представлялась автору картина развития металлургии Урала и Поволжья на самом раннем этапе¹.

В последние годы лабораторией спектрального анализа Института археологии АН СССР были продолжены работы, касающиеся в основном конкретизации деятельности различных металлургических очагов и очагов металлообработки Уральской горнометаллургической области, которые

¹ Е. Н. Черных, История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966, стр. 68, 69, 73—77.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор — доктор исторических наук Т. С. Пассек

Зам. ответственного редактора — доктор исторических наук П. А. Роппопорт

Члены редколлегии:

Н. Н. Воронин, Н. Н. Гурина, Х. И. Крис (отв. секретарь), К. Х. Кушнарева,
А. Ф. Мелвеев, Н. Я. Мерперт, Д. Б. Шелов, А. Л. Якобсон

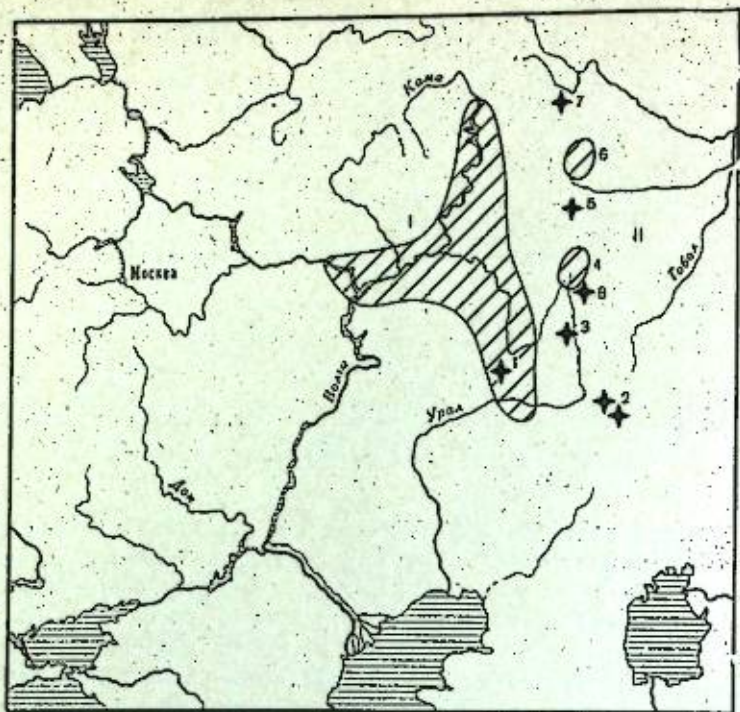

Рис. 1. Карта месторождений Уральской горнометаллургической области, эксплуатировавшихся в древности

- I. Приуральский горнометаллургический центр с месторождениями типа медистых песчанников.
 II. Собственно Уральский горнометаллургический центр
 1 — Каргалдинские рудники; 2 — Елеповка, Уш-Катта; 3 — Бакр-Узян; 4 — месторождения Учалинского р-на (Поляковское, Вознесенское, Наралинское и др.); 5 — Гумешевское месторождение; 6 — месторождения Режско-Алашайского бассейна; 7 — Фроловское месторождение; 8 — Таш-Казган

определяли важнейшие черты развития металлургии на большей части Восточной Европы на ее втором этапе (вторая половина II — начало I тысячелетия). Эти исследования явились продолжением работ различных авторов, разрабатывавших вопросы древнейшей металлургии Урала: А. А. Иессена², К. В. Сальникова³, Б. Г. Тихонова⁴, О. Н. Бадера⁵, Е. М. Берса⁶.

Мы попытались, используя новые материалы, состоящие преимущественно из многочисленных спектральных анализов металла, внести некоторые коррективы и дополнения в картину развития металлургии Урала и Поволжья, определить основные этапы ее развития.

Первым из важнейших был вопрос о реальной рудной базе изучаемого региона, который базируется на данных геологии.

Он решался при помощи многочисленных сведений, извлеченных преимущественно из геологической литературы, геолого-геохимических отчетов, хранящихся во Всесоюзном геологическом фонде, а также из архивных упоминаний и археологической литературы.

² А. А. Иессен. Уральский очаг древней металлургии. «Первое уральское археологическое совещание при Пермском университете». Пермь, 1948.

³ К. В. Сальников. К вопросу о древней металлургии меди в Зауралье. КСИИМК, вып. XXIX, 1949; он же. К истории древней металлургии на Южном Урале. «Археология и этнография Башкирии», т. I, Уфа, 1962.

⁴ Б. Г. Тихонов. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье. МИА, № 90, 1960.

⁵ О. Н. Бадер. Древнейшие металлургии Приуралья. М., 1964.

⁶ Е. М. Берс. Археологическая карта г. Свердловска и его окрестностей. МИА, № 21, 1951.

Наши работы охватывали зону господства металла уральских и, возможно, более восточных источников. Изучение это касалось металла следующих культур и отдельных памятников: срубной Дона и Волги (144)⁷, западноандроновской (132), абашевской (150), Сейминского могильника (63), Турбинского могильника (84), приказанской (49), гаринско-борской (34)⁸, поздняяковской (22), клада из Сосновой Мазы (63). Кроме того, была изучена большая группа случайных находок из Приуралья и Зауралья, так что общее число спектрально исследованных предметов достигало почти 900.

Работы наши сосредоточивались на трех основных аспектах, являющихся, видимо, ключевыми при разрешении интересующей нас проблемы: 1) химические группы меди, ее искусственные сплавы, рудные источники или исходные районы производства металла, ареалы групп; 2) типология инвентаря, соотношения типов в коллекциях отдельных культур и памятников, степень типологической близости инвентаря отдельных культур, количественное соотношение типологических, химических и металлургических групп металла; 3) хронологические горизонты, определяемые на материалах металлического инвентаря. Технологические приемы изготовления этого инвентаря во многом оставались для нас неизвестными, так как мы были лишены возможности металлографических исследований. Поэтому мы вынуждены были ограничиваться визуальными наблюдениями.

Типологическое членение инвентаря и все сравнительные операции по выяснению различных соотношений типов были проведены нами фактически на том же материале, что и при членениях на химические группы. Дополнительно привлекались к сравнениям лишь те типы или подтипы вещей, которые по какой-либо причине не удалось исследовать спектрально.

Все эти данные должны были послужить фактической основой для создания и наметки контуров деятельности основных металлургических очагов Урала и Приуралья.

Химические и металлургические группы меди, их ареалы, рудные источники. Поочередная обработка спектро-аналитических данных по металлу коллекций каждой культуры и памятника методами математической статистики привела нас к выделению в каждой из коллекций ряда химических групп, многие из которых были общими для всего региона. Для удобства мы обозначили их буквенными символами, сокращенно определявшими рудный источник или район преимущественного распространения: ВК (волго-камская), ВУ (волго-уральская), ТК (таш-казганская; Таш-казган — месторождение в верховьях Уй Учалинского района БАССР, геохимически наиболее сходное с химизмом группы ТК), ЕУ (еленовско-ушкаттинская; Елеповка и Уш-Катта — месторождения на востоке Оренбургской обл.), МП (медистые песчанники Приуралья, разбросанные на широчайших пространствах), СМ (сосново-мазинская, с неопределенным источником, возможно, что им окажется месторождение Джангана в Мугуджарах, но пока данных для этого недостаточно), ВП (вознесенско-поляковская, относящаяся, видимо к источникам Учалинского рудного р-на БАССР типа Поляковского, Вознесенского, Наралинского и др.), СТ (сейминско-турбинская, соответствующая находкам металла этого же типа в Западной Сибири — Ростовкинский могильник) и ряд более мелких⁹.

⁷ В скобках обозначено число предметов, металл которых исследован спектрально.

⁸ Так я называю культуру поселений II тысячелетия рыболовов и охотников, разбросанных на Каме и именуемых О. Н. Бадером турбинской, для того чтобы отделить ее от культуры собственно Турбинского могильника, которая, на мой взгляд, резко отличается от первой.

⁹ Эта система несколько отличается от той, которую мы применяли в некоторых работах, касающихся материалов этого региона. Там группы металла обычно обозначались порядковыми номерами.

Из металлургических групп, определенных в ходе обработки данных анализа и под которыми мы понимаем искусственные или естественные сплавы, укажем на оловянистые бронзы, сурьмяно-мышьяковистые бронзы и естественные сплавы. К последним следует относить и медно-мышьяковые сплавы группы ТК, так как исходные руды для нее содержат весьма высокий процент мышьяка, что и обусловило получение естественных бронз. Сурьмяно-мышьяковистые бронзы отождествляются по преимуществу с группой ВК, что придает этой группе химико-металлургический характер.

Распределение упомянутых химических и металлургических групп металла по отдельным культурам и памятникам приведено в таблице (в скобках обозначено количество предметов в группе, изготовленных из оловянистых бронз).

Таблица 1

Группы Культуры и памятники	Группы						
	ВК	ВУ	ТК	ЕУ	МП	СМ	СТ
Срубная	58 (6)	20 (12)	2	37 (15)	21 (6)	1	—
Сосновая Мазз	—	—	—	—	—	63	—
Андроновская	13 (7)	28 (19)	1	71 (34)	7 (2)	1	—
Абашевская	—	—	72	—	66	—	—
Турбино	—	—	47	1	4	—	12 (12)
Сейма	48 (17)	—	4	—	6	—	5 (5)
Приказанская	34 (9)	4 (2)	3	1 (1)	6	—	—
Поздняковская	7 (4)	10 (6)	—	2 (2)	2 (2)	—	—
Гарниско-Борская	—	—	—	—	34	—	—

Мы не смогли учесть здесь анализы металла из андроновского могильника Тасты-Бутак I И. В. Богдановой-Березовской и Д. В. Наумова¹⁰, так как многие элементы определены ими только качественно. Зато эти анализы существенно дополняют картину насыщенности андроновской металлической коллекции оловянистыми бронзами.

Химическая характеристика основных групп меди Урала и Поволжья приведена в частотных гистограммах на рис. 2. Территориальное распространение находок отдельных групп меди представлено на картах (рис. 3, а-д). В качестве исходного эталона публикуется общая карта сборов металлических проб с изучаемого региона (рис. 4). Так в целом складываются сейчас представления о химических и металлургических группах, источниках и культурных взаимоотношениях, ареале основных групп.

Типологическое членение инвентаря проводилось на том же материале, который был целиком обработан спектральным анализом. Это было сделано, во-первых, потому, что для выяснения соотношений типологических групп в инвентаре отдельных культур и памятников такой выборки (примерно 900 предметов) оказывается достаточно, и, во-вторых, такой прием позволяет нам количественно однозначно сопоставлять результаты химических, металлургических и типологических подразделений исследованного металла. При типологической классификации нами употреблялись такие членения, как категория, класс, тип, подтип. Последние — тип или подтип — образовывали так называемые конечные типологические разряды, которые мы и использовали во всех сравнительных операциях. Большая и ценная работа

¹⁰ И. В. Богданова-Березовская, Д. В. Наумов. Химический анализ предметов из могильника Тасты-Бутак I. МИА, № 120, 1962.

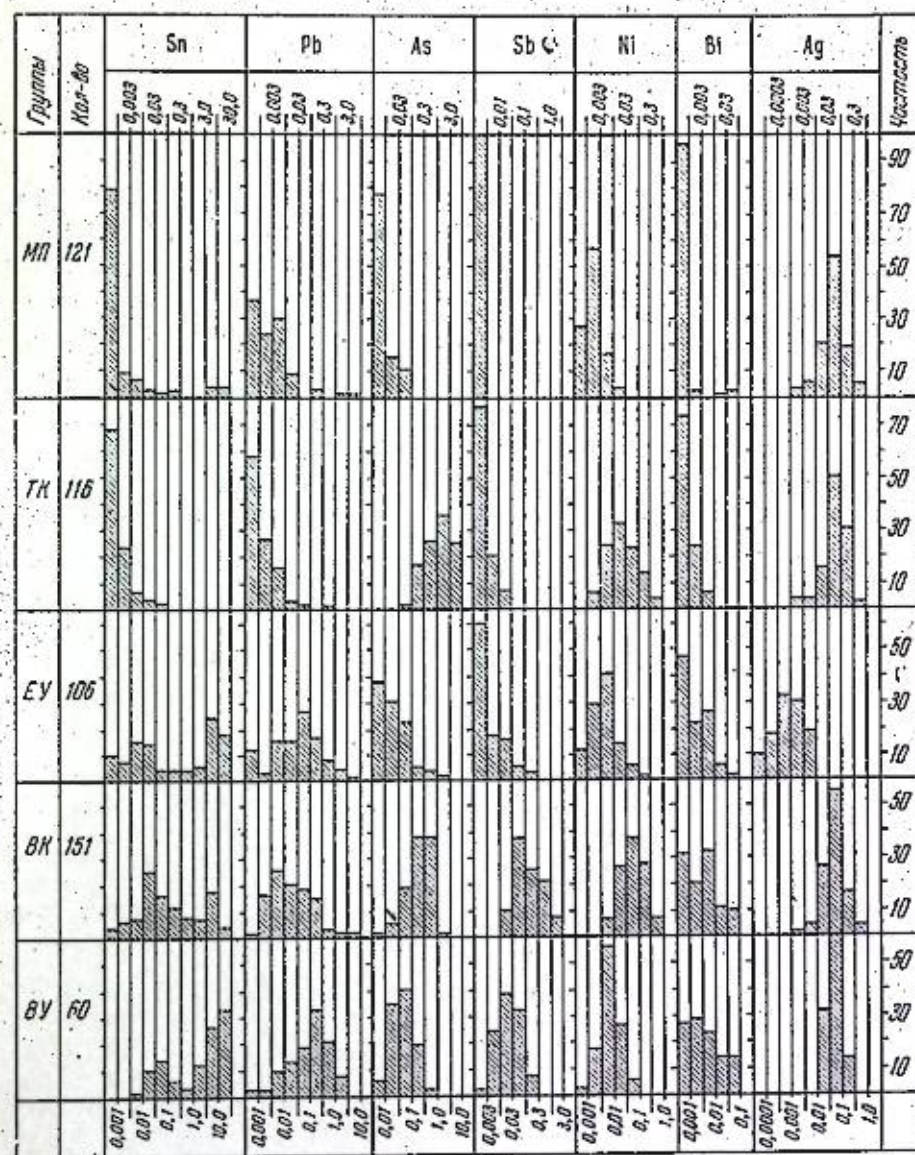

Рис. 2. Частотные гистограммы распределения концентраций диагностических примесей основных химических групп Урала и Поволжья

Б. Г. Тихонова¹¹ по типологии приуральских и среднеуральских металлических предметов часто являлась для нас исходной в этом аспекте исследования. Но тем не менее мне часто казалось необходимым видоизменять некоторые из его построений.

Таблица (рис. 5) дает возможность читателю судить о всех конечных типологических разрядах нашей схемы и, во-вторых, о распределении изделий того или иного типа по инвентарю отдельных культур и памятников. Последнее являлось основой при выводах о степени типологической близости металлического инвентаря сравниваемых культур.

Хронологические горизонты. Не ставя перед собой задачу детальной периодизации всех культур этой обширной области, фактически невозможной без привлечения всего археологического материала, мы склонны были ограничиться наметкой хронологических горизонтов. Они

¹¹ Б. Г. Тихонов. Указ. соч.

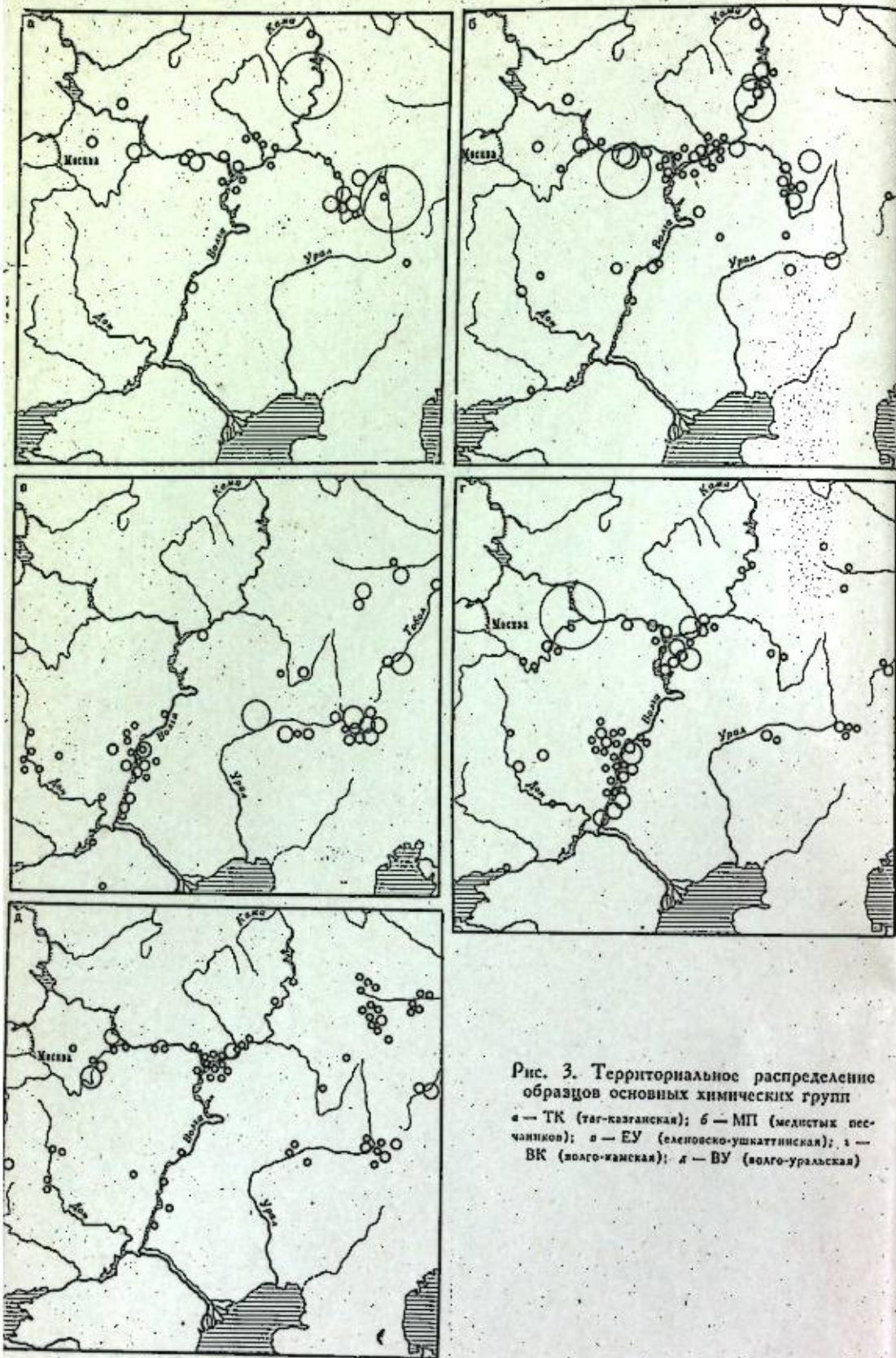

Рис. 3. Территориальное распределение образцов основных химических групп
 а — ТК (таг-казганская); б — МП (медистых песчанников); в — ЕУ (елезовско-ушкаттинская); г — ВК (волого-камская); д — ВУ (волого-уральская)

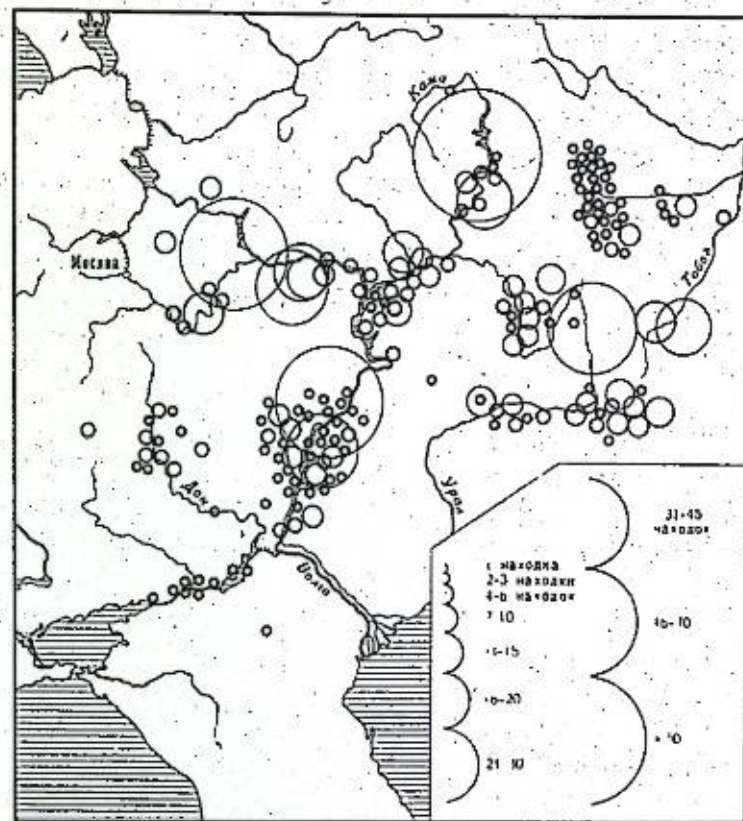

Рис. 4. Карта распределения проанализированных образцов

позволяют расположить в относительном хронологическом порядке важнейшие комплексы металлических предметов и наметить, таким образом, основные хронологические вехи для культур изучаемого района, а также дают возможность очертить хронологический диапазон деятельности отдельных металлургических очагов.

В основу определения хронологических горизонтов уральского и поволжского регионов были положены: 1) взаимовстречаемость отдельных типов и подтипов (конечные типологические разряды) в комплексах; 2) стратиграфические наблюдения; 3) система импортов 4) направления передвижения культур.

Взаимовстречаемость типов для определения их относительного хронологического диапазона была изучена на материалах около 70 комплексов, там, где встречались хотя бы две разнотипные находки или их матрицы. Количество комплексов, как мы видим, крайне невелико, но тем не менее почти исчерпывает данные, известные сейчас для уральского хронологического круга. Из всех конечных типологических разрядов были выделены три группы: 1) имеющие непосредственное типологическое продолжение в комплексах эпохи раннежелезного времени — позднейшие; 2) встречающиеся с типами первой группы в одних комплексах и 3) никогда не встречающиеся с типами первой группы — древнейшие.

В первую группу типов — позднейших — попадают кельты протоананьинского и ананьинского типов, наконечники копий с прорезями на перо, наконечники с округлым стержнем и литой втулкой, бляхи, бляшки и т. д. Вторая группа — промежуточная — довольно многочисленна и состоит из втульчатых желобчатых долот, кельтов дербеденевского и киммерийского типов, кельтов неорнаментированных турбинского типа, массивных крюка-

	Плоские наконечники	Гарпуны	Втульчатые наконечники чопы							Наконечники стрел		Кельты												Вислообразные типоры	Плоские тесла	Втульчатые долота				Кирки и пещки	Скребки	Пилы	Раскопанные артефакты								
			Сейминско-Турбинские	Корюжские	Прото-анжальские	Дальне-Сибирские	Дербандские	Киммерийские	Кельты - тесла	Втульчатые	Корешковые	Корюжские	Прото-анжальские	Дальне-Сибирские	Дербандские	Киммерийские	Кельты - тесла	Втульчатые долота	Втульчатые долота	Втульчатые долота	Втульчатые долота																				
Срубная	2		2	1		2																				2	1	2			1	1									
Сосновая Моза																																								1	
Андрановская				1																																				1	
Приказанская																																								+	
Поздняковская																																								+	
Сейма			2	6							2	1	3													1														1	
Турбина			11		1						4	21	4	1	2	1											2													2	
Абашевская		1										1	2	1													+													4	
Гаринско-барская																																									
Случайные находки Приуралья			1	1	3						2	1										3		5	3	1	2	3	1	2	17	11	1	2	2						1
Случайные находки Зауралья и Горбуновская				2	1	3							1	1									2	2	4			1	1												2

	Ножи								Кинжалы			Серпы и серповидные орудия					Браслеты						Грифы	Височные кольца			Подвески				Бусы		Прочие	Белашки	Перчатки	Булавы															
	Ножи	Ножи	Ножи	Ножи	Ножи	Ножи	Ножи	Ножи	Кинжалы	Кинжалы	Кинжалы	Серпы	Серпы	Серпы	Серпы	Серпы	Серпы	Браслеты	Браслеты	Браслеты	Браслеты	Браслеты		Браслеты	Грифы	Височные кольца	Височные кольца	Височные кольца	Подвески	Подвески	Подвески	Подвески					Бусы	Бусы	Прочие	Белашки	Перчатки	Булавы									
Срубная																	3	5																																	
Сосновая Моза																																																5			
Андрановская																																																			
Приказанская																																																			
Поздняковская																																																			
Сейма																																																			
Турбина																																																			
Абашевская																																																			
Гаринско-барская																																																			
Случайные находки Приуралья																																																			
Случайные находки Зауралья и Горбуновская																																																			

Рис. 5. Конечные типологические разряды инвентаря Волго-Уралья и распределение проанализированных спектров находок по коллекциям культур и отдельных памятников. Знаком + отмечено присутствие в коллекции находки или находок данного разряда, не проанализированных нами

дения за «горизонтальной» стратиграфией распределения разнотипных металлических находок и образцов различных химических и металлических групп по склону турбинского могильного поля. Было выяснено, что по периферийным частям могильника залегают неорнаментированные кельты, что указывает на их относительно поздний возраст. Это наблюдение вполне согласуется с данными по взаимовстречаемости. Кроме того, определено, что изделия группы СТ, корреспондирующей в основном с западносибирскими находками, залегают в основном в центре южной верхней группы находок¹⁵.

Направление движения абашевской культуры с запада на восток служит основанием для ставшего уже традиционным утверждения о более позднем возрасте уральского варианта этой культуры¹⁶.

Группы импорта были выявлены при помощи спектрального анализа и использованы для установления реальных связей между отдельными культурными группами и, следовательно, их синхронностью.

Металлургические очаги

Определение металлургического очага¹⁷ дает возможность наметить подразделения, которые отвечают этому термину. В начале статьи мы вкратце остановились на наиболее ранних очагах — ямном, полтавкинском и балановском.

Всю историю развития металлургии Уральской горнометаллургической области можно разделить на четыре этапа, соответствующих намеченным хронологическим горизонтам. Этапы характеризуют начало деятельности тех или иных металлургических очагов или же их групп, связанных своими корнями с различными территориями и культурными зонами. Последнее в свою очередь влекло за собой достаточно резкие изменения в типологии инвентаря, рудной базе, химических и металлургических группах и приемах металлообработки.

Первый этап связан с вероятным возникновением металлургии южно-уральских позднейших племен, о чем шла речь уже в начале статьи. Производство металла на этом этапе носило крайне ограниченный характер.

Значительно мощнее и разнообразнее была уральская металлургия на втором этапе (досейминском) своего развития. Наиболее яркими представителями этого этапа являлись племена металлургов фатьяновской (балановской) культуры, базировавшиеся на медистых песчаниках приуральского горнометаллургического центра. К этому же этапу относится начало деятельности абашевского, гаринско-борского и, может быть, кысы-кульского металлургических очагов. На Южном Урале продолжали вслед за ямными племенами металлургическое производство носители полтавкинской культуры.

Абашевский очаг металлургии был, безусловно, наиболее мощным из них¹⁸. Он базировался на ряде мелких месторождений вятско-казанской и уфимско-оренбургской групп медистых песчаников, а также на зауральском месторождении Таш-Казган. Ранние хронологические рамки его деятельности в целом определяются, с одной стороны, отсутствием в его продукции

¹⁵ Е. Н. Черных. К изучению металлургии Поволжья и Приуралья II тысячелетия до н. э. «Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР». Киев, 1967.

¹⁶ П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Абашевская культура в Поволжье. МИА, № 97, 1961, стр. 92; О. Н. Евтюхова. К истории изучения абашевской культуры. МИА, № 97, 1961, стр. 13.

¹⁷ Е. Н. Черных. О терминах «металлургический центр», «очаг металлургии» и других. СА, 1967, № 1.

¹⁸ Вероятно, дальнейшие исследования позволят разделить описываемый здесь абашевский очаг на два: собственно абашевский очаг в Поволжье и балановский — на Южном Урале.

поздних и даже относительно поздних форм инвентаря и, с другой — стратиграфическими наблюдениями¹⁹.

Можно обоснованно выделить два периода деятельности абашевского очага. Хронологическим индикатором позднего периода будет служить наличие в комплексах меди таш-казганской группы, так как, если исходить из восточного направления движения абашевцев, этого месторождения они смогли достигнуть лишь на относительно позднем этапе. Из руд последнего непосредственно выплавлялись медно-мышьяковые сплавы, по своим качествам резко превосходившие чисто медные изделия, получаемые из меди группы МП. Это и обусловило успех и широкое распространение таш-казганского металла. Видимо, наиболее ранние комплексы абашева следует искать среди тех, которые еще не содержали меди ТК. Судя по этому признаку, наиболее ранними будут некоторые погребения Вилатовской II курганной группы, поздними — Пепкинская братская могила и Алгаши²⁰.

По-видимому, еще в первом периоде абашевские металлурги вырабатывают те специфические формы украшений, которые имеют в виду археологи, называя их абашевскими (бляшки-розетки, браслеты треугольные в сечении, круглые — с заостренными концами, очковидные подвески). Эти формы продолжают бытовать всю пору существования очага. На позднем (баланбашском) этапе развития очага появляется форма топора со «слабым» вислым обухом (камский тип), который мы с известным основанием можем считать изобретением абашевских мастеров. В этот же период вырабатываются и серпы-струги верхнекизильского типа, и браслеты ребристые с мелким желобом, и другие формы.

Абашевский металлургический очаг не знал искусственных сплавов. Его продукция распространялась преимущественно в зоне памятников самой культуры.

Если первый период абашевского очага, не совсем еще ясный в связи с ограниченностью материала, характеризовался значительной изолированностью, то поздний период свидетельствует о существенных воздействиях, которым подверглась абашевская металлургия со стороны прочих культур. Может быть, предпосылкой для этого был тот факт, что самый южноуральский вариант абашева уже не был вариантом чистой культуры, а являл собой культурную интеграцию абашевских и местных (кысыкульских) элементов²¹. В таких условиях наибольшая близость и, видимо, воздействие ощущаются со стороны носителей турбинских форм металла. Их сближают как общие, преобладающие в коллекциях химические группы, так и целый набор тождественных типов инвентаря. Воздействие, вероятно, было взаимным. Самый конец деятельности этого очага и синхронные ему памятники (Нижне-Чуракаевский и Метеп-Томакский могильники, Малокизильское селище с кладом медных вещей) обнаруживают сильное воздействие на абашевцев со стороны пришедших сюда племен срубной и андроновской культур²².

Определенное воздействие оказали абашевские металлурги на деятельность гаринско-борского металлургического очага²³. Слабость последнего отчасти определялась низким уровнем металлообра-

¹⁹ К аналогичным выводам пришел К. В. Сальников при рассмотрении абашевского южноуральского металла (К. В. Сальников. К истории древней металлургии на Южном Урале, стр. 74).

²⁰ Е. Н. Черных. О металле абашевской культуры. «Памятники каменного и бронзового веков Евразии». М., 1964, стр. 105, табл. 5.

²¹ К. В. Сальников. Абашевская культура на Южном Урале. СА, XXI, 1954.

²² К. В. Сальников. Некоторые проблемы изучения эпохи бронзы Башкирии, стр. 74, 75.

²³ О. Н. Бадер. Древнейшие металлурги Приуралья, стр. 168. Автор отмечает определенную близость абашевских и борских черт металлургии.

ботки. Даже при визуальных исследованиях мы не можем обнаружить среди его продукции литых изделий. Все предметы изготовлены из чистой меди МП. Из оригинальных форм этого очага обратим внимание лишь на ножи с игловидным черенком и на подвески типа лунниц. Не исключено, что очковидные подвески и треугольный браслет появились здесь в результате контактов с абашевской культурой.

Совсем мало ощутима деятельность кысыкульского металлургического очага. Мы почти ничего не знаем о нем, кроме того, что население его в Зауралье начало употреблять медь скорее всего местных источников (стоянки Мурат, Суртанды Карабалыкты IX, раскопки Г. Н. Матюшина). В конце концов более мощная абашевская металлургия, видимо, подчинила его слабую деятельность.

Конец активности абашевского очага приходится на начало новой эпохи в развитии восточноевропейской металлургии — уральской. Именно в этот момент начинается производство мастеров андроновской и срубной культур, продукция которых распространяется на запад вплоть до Поднепровья. Однако наиболее яркими событиями, во многом определившими лицо металлургических форм многих культур региона, было появление здесь сейминско-турбинских форм металла.

Третий (сейминско-турбинский) период в развитии металлургии Урала и Поволжья характеризуется действием нескольких металлургических очагов, из которых наиболее мощным являлся андроновский очаг. Его рудной базой в основном служили известные еленовское и ушкаттинское месторождения на севере Мугоджар²⁴. Часть металла выплавлялась из руд некоторых месторождений учалинского рудного района на Южном Урале. Некоторое количество металла доставлялось из иных районов. С востока, видимо, шел западноандоновским племенам поток олова и оловянистых бронз. По пропорциональному соотношению оловянистых бронз и изделий из чистой меди андроновские коллекции значительно превосходят своих западных соседей (за исключением небольшого собрания поздняяковского металла). Если принять во внимание материалы Тасты-Бутакского I могильника, то общее количество оловянистых бронз среди исследованного инвентаря достигнет почти 2/3.

Нижняя хронологическая граница андроновского очага восходит к самым ранним срубным памятникам покровского возраста, если судить по отчетливым импортам группы ЕУ в Поволжье, и синхронизируется с алакульским этапом. Верхней границей должна быть финальная пора эпохи бронзы, относящейся уже ко времени замараевского этапа или культуры.

Специфические типы инвентаря, вероятно, представлены характерным и общим для андроновской культуры набором украшений (браслеты, бляшки, бусы и т. п.)²⁵. Орудия, приготовляемые западноандоновскими мастерами, широко бытовали и в инвентаре смежных культур Приуралья.

Наибольшую близость обнаруживает андроновская продукция к срубному металлу, который, очевидно, испытывал сильное влияние со стороны андроновской металлургии. Больше четверти изделий срубной культуры приготовлено из меди группы ЕУ, которая экспортировалась андроновцами племенам срубной культуры.

Срубный металлургический очаг локализовался в области Южного Приуралья с ориентацией на месторождения медистых песчаников уфимско-оренбургской группы. Однако в большинстве своем срубный металл состоит из групп, не отвечающих этому типу меди, хотя их генезис и не всегда нам ясен. Наиболее характерная форма, выработанная

²⁴ Е. Е. Кузьмина. Археологическое обследование памятников Еленовского микрорайона андроновской культуры. КСИА, вып. 88, 1962, стр. 94.

²⁵ «Андроновская культура», ч. 1. САИ, вып. В3-2, 1966, табл. XXXVI, XXXVII.

этим очагом, относится к крюкастым изогнутым серпам, распространенным очень широко и изготовленным в огромном большинстве из меди МП. По своей мощности очаг не мог сравниться с андроновским и значительно уступал тому.

По-видимому, родоначальником срубного очага можно считать очаг полтавский. Нижняя хронологическая граница деятельности срубных металлургов совпадает с началом сейминско-турбинского периода и фактически целиком падает на его время. Деятельность мастеров срубной культуры на остальных пространствах Поволжья в основном концентрировалась в области металлообработки. Поэтому мы вправе выделить в Поволжье и на Дону обширный срубный очаг металлообработки. Он синхронизируется в основном с первым периодом срубной культуры. Специфические формы, выработанные им, полнее всего отражаются в ножах с перекрестьем и перехватом. Типичен для него и массивный вислобушный топор.

Кроме андроновского, срубный очаг обнаруживает наибольшую близость к металлической коллекции Сейминского могильника. С последней его роднят общие химические группы и весьма близкий набор металлических типов. Определенное воздействие оказывал, видимо, срубный очаг на ранние периоды деятельности приказанского очага, который мы можем определить этим термином, опираясь лишь на ряд косвенных доказательств. Основная активность приказанского очага приходится уже на более поздний, послесейминский период.

Четвертый и финальный период развития металлургии Уральской горнометаллургической области можно было бы назвать протоананьинским, или предскифским. И хотя мы с относительной легкостью можем выделить для него наиболее характерные формы, разбросанные по всему пространству изученной области, нам не удастся столь же четко, как это мы делали для предыдущих периодов, обрисовать металлургические очаги этого времени.

Пожалуй, лишь только позднеандоновский или, даже точнее, замараевский²⁶ очаг в Южном Зауралье и приказанский в Волго-Камье предстают перед нами в сравнительно четком виде. Остается неясной судьба срубного очага, так как металл из памятников второго периода в должных количествах фактически отсутствует. Попытки связать Сосново-мазинский клад и его формы с упомянутыми памятниками²⁷ наталкиваются на некоторые возражения типологического и химического характера²⁸.

В целом для рассматриваемого периода характерны типы, выделенные нами в первую и вторую группы, т. е. протоананьинские кельты и наконечники копий, литые бляхи, втульчатые долота с прямым или желобчатым лезвием и т. п. Наиболее типичными для этого периода являютсяклады у Сосновой Мазы, Дербедени, Сабанчеевки. Чрезвычайно широко распространяются литые изделия всех видов. Металлургии этого периода наследуют основные типы сплавов предыдущего периода: оловянистые бронзы, сурмяно-мышьяковистые сплавы, широко употребляется и металлургически чистая медь, обусловленная нехваткой легирующего сырья.

Позднеандоновский, или замараевский, очаг продолжает эксплуатировать ту рудную базу, которая досталась ему в наследство от горняков и металлургов алакульского времени. Приказанские металлургии наряду с использованием руд типа медистых песчаников широко употребляют и медь группы ВК, генезис которой еще не вполне ясен.

²⁶ В. С. Сорокин. Западные памятники андроновской культуры. САИ, вып. ВЗ—2, стр. 7. Автор вслед за М. Н. Комаровой конструирует из памятников замараевского этапа особую культуру, отделяя ее от собственно андроновской.

²⁷ О. Н. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, стр. 60—63.

²⁸ Е. Н. Черных. О химическом составе металла клада из Сосновой Мазы. КСИА, вып. 108, 1966, стр. 123.

Одним из основных завоеваний мастеров предскифского периода является вероятное овладение техникой выплавки меди из сульфидов, что может следовать из результатов анализа сосново-мазинской меди²⁹. Так, очень суммарно и пока еще недостаточно отчетливо рисуются нам основные черты финального периода металлургии Урала и Поволжья в канун овладения местным населением секретов железа.

Подведем некоторые итоги сказанному.

1. Уральские металлургические очаги возникают в своем большинстве под воздействием некоторых других развитых металлургических центров, отчего всю металлургическую деятельность в пределах Уральской горнометаллургической области мы должны считать вторичной, занесенной сюда извне.

2. Все развитие древнейшей металлургии Волго-Уралья можно разделить на четыре основных периода, из которых наиболее ярким нам представляется третий — сейминско-турбинский. С ним совпадает наибольшая активность металлургов Урала и Поволжья, с него начинается уральский этап развития металлургии в Восточной Европе. Значительная расплывчатость основных черт финального периода обусловлена преимущественно археологической неразработанностью культур этого времени.

3. Отсутствие основного легирующего сырья сказалось на большом количестве изделий, которые вплоть до позднего периода изготовлялись из «чистой» меди.

²⁹ Там же, стр. 127—131.

В. П. ТРЕТЬЯКОВ

О СВЯЗЯХ ДРЕВНИХ ПЛЕМЕН ПРИКАМЬЯ
И ЮГО-ЗАПАДНОЙ ФИНЛЯНДИИ
ВО II ТЫСЯЧЕЛЕТИИ до Н. Э.

Материалы, позволяющие говорить о передвижениях восточных племен (прикамских, зауральских) эпохи неолита — раннего металла в западном и северо-западном направлении, уже не раз привлекали к себе внимание исследователей. Эти вопросы ставились в связи с поисками родины культуры Сперрингс, при изучении материалов нарвской культуры, при выяснении культуры Оленеостровского могильника, территории расселения вологовских племен и т. д.¹ В последнее время данная тематика привлекла автора этих строк после его знакомства с ямочно-гребенчатой керамикой «геометрического стиля» на территории Прибалтики, Карелии, Ленинградской обл. и Финляндии. Был сделан вывод о возможном проникновении неолитического населения Приуралья, Урала и Зауралья в упомянутые районы в эпоху бытования там культуры ямочно-гребенчатой керамики и о процессах ассимиляции пришлого населения².

Еще раз коснуться этой тематики побудило автора его знакомство с материалами культуры Екерле, памятники которой расположены в юго-западной Финляндии. Эта культура, известная еще с начала XX в., изучалась финскими археологами (О. Лухо, С. Мейнандер, А. Европеус и др.) вплоть до последнего времени. В 1966 г. в Хельсинки вышла в свет обобщающая работа Торстена Едгрена, где суммированы все данные, касающиеся названной культуры³.

Культура Екерле представлена рядом могильников и поселений. Могильники бескурганые, умерших опускали в грунтовые ямы, обложенные с четырех сторон каменными плитами, перекрывавшими могилу и сверху. Поселения представляли собой открытые стойбища. На одном из них (Екерле) вскрыты остатки наземного округлого в плане жилища⁴, напо-

¹ О. Н. Бадер. Древнейшая история Прикамья. Доклад по опубликованным работам, представленным на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1963; Х. А. Моора. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии. «Вопросы этнической истории эстонского народа». Таллин, 1956; Л. Ю. Янитс. К вопросу об этническом составе неолитического населения территории Эстонской ССР. Там же; он же. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустьях р. Эмайги (Эстонская ССР). Таллин, 1959; П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966; Н. Н. Гурина. Оленеостровский могильник. МИА, № 47, 1956; В. П. Третьяков. К вопросу о керамике нарвского типа. «Археологический сборник», № 6, Л., 1964, стр. 14—24 и другие работы.

² В. П. Третьяков. Об уральских элементах на ямочно-гребенчатой керамике «геометрического стиля». КСИА, вып. 111, 1967, стр. 67 и сл.

³ T. Edgren. Jäkälä-gruppen en västfinsk kulturgrupp under yngre stenålder. SMYA, 64, 1966. В работе дана подробная библиография по данному вопросу.

⁴ Там же, стр. 89.

бие сибирского чума⁵, площадью 10—15 кв. м. Посредине жилища, а также вне его располагались выложенные из камней очаги.

Вещественный материал представлен керамикой и каменными орудиями. Последние изготовлялись главным образом из сланца и кремня. Из сланца делали топорники, желобчатые долота, грузила для сетей, ножи, всевозможные подвески и кольца, а также сверленные топоры. К группе кремневых орудий относятся немногочисленные листовидные (или близкие к ним по форме) наконечники стрел и копий, ножи, скребки и проколки.

Чрезвычайно интересна глиняная посуда, представленная, как правило, в обломках. Судя по работе Торстена Едгрена, исследователям удалось восстановить три сосуда. Два из них представляют собой своеобразные чашки с прямыми венчиками и заостренным дном. Диаметры поверху равны 12,5 и 16 см. Глубина — соответственно 5 и 6,5 см. Третий сосуд имеет приблизительно те же размеры, но отличается наличием уплощенного дна, а также формой венчика (рис. 6). Украшена керамика почти исключительно оттисками гребенчатого штампа. Орнаментальные мотивы представляют собой вертикальные зигзаги, расположенные под углом друг к другу, зоны, составленные из длинных отпечатков штампа, ряды поясков вокруг сосуда, сочетания поясков и зигзагов, крестов или рядов коротких, наклонно нанесенных оттисков гребенки, овальные или прямые оттиски штампа, расположенные в шахматном порядке, своеобразные мотивы так называемой елочки со стеблем, рисунки из горизонтальных поясков и наклонно нанесенных оттисков гребенки. Часть керамики орнаментирована несложными композициями из овальных ямок, кружков и насечек. Всего нами подсчитано 17 видов орнаментальных мотивов (рис. 7). Наиболее распространенными были выполненные гребенкой вертикальные и горизонтальные зигзаги, ряды коротких наклонно нанесенных оттисков штампа (прямые или овальной формы) и пояски. Эта керамика получила название керамики типа Екерле. Не следует забывать при этом, что данная керамика не представляет собой единого комплекса, а делится на несколько групп⁶. К сожалению, в рабо-

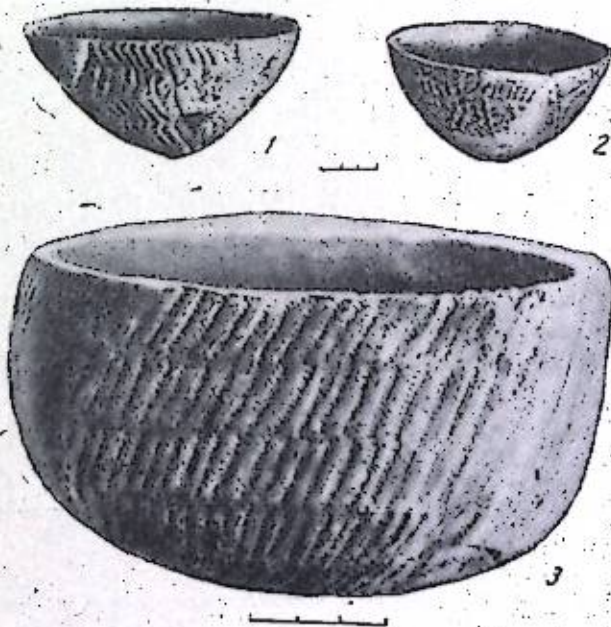

Рис. 6. Сосуды культуры Екерле (по Т. Едгрелю).

⁵ «Историко-этнографический атлас Сибири». М.—Л., 1961, стр. 161 и сл.

⁶ T. Edgren. Указ. соч., стр. 108 и сл.

Отмеченные общие черты финляндской и прикамской керамики позволяют, с нашей точки зрения, говорить об известном родстве комплексов керамики Прикамья и типа Екерле. Причем не следует забывать, что если прикамская керамика эпохи бронзы вырастает, как убедительно писал О. Н. Бадер, на местной неолитической основе²², то доказать то же самое для керамики типа Екерле, как нам кажется, гораздо сложнее.

На территории Финляндии и в прилегающих областях в эпоху неолита бытовали стоянки культуры Сперрингс и одного из вариантов культуры

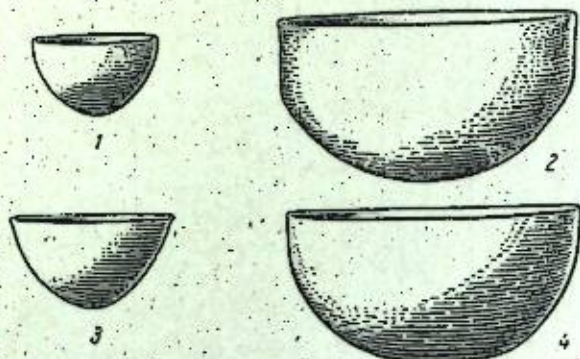

Рис. 8. Сосуды с поселений Бор II и Большекодинские (по О. Н. Бадеру и М. В. Воеводскому)
Прикамские (1—2); балахинские — комплекс Б (3—4)

ямочно-гребенчатой керамики²³. Керамика типа Сперрингс характеризуется наличием орнаментальных композиций, выполненных прочерчиванием и техникой «отступающей лопаточки». Кроме того, на данной керамике встречаются узоры из «перевитой колючей проволоки», римской цифры I, ямок неправильной формы. Рисунки, состоящие из отпечатков гребенчатого штампа (т. е. элемента, почти единственного для керамики типа Екерле), для керамики типа Сперрингс не характерны²⁴. Таким образом, мы видим, что «выводить» керамику типа Екерле из керамики типа Сперрингс затруднительно. То же самое можно сказать и в отношении сравнения керамики типа Екерле с ямочно-гребенчатой керамикой «геометрического стиля». Орнаментальные мотивы на ямочно-гребенчатой керамике, выполненные из оттисков штампа и округлых конических ямок, по своей сложности и типам значительно отличаются от рисунков на интересующей нас керамике (тип Екерле). Ямочно-гребенчатая керамика «геометрического стиля» на территории Финляндии и на северо-западе Европейской части СССР украшалась всевозможными ромбами, треугольниками, перекрещивающимися линиями, изображениями водоплавающей птицы и т. п. Любой мотив обязательно сопровождался коническими округлыми ямками, расположенными в различных сочетаниях. Как мы уже видели, керамика типа Екерле украшена совсем иначе.

²² О. Н. Бадер. Древнейшая история Прикамья, стр. 18 и сл.; он же. Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции (1947—1952). УЗ ПГУ, т. IX, вып. 3, стр. 44 и сл.

²³ А. Еугорасус. Die relative chronologie der steinzeitlichen keramik in Finnland. A. A. I. Kobenhavn, 1930, стр. 165—190; Н. Н. Гурина. Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера. МИА, № 20, 1951, стр. 80—128; она же. Древняя история северо-запада Европейской части СССР. МИА, № 87, 1961; В. П. Третьяков. Об уральских элементах на ямочно-гребенчатой керамике «геометрического стиля».

²⁴ Н. Н. Гурина. Древняя история северо-запада Европейской части СССР, стр. 60.

Все же, по мнению финских археологов, можно наблюдать определенное сходство между керамикой типа Екерле, с одной стороны, и керамикой типа Сперрингс и примесью асбеста — с другой. В частности, асбестовая керамика украшалась отпечатками гребенчатого штампа, которые образовывали несложные орнаментальные мотивы: ряды коротких, слегка наклонных оттисков гребенки, сочетание их с поясками, идущими вокруг сосуда, зигзаги, т. е. те композиции, которые мы видим на керамике типа Екерле²⁵. Однако общих узоров здесь мы насчитываем слишком мало (шесть-семь), чтобы полагать, что керамика типа Екерле развилась лишь на основе более древней финляндской керамики. Все это и позволяет нам говорить о том, что керамика типа Екерле возникла не без влияния некоторых прикамских традиций в ее изготовлении и орнаментации, что было обусловлено, по-видимому, определенными этническими связями, быть может, переселением во II тысячелетии до н. э. некоторых племен из Прикамья на территорию современной Финляндии.

При этом нас не должны смущать заметные различия в каменных орудиях, найденных на турбинских и финских поселениях. В Прикамье, в области, близкой к районам, богатым залежами высококачественного кремня²⁶, население изготовляло массу всевозможных кремневых орудий: наконечников стрел и копий различных форм, ножей, скребков и скребел из пластин и отщепов, вкладышей, проколов, небольших долот и т. п. Сланцевых орудий здесь чрезвычайно мало. Между тем в Финляндии, там, где нет своего кремня²⁷, основные виды орудий труда, как мы уже отмечали, изготовлялись из сланца, которого здесь много²⁸, а кремень в этих районах был лишь привозной, что и обусловило различие каменной индустрии в Прикамье и Финляндии²⁹.

Кроме того, следует подчеркнуть, что мы и не говорим о тождестве культуры Екерле и турбинской культуры. Мы лишь высказываем предположение, что одним из факторов формирования культуры Екерле было участие в этом процессе, на одном из этапов ее развития, турбинских племен, продвинувшихся к этому времени из Прикамья на запад.

Факты их передвижения в этом направлении уже давно зафиксированы археологами, свидетельством чему являются несколько поселений в Балахинской низине, находящейся при впадении Оки в Волгу. Это стоянки Большекодинские I и IV, Балахинская, Плеханов Бор, Выселки и др.³⁰ На этих памятниках типологически выделяется комплекс керамики («Б»), который, как справедливо отмечал О. Н. Бадер, генетически связан с матерналами турбинских стоянок в Прикамье и свидетельствует о переселении турбинских племен в восточную часть Волго-Окского междуречья³¹.

²⁵ T. Edglen. Указ. соч., стр. 9—13, 142—151.

²⁶ Г. М. Ковчурко. О распространении кремня на территории Европейской части СССР (к вопросу о применении камня в древней технике). «Новые методы в археологических исследованиях». М.—Л., 1963, стр. 238.

²⁷ Там же.

²⁸ Д. Кларк, Д. Грехэм. Доисторическая Европа. М., 1953.

²⁹ В. П. Третьяков. Неолитические племена Волго-Окского междуречья. Автореф. канд. дисс. Л., 1966, стр. 7.

³⁰ О. Н. Бадер, М. В. Воеводский. Стоянки Балахинской низины. ИГАИМК, вып. 106, 1955, стр. 298—346; О. Bahdet. Kulturen der Bronzezeit in Zentralrussland. SMYA, 59:1, 1957, стр. 22—24; И. К. Цветкова. Стоянки балахинской культуры в области нижнего течения Оки. МИА, № 110, 1963, стр. 54—84; В. В. Федоров, В. П. Третьяков. Стоянка «Выселки» (к вопросу о неолите восточной части Волго-Окского междуречья). СА, 1966, № 4, стр. 105—115 и др. работы.

³¹ О. Н. Бадер. Работа Чусового отряда Камской археологической экспедиции. КСИИМК, вып. XXVI, 1949, стр. 46; он же. Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции, стр. 56, 57; он же. Стоянка Бор II и предананьинское время в Прикамье, стр. 211, 212; он же. Kulturen der Bronzezeit in Zentralrussland, стр. 23, 24; он же. Древнейшая история Прикамья, стр. 37; он же. Могилишки турбинского типа, их возраст и связь с поселениями. «Археологический сборник», № 6. Л., 1964, стр. 111 и сл.; он же. Древнейшие металлурги Приуралья. М., 1964, стр. 171.

На этой керамике мы насчитали 12 типов орнаментальных мотивов, характерных для керамики типа Екерле в Юго-Западной Финляндии. Это зигзагообразные линии в сочетании с поясками из оттисков гребенки, вертикальные зигзаги, ряды коротких наклонно нанесенных оттисков гладкого или гребенчатого штампа (иногда в сочетании с поясками). Встречаются и более сложные композиции: «елочка со стеблем», композиция из овальных отпечатков штампа и горизонтальных и наклонных оттисков гребенки (рис. 7). Форма сосудов данного комплекса³² также близка керамике типа Екерле (рис. 6 и 8).

Предполагаемое передвижение прикамских племен эпохи бронзы на территорию Южной и Западной Финляндии не представляет собой чего-то необычного среди событий, происходивших в IV—II тысячелетиях до н. э. в лесной полосе Европейской части СССР. Как показывают исследования, это был период непрерывающихся передвижений различных по величине групп населения из Приуралья и Зауралья в центральные и северо-западные области Европейской части СССР и Финноскандию. Первые из них связаны с такими культурами, как Сперрингс на территории Финляндии и Карелии и нарвская — в Восточной Прибалтике. Затем пришельцы с Востока обусловили возникновение особого прибалтийского варианта культуры ямочно-гребенчатой керамики («геометрический стиль»). Восточного происхождения и памятники волосовского типа, распространенные в первой половине II тысячелетия до н. э. в Среднем Поволжье, Волго-Окском междуречье, на берегах верхней Волги и даже на Валдайской возвышенности. Предполагаемое передвижение турбинских племен из Прикамья на территорию Южной и Западной Финляндии является, по-видимому, одним из последних явлений подобного рода в эпоху неолита — бронзы на территории лесной полосы Восточной Европы.

³² О. Н. Бадер, М. В. Воеводский. Стоянки Балахинской низины, стр. 323, рис. 57, 3, 4; стр. 328, рис. 61, 2—4.

Е. К. ЧЕРНЫШ

ОРУДИЯ ТРУДА КУЛЬТУРЫ ГУМЕЛЬНИЦЫ

Несмотря на огромные собрания музеев Румынии и Болгарии, об орудиях культуры Гумельницы известно сравнительно мало. При обработке материалов, добытых раскопками на территории СССР, для сравнения их с классическими поселениями Гумельницы пришлось опираться лишь на отдельные описания орудий, содержащиеся в работах В. Думитреску, Д. Берчу и других авторов¹.

На территории СССР памятники Гумельницы представлены северо-восточным вариантом, названным Е. Комша Алдень II². Между ними имеется небольшая хронологическая разница, которую удалось определить в первую очередь при сопоставлении керамики. Поселения у с. Озерное под Измаилом и у Болграда можно сравнить с некоторыми раннетрипольскими поселениями Украины и Молдавии, а поселение в Вулканештах, на юге Молдавии, — с трипольскими поселениями этапа В I³.

В настоящей статье делается попытка суммировать данные по орудиям, найденным во время раскопок в Озерном, Болграде и Вулканештах. Орудия группируются по производственному принципу, так как они являются одним из основных показателей характера хозяйственной деятельности гумельницких племен.

В поселениях культуры Гумельницы, расположенных на территории нашей страны, большая часть изделий из камня изготовлена из привозных пород. Проведя петрографическое исследование, В. Ф. Петрунь пришел к выводу⁴, что орудия изготовлялись из серого и темно-серого кремня прутского типа, а большая часть — из малопрозрачного задунайского кремня серо-желтого, желтого или красного цветов. Последний привозился из Добруджи. Зернотерки и куранты делались из местных малопрочных известняковых песчаников и песчаных известняков, а также из привозных серо-зеленых или красновато-зеленых пород типа метагравелитоконгломератов, обладающих большей прочностью. Выходы их известны в Северной Добрудже. Из привозных пород, обнажения которых имеются на правобережье

¹ VI. Dumitrescu. Découvertes de Gumelnita. Dacia, vol. I. Bucuresti, 1924; он же. Fouilles de gumelnita. Dacia, vol. II. Bucuresti, 1925; он же. Gumelnita. Sondajul stratigrafic din 1960, SCIV (Studii și cercetari de istorie veche), 1. Bucuresti, 1966, и другие работы; D. Berciu. Contributii la problemele neoliticului in Romania in lumina noilor cercetari. Bucuresti, 1961.

² Е. Комша. Unel problemele aspectului Cultural Aldeni II, Studii și cercetari de istorie veche, 1. Bucuresti, 1963.

³ Т. С. Пассек, Е. К. Черныш. Открытие культуры Гумельницы в СССР. КСИА, вып. 100, 1965.

⁴ В. Ф. Петрунь. К петрографическому определению состава и районов добычи минерального сырья раннеземледельческими племенами юго-запада СССР. КСИА, вып. 111, 1967, стр. 50 и сл.

Нижнего Дуная, преимущественно из диабазов и порфиринов, изготовлялись боевые сверленные топоры, песты, куранты и другие орудия.

Как мы видим, большая часть сырья для изготовления каменных орудий поступала с основной территории гумельницких племен. Сравнительную бедность срудиями поселений рассматриваемого района скорее всего следует объяснять трудностью доставки из-за Дуная сырья. Привозной материал использовался в поселениях почти без остатка. Редко можно встретить отщеп или пластину кремня, которым не нашлось применения. Орудия, сделанные из хорошей заготовки, по несколько раз переделывались. Например, притупившийся вкладыш жатвенного ножа из Озерного был подправлен ретушью и снова использован в качестве ножа, а затем и в качестве сверла (рис. 9, 8).

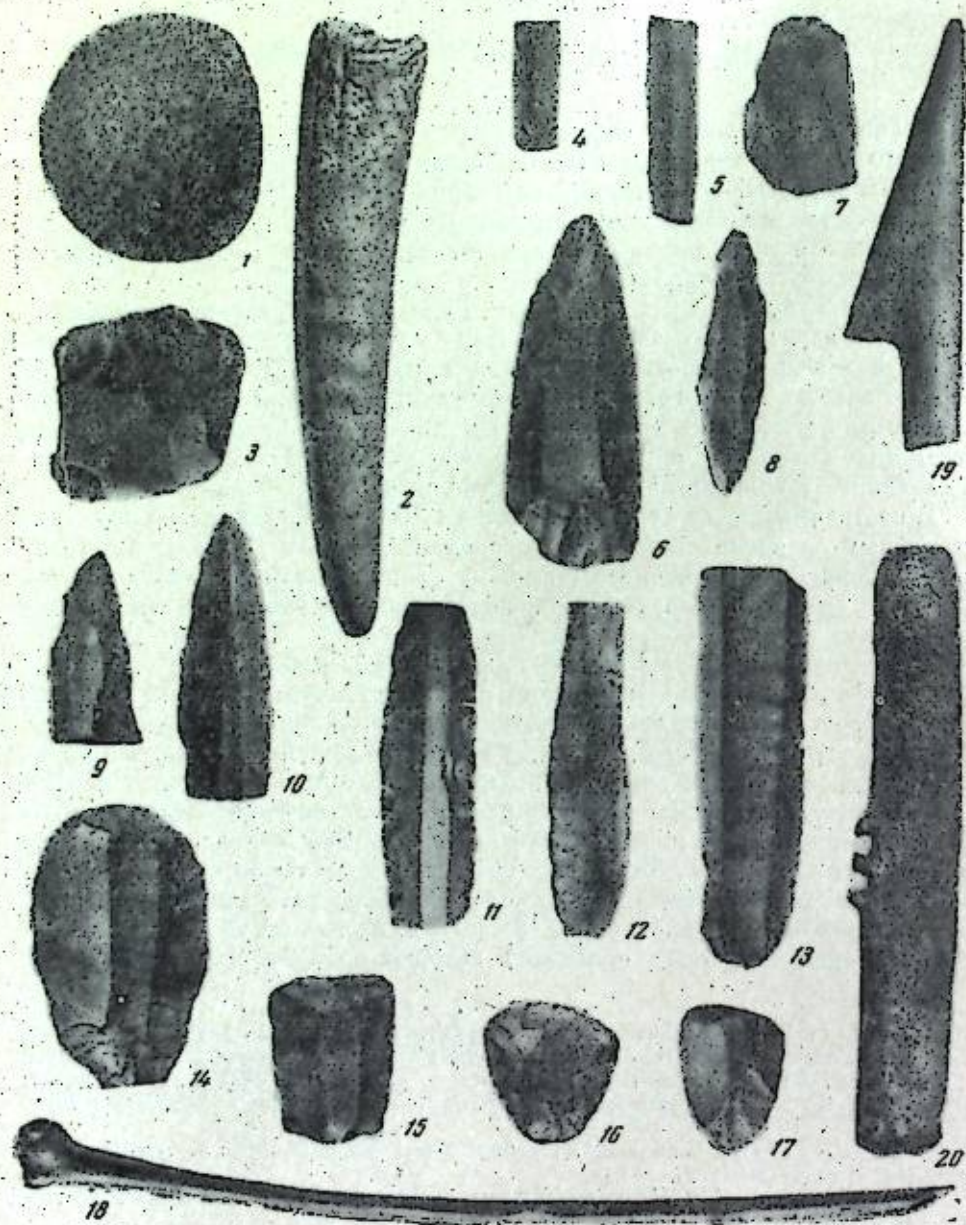

Рис. 9. Находки орудий культуры Гумельницы
1, 3—17 — кремень; 2, 20 — рог; 18, 19 — кость

Нуклеусы встречаются редко, и все они до предела сработаны. Так, высота нуклеуса из Озерного ~3,3 см, поперечник ударной площадки ~2,7 см (рис. 9, 3). Нуклеус из Болграда имел в высоту 3,7 см при поперечнике 2,7—3 см. Там же был найден скол оживления площадки диаметром 2,5 см⁵. Найдены роговые отжимники (рис. 9, 2) и кремневые отбойники диаметром в среднем 4,5—5 см (рис. 9, 1).

Судя по размеру орудий, пластины отжимались самой различной величины (4 × 1,1 × 0,2 см; 7,7 × 2 см; 8 × 2,3 см). Из пластин изготовлено большинство кремневых изделий, меньше — из пластинчатых отщепов. Среди них преобладают инструменты для резания мяса и обработки шкур. Мясные ножи (рис. 9, 12, 13), обычно двулезвийные, часто приостренные вторичной ретушью. Ретушь на ножах бывает легкая, слегка подправляющая лезвие, реже — крупная, сплошь покрывающая весь край. Как правило, ретушь — нерегулярная.

Ножи и скребки часто оканчиваются скребковой ретушью, создававшей упор для пальца (рис. 9, 11). У инструментов, изготовленных из отщепов, режущая функция является вспомогательной. У таких орудий, в большинстве случаев концевых скребков, широкий конец обработан высокой ретушью, а боковые стороны — двусторонней приостряющей ретушью. Лезвия эти использовались для подрезания сухожилий во время работы скребком (рис. 9, 14—17).

Для прокалывания отверстий при шивании шкур применялись шилья с жальцами различной толщины. Изготавливались они из расколотых трубчатых костей (рис. 10, 1, 2, 3). Длина их в среднем около 10 см. Для разглаживания швов употреблялись костяные ложила.

Наряду с обработкой шкур животных и изготовлением из них одежды существовало прядение и плетение. Изредка встречаются глиняные пряслица для веретен. Они очень плоские, диаметром около 4 см. Находятся и костяные кочедыки для плетения (рис. 10, 4). Довольно часто на днищах сосудов сохраняются отпечатки рогожи, плетеной из осоки. В Озерном найдена длинная (19 см) спица для плетения сетей. Она сделана из трубчатой кости лебеды (рис. 9, 18). Возможно, инструментом, использовавшимся при плетении, являлась пластина, вырезанная из рога оленя. Длина ее 12 см, ширина 1,8 см, толщина 0,4 см. С одной стороны пластины имеется небольшой выступ, через который были просверлены два отверстия диаметром всего в 0,3 см. В этом месте у отверстий предмет и поломался (рис. 9, 20).

Среди изделий из камня и кости очень редко встречаются наконечники стрел. Один такой наконечник опубликован В. Думитреску в последней статье о раскопках в Гумельнице⁶. Это плоский треугольный наконечник с ровным основанием изготовлен из отщепы путем нанесения неровной ретуши. В поселениях на территории СССР наконечники стрел пока не найдены, но из охотничьего оружия в Озерном найдены обломок одного из зубцов костяной остроги (рис. 9, 19) и поворотный гарпун с обломанными концами (рис. 10, 6). О том, что жители гумельницких поселков занимались охотой и рыболовством, достоверно известно по остаткам костей. Охота велась на благородного оленя, косулю, кабана, кулана и пушных зверей; охотились на птиц, ловили рыб. Судя по количеству особей домашних и диких животных, кости которых обнаружены в жилищах гумельницких поселений, охота не играла особенно большой роли, но рыбная ловля имела довольно большое значение. Поселки обычно располагались у рек и озер, изобилующих рыбой. При раскопках гумельницких землянок среди золы очагов постоянно находится множество рыбьих костей.

⁵ Т. С. Пассек, Е. К. Черныш. Указ. соч., стр. 9, рис. 3, 1, 2.

⁶ Vl. Dumitrescu. Gumelnita. Sondajul stratigrafic din 1960, стр. 57, рис. 8, 3.

Рис. 10. Находки орудий культуры Гумельницы
1, 4—18 — кость; 6, 19 — рог; 7—17 — камень

В хозяйстве большое значение имело животноводство и земледелие. На территории Румынии В. Думитреску обнаружил рало из рога. Известны мотыги. С занятием жителей земледелием связано изготовление жатвенных ножей. Кремневые вкладыши ножей изготавливались из широких толстых (в среднем 0,4 см) и довольно коротких пластин (рис. 9, 7). Сработанная часть орудия заполирована до зеркального блеска. Судя по сильно скошенной линии заполировки, этот вкладыш употреблялся в деревянной оправе. Величина его 3,4×2,1×0,4 см. В профиль он очень ровный, что делает удобным закрепление его в рукоятки.

Рукоятки к некоторым кремневым инструментам изготавливались из рога благородного оленя.

Зернотерки найдены и в землянках, и в глинобитных домах. Чаще всего они разбиты. Величина их различна. Но в землянках Озерного и Болграда они имеют меньшие размеры, чем на площадках несколько более позднего поселения Вулканешты. И количество их не очень велико. Возможно, в этом факте можно усматривать признак еще слабого развития земледелия в начале Алдень II и большее развитие к концу фазы. При проведении параллелей с трипольской культурой можно отметить пока только, что величина рабочей части зернотерок в раннетрипольское время меньше, чем в период развитого Триполья, когда количество зернотерок к тому же еще и увеличилось.

Куранты — небольших размеров. Иногда они делались из отбойников, иногда — из крупных круглых галек. Употреблялись куранты подолгу, в результате чего все стороны их сильно стертые и уплощены (рис. 10, 15). Размеры их: 7,5×7 см; 5,8×6,8 см; 6,3×5 см; 5,1×4,6 см и т. п. Их очень удобно держать в руке.

В большом количестве найдены каменные песты (рис. 10, 16, 17) различной формы и размера, высота их в среднем 10 см. Ими можно было размельчать и продукты, идущие в пищу, и дробить черепки на шамот, и выполнять другие подобные работы. Обилие пестов для размельчения зерна — это специфика гумельницких поселений.

Во всех поселениях в довольно большом количестве обнаружены обломки топоришков. Изготавливались они из привозного сырья. В жилищах, вскрытых раскопками, лежали обломки испорченных при сверлении топоров и цилиндрики, выпавшие при сверлении отверстий для рукоятки (рис. 10, 10). Средняя длина топора колеблется от 7,5 до 10,5 см, ширина у отверстия 3—4,5 см, толщина 1,5—2,5 см, диаметр отверстия 1,3—2,2 см. К сверлению отверстия приступали после шлифовки, и, судя по фрагментам топоров, мастеров довольно часто постигала неудача: так как толщина топора у отверстия небольшая (1—1,5 см), изделие часто ломалось в момент сверления (рис. 10, 12, 13). Некоторые из сломанных заготовок пытались переделать. Намечалось новое место для сверления отверстия, но такая попытка далеко не всегда увенчивалась успехом. На заготовках отчетливо видно, как мастер на противоположных сторонах топора намечал контуры, по которым предполагалось сверлить его. В Вулканештах найден экземпляр, у которого с одной стороны просверлена неглубокая ямка диаметром в 1 см, а с другой — намечено место отверстия диаметром 1,7 см в виде заполированного кольца (видимо, от недолгого соприкосновения поверхности с полым сверлом).

Топорики прекрасно отполированы. Большинство имеет небольшое расширение в виде плечиков в той части топора, где проходило отверстие.

Для обработки дерева, имевшего большое применение в хозяйстве, кроме топоров, применялись тесла (рис. 10, 7, 8) и долота (рис. 10, 9) из мягких пород, легко поддающихся полировке, и кости. Эти инструменты имели различную величину, но весьма стандартную форму. Созданные еще во времена неолита, эти типы орудий были широко распространены у всех балкано-дунайских земледельческо-скотоводческих племен.

Топоры, тесла и долота употреблялись в муфтах. Обломок муфты обнаружен в Озерном (рис. 10, 18). Его длина 16,5 см; отверстие для насадки на деревянную рукоять вырезано, а не просверлено и имеет прямоугольную форму. Роговая муфта обнаружена в Вулканештах (рис. 10, 19).

Для сверления по кости и дереву применялись небольшие ручные кремневые сверла, изготовленные из массивных пластин (рис. 9, 9, 10). К материалу относились бережливо, примером чего может служить сверло из Озерного (рис. 9, 8). Оно было изготовлено из жатвенного ножа, вышедшего из употребления, о чем свидетельствует характерная заполированность некоторых участков инструмента. Кремень отретуширован заново. Один конец сверла сработан.

Для распила рога и кости служили кремневые пилки. Это — тонкие пластинки-вкладыши с легкой ретушью по лезвию и равномерной тонкой заполированностью по обеим сторонам лезвия (рис. 9, 5).

Резцы встречаются редко. На территории СССР их пока не нашли, но В. Думитреску публикует несколько очень выразительных экземпляров⁷. Это — типичные срединные и угловые резцы, сделанные преимущественно из пластин. Судя по фотографии, некоторые пластины с одного конца оформлены как резцы, а с другого — как скребки. Подобную картину мы наблюдаем иногда у трипольских племен Поднестровья. Интересно отметить, что в культуре Гумельница резцы встречаются так же редко, как и в трипольской культуре. Причем типы резцов с трипольских поселений Поднестровья находят ближайшую аналогию именно среди резцов Гумельницы.

Если проводить сопоставление орудий культуры Гумельницы с орудиями трипольской культуры, то можно найти новое подтверждение в правильности синхронизации поселений типа Алдень II с трипольскими поселениями этапов А и VI. Техника изготовления орудий из камня, рога и кости находилась у них на одном уровне. Судя по небольшому количеству сильно сработанных нуклеусов, они относятся к наиболее широко распространенному типу клиновидных. Нуклеус зажимался в деревянную щемилку, и при помощи рогового отжимника с него скалывались тонкие ровные пластины до тех пор, пока это было возможно сделать даже на небольшом остатке ядрища.

Для изготовления орудий употреблялись преимущественно пластины средней величины (5—7 см длины). Ретушь на них не отличается аккуратностью, она неровная и порой даже небрежная. Набор орудий и типы их соответствуют тем, что нам известны у трипольских племен, находившихся на том же уровне развития.

Одинаково развита была и обработка металлов. В поселениях Гумельницы встречаются только простые инструменты небольшого размера. Находки их редки. В поселениях культуры Гумельницы на территории СССР найдены пока только четырехгранное медное шило и колечко с несомкнутыми концами.

Проводя сопоставление с трипольскими поселениями, следует отметить, что не только характер техники обработки камня помогает провести некоторую синхронизацию поселений обеих культур, но и употребление отдельных предметов в строго определенной отрезок времени. Например, в Озерном, которое сравнивалось с раннетрипольскими поселениями, в 1965 г. был обнаружен роговой предмет для плетения. Подобные предметы до сих пор были известны в основном в трипольской культуре и только на раннем этапе (А и VI).

⁷ VI. Dumitrescu. Указ. соч., стр. 57, рис. 5.

В. Г. ЗБЕНОВИЧ, А. М. ЛЕСКОВ
О СТРАТИГРАФИИ И КЛАССИФИКАЦИИ ПОГРЕБЕНИЙ
ОДЕССКОГО КУРГАНА

Раскопанный в 1912—1923 гг. так называемый Одесский курган¹ по сей день привлекает пристальное внимание исследователей как один из важнейших стратиграфических эталонов Северо-Западного Причерноморья. Правильное понимание его стратиграфии весьма важно для выяснения исторического соотношения древнейших культур этой территории. 32 погребения кургана относятся к нескольким археологическим культурам, принадлежавшим ряду последовательных исторических периодов (рис. 11).

Сразу же после раскопок памятник был должным образом оценен В. А. Городцовым, уже в 1915 г. предложившим весьма интересную стратиграфическую классификацию его погребений².

После кратких упоминаний Одесского кургана в ряде общих работ по археологии Северного Причерноморья³ лишь в последние годы археологи обратились к более детальному анализу погребений кургана (М. Гимбутас⁴, А. Гейслер⁵). Однако необходимость более точного учета полевых наблюдений А. В. Добровольского, а также использования новых материалов, полученных за последние годы в итоге больших раскопок на юге Украины, заставляют нас вновь обратиться к стратиграфии Одесского кургана, к классификации и хронологии его погребений⁶. Прежде всего выделим древнейшие погребения кургана. Их пять: все они спущены с уровня дневной поверхности, причем в четырех случаях (20, 25, 29, 30) этот уровень фиксируется каменными плитами или группой камней, перекрывавшими могилы.

Погребение 11 расположено в центре кургана и всеми исследователями считалось основным. Покойник похоронен на материковой желтой глине в

¹ А. В. Добровольский. Раскопки кургана в предместье Одессы Слободка-Романовка. ЗООИД, т. XXXII, 1915, стр. 121—144.

² В. А. Городцов. Классификация погребений Одесского кургана. «Отчет Российского исторического музея за 1915 г.», М., 1917, стр. 116—142.

³ А. М. Tallgren. La Pontide préscythique. ESA, II. Helsinki, 1926, стр. 48—49; И. В. Фабрициус. Археологическая карта Причерноморья УССР. Киев, 1951, стр. 42.

⁴ M. Gimbutas. The prehistory of Eastern Europe, p. I. American school of Prehistoric research, Peabody museum, Harvard University. Cambridge—Massachusetts, 1956, стр. 85—88.

⁵ A. Häusler. Die Gräber der ältesten Ackerbauern in der Ukraine. «Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Luther Universität, H. 11/12. Halle, 1964, стр. 774, 775.

⁶ При этом мы опираемся на план и сведения, содержащиеся в дневнике А. В. Добровольского, о размерах и высотах последовательных насыпей. Здесь следует учитывать разницу между уровнями современной и древней дневных поверхностей, выявленную при исследованиях Е. Ф. Лагодовской, Э. Ф. Патоковой и В. Г. Збеновичем курганов в с. Усадове на окраине Одессы. Она составляет примерно 30 см. У десяти погребений стратиграфия и погребальный обряд недостаточно выразительны (1, 8, 9, 12, 18, 19, 21, 24, 26, 32), поэтому последние в статье не рассматриваются.

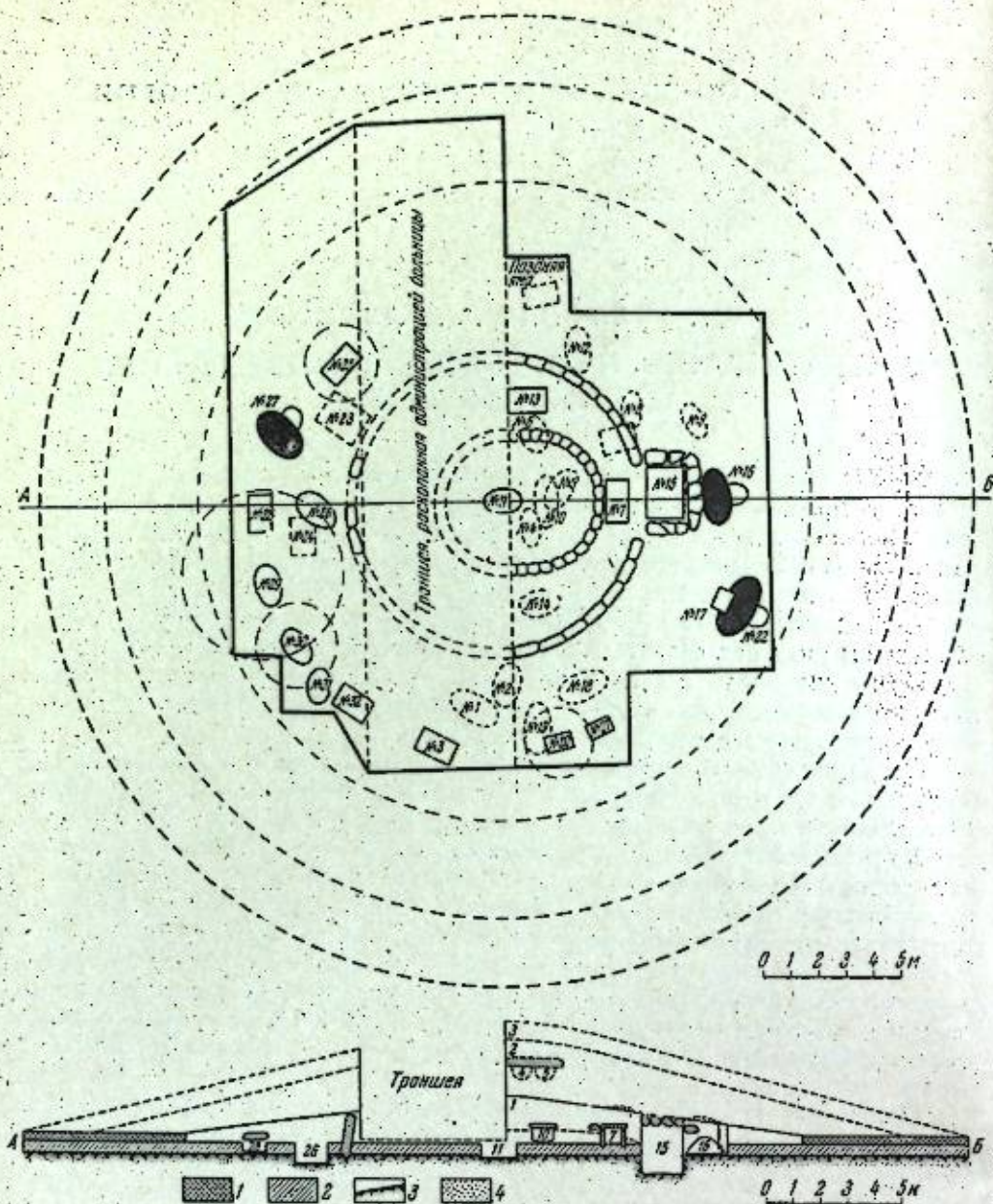

Рис. 11. План и разрез Одесского кургана (составлены на основании данных А. В. Добровольского)

1 — современный чернозем; 2 — древний чернозем; 3 — материк; 4 — материковый выканд

скорченном положении, на правом боку, головой на восток. Череп густо окрашен красной краской⁷.

Погребение 20. Яма на уровне древней поверхности перекрыта каменной плитой, на которой стоял раздавленный круглодонный сосуд. Скелет (очевидно, ребенка) почти совершенно истлел. Сохранились следы красной краски⁸.

Погребение 25. На уровне древней поверхности погребальная яма (глубина 0,35 м) перекрыта каменной плитой, обложенной небольшими камнями.

⁷ А. В. Добровольский. Указ. соч., стр. 131.

⁸ Там же, стр. 134.

Покойник лежал скорченно, на левом боку, головой на северо-восток. Рядом со скелетом стоял лепной плоскодонный сосуд⁹.

Погребение 29. Могильная яма (глубина 0,35 м) спущена с древней дневной поверхности; рядом с ней находилось несколько камней. Покойник лежал скорченно, на левом боку, головой на юго-восток. Под скелетом заметны следы краски¹⁰.

Погребение 30. На уровне древней поверхности обнаружена треснувшая плита, обложенная камнями. Под ней — овальная яма глубиной 0,35 м. В яме — покойник в скорченном положении на спине. Сохранились следы охры¹¹.

Рядом с погребением 29 обнаружено погребение 28 (покойник в скорченном положении на правом боку, головой ориентирован на север; здесь же — куски краски и кости животных), совершенное чуть позже: по сообщению А. В. Добровольского, плита, перекрывающая яму погребения 28, лежала «почти на грунте»¹². Очевидно, эта яма прорезала край небольшой насыпи, перекрывающей соседнее погребение 29.

Скорее всего и остальные древнейшие погребения были перекрыты небольшими насыпями, в частности и центральное погребение 11, насыпь которого не превышала в высоту 0,7 м. Именно на этой высоте были обнаружены плита, перекрывающая более позднее погребение 10, и камни внутреннего кромлеха диаметром 4,25 м. Ясно, что плита и кромлех были положены на тогда еще открытую невысокую насыпь, которая могла быть сооружена только над погребением 11, ибо погребения 4, 5, 6, также расположенные в центре кургана, лежат гораздо выше.

Учитывая небольшие размеры этой первичной центральной насыпи над погребением 11, можно утверждать, что вся рассмотренная группа погребений (11, 20, 25, 29, 30, а также 28) была совершена до сооружения первой (по А. В. Добровольскому) насыпи кургана диаметром в 21 м.

Следующим по времени является погребение 10, находившееся (согласно дневнику) в первой насыпи кургана на 0,55 м выше погребения 11¹³, т. е. несколько выше древней дневной поверхности. Таким образом, это погребение было впущено в первичную насыпь, перекрывавшую погребение 11. Покойник лежал скорченно на правом боку, ориентированный головой на север. На костях ног и дне могилы — следы красной краски. У черепа — мелкие куски угля, у ног — кремневый отщеп. Ноги покойника были засыпаны песком¹⁴. Как уже отмечалось, это погребение было перекрыто большой (2×1,25×0,18 м) каменной плитой и окружено кромлехом, камни которого лежат на одном уровне с плитой.

Естественно предположить, что практически одновременно с погребением 10 было совершено погребение 7 в каменном ящике (покойник в скорченном положении на левом боку, головой на север)¹⁵. В пользу этого говорит сходство погребального обряда (ориентация, скорченное положение скелетов, охра) и наличие каменных сооружений. К тому же крышка каменного ящика находится на одном уровне с плитой перекрытия погребения 10 и камнями внутреннего кромлеха, вплотную к которым, судя по плану А. В. Добровольского, примыкает каменный ящик 7. Поскольку крышка этого ящика лежала на одном уровне с камнями кромлеха (0,7 м выше древней поверхности), то ясно, что ящик был впущен в полу первичной насыпи над погребением 11. Учитывая высоту его стенок (0,67 м) и толщину крышки, считаем, что ящик был слегка углублен в древнюю дневную поверхность.

⁹ Там же, стр. 136, 137.

¹⁰ Там же, стр. 138.

¹¹ Там же.

¹² Там же, стр. 137.

¹³ Там же, стр. 131.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, стр. 129.

Каменный ящик 7, по мнению А. В. Добровольского¹⁶ и В. А. Городцова¹⁷, связан с сооружением большого кромлеха (диаметр 9,8 м), составленного из вкопанных в материк хорошо обтесанных каменных плит (1,4×0,7×0,18 м). Однако многочисленные примеры курганов с каменными кольцами-кромлехами убеждают в том, что погребение, в связи с которым сооружался кромлех, как правило, находится в центре последнего. Поэтому вряд ли можно связать сооружение большого кромлеха Одесского кургана только с одним погребением 7, примыкавшим к кромлеху, тем более что в дневнике А. В. Добровольского имеется упоминание о трех каменных ящиках такого же устройства, находившихся внутри большого кромлеха и разрушенных при рытье траншей¹⁸. Там же указано, что плиты большого кромлеха появились на границе первой и второй (средней) насыпи¹⁹. Учитывая высоту первой насыпи (1,5 м) и диаметр кромлеха (9,8 м), легко подсчитать, что плиты были вкопаны на 0,5 м ниже уровня древней дневной поверхности.

После сооружения большого кромлеха была создана первая (по А. В. Добровольскому) насыпь кургана высотой в 1,5 м и диаметром 21 м, перекрывшая и древнейшие могилы, находившиеся на периферии по отношению к центральному погребению 11. Нижняя дата этой насыпи определяется сосудами из погребений 20 и 25.

Следующей по времени является группа погребений, спущенных с уровня первой насыпи. Старейшим среди них, т. е. определяющим верхнюю дату насыпи, является погребение 15. При рытье его могильной ямы был разобран большой кромлех, а обломки плит использованы для обкладки ямы с трех сторон; таким образом, могила «оказалась как бы присоединенной к большому кругу»²⁰. Представляется весьма вероятным, что погребение 15 было совершено вскоре после сооружения большого кромлеха. О хронологической близости погребений 7, 10, 15 говорит общность погребального обряда. Действительно, в большой (1,87 × 1,4 × 1,12 м) могильной яме погребения 15, перекрытой деревянным накатом, были похоронены мужчина и женщина, лежавшие в скорченном положении на боку, лицом друг к другу, ориентированные головой на север. Черепа их оказались густо окрашенными охрой; следы ее видны также на дне ямы. При женском черепе найдены два спиральных височных кольца из серебряной проволоки²¹. Поскольку в погребении 15 нет надежно датированного инвентаря, то его верхняя дата определяется катакомбным погребением 16, примыкающим к нему с востока. По дневнику А. В. Добровольского, пятно могильной ямы погребения 16 было обнаружено на поверхности первой насыпи. Яма углублена ниже древней поверхности на 0,35 м. В западной ее стенке вырыта небольшая катакомба, где лежал костяк в вытянутом положении, головой на юго-восток. Вход в катакомбу был заложен камнями. Возле камней найден плоскодонный сосуд (рис. 12, 6)²².

Поскольку засыпка входной ямы погребения 16 состояла из «чернозема с желтой глиной»²³, а дно ямы едва доходило до материка, то ясно, что желтая материковая глина является частью выкида из глубокой могильной ямы более раннего погребения 15. Итак, верхняя дата погребения 15, а тем более первой (по А. В. Добровольскому) насыпи и большого кромлеха определяются сосудом из погребения 16, характерного для катакомбной

¹⁶ А. В. Добровольский. Указ. соч., стр. 131.

¹⁷ В. А. Городцов. Указ. соч., стр. 137.

¹⁸ А. В. Добровольский. Указ. соч., стр. 124.

¹⁹ Там же, стр. 128.

²⁰ Там же, стр. 132, 133.

²¹ Там же, стр. 132.

²² Там же, стр. 133, 143, табл. II, 14.

²³ Там же, стр. 133.

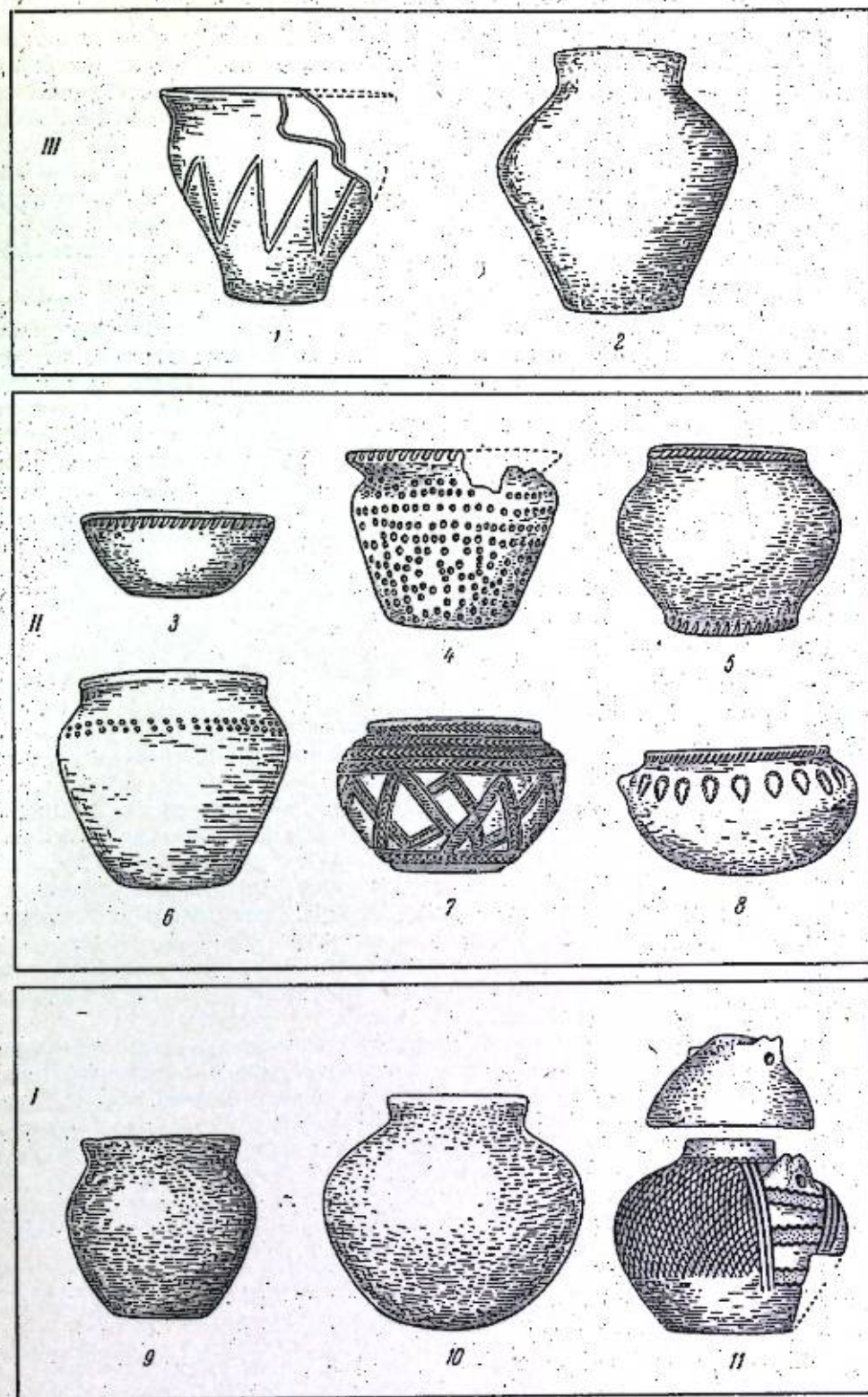

Рис. 12. Материалы из погребений Одесского кургана

I. 9—11 — сосуды из древнейших погребений позднего времени: 9 — из погребения 25; 10 — из погребения 20; 11 — из погребения, разрушенного могильной ямой 13
II. 3—8 — сосуды из погребений катакомбного времени: 3, 4, 6 — погребение 16; 5 — погребение 31; 7 — погребение 14; 8 — погребение 22
III. 1, 2 — сосуды из погребений срубного времени: 1 — погребение 17; 2 — из разрушенного каменного ящика

культуры первой половины II тысячелетия до н. э. Датировка эта подтверждена и катакомбным погребением 22: подобно погребению 16, оно спущено с поверхности первой насыпи. Погребенный лежал в вытянутом положении на спине, головой на юг. У черепа найден сосуд в виде чаши с небольшой ручкой (рис. 12, 8)²⁴.

К этому же времени относится и погребение 27 в катакомбе (покойник лежал вытянуто на спине, головой на юго-восток)²⁵, а также впускные погребения 14 и 31 с сосудами катакомбной культуры (рис. 12, 7, 5)²⁶. Таковы погребения, позволяющие говорить о возрасте первой насыпи Одесского кургана.

Что касается второй насыпи, достигающей в высоту 2 м при диаметре 30 м, то данные дневника А. В. Добровольского не совпадают с профилем-схемой, судя по которому создание этой насыпи представлялось автору одновременным актом²⁷. В действительности же вторая насыпь создавалась постепенно, в результате ряда локальных подсыпок над тем или иным погребением, впущенным в курган через первую насыпь. В этом отношении показательно, что плита, перекрывавшая погребение 3, находилась на высоте 0,7 м от древней дневной поверхности, т. е. в первой насыпи²⁸. В то же время простейшие расчеты показывают, что над погребением 3, удаленным от центра кургана (согласно плану) на 9 м, высота первой насыпи не могла превышать 30 см. Следовательно, плита перекрытия ямы этого погребения лежала на каком-то небольшом возвышении, т. е. на подсыпке, сделанной уже после сооружения первой насыпи.

Еще более убедителен пример с расписным усатовским сосудом, фрагменты которого, как пишет А. В. Добровольский, обнаружены во второй насыпи на площади в одну квадратную сажень (т. е. более 4 кв. м)²⁹. Это наблюдение, бесспорно, свидетельствует, что сосуд был разбит на открытом тогда еще месте, т. е. на поверхности какой-то локальной подсыпки.

Вторая насыпь в том виде, в каком представляли ее себе А. В. Добровольский и В. А. Городцов, сложилась, очевидно, после совершения в центральной части кургана погребений 4 и 5. Оба они находились под большой каменной плитой и закладкой³⁰. По-видимому, в связи именно с этими погребениями была совершена очередная большая подсыпка кургана, снивелировавшая все местные подсыпки.

Третья насыпь (высота 0,7 м, диаметр 34—35 м), очевидно, была создана в связи с наиболее поздними погребениями кургана, относящимися уже к железному веку (2, 6).

Итак, процесс формирования Одесского кургана и его хронология представляются нам в следующем виде. Древнейшими погребениями кургана, спущенными практически одновременно с уровня древней дневной поверхности, являются погребения 11, 20, 25, 29, 30. Возраст и культурная принадлежность четырех из них (11, 25, 29, 30) определяются по обряду погребения и сосуду из погребения 25. В. А. Городцов справедливо относит эти погребения к группе ямных³¹. Для них характерны скорченное положение костяков, восточная (с отклонениями) ориентация, использование охры в ритуале.

Плоскодонный неорнаментированный сосуд с выпуклыми боками и едва отогнутым венчиком (рис. 12, 9), найденный в погребении 25, имеет многочисленные аналогии среди керамики позднейшей культуры.

Особый интерес вызывает погребение 20, синхронное перечисленным погребениям ямной культуры; с ним связан сосуд с округлыми туловом и дном, коротким прямым венчиком, край которого срезан наружу (рис. 12, 10).

Сосуд хорошей работы, вылеплен из темно-желтой глины³². Подобные сосуды не характерны для ямной культуры, хотя изредка встречаются в курганах причерноморских степей. Так, близкие по форме горшки обнаружены при раскопках курганов в селах Михайловка (Запорожская обл.)³³ и Грушевка (Херсонская обл.)³⁴; происхождение их принято связывать с кавказскими влияниями³⁵, что подчеркивает и М. Гимбутас³⁶. Действительно, ближайшие аналогии данному сосуду известны среди памятников майкопской культуры³⁷. Это еще раз свидетельствует о безусловном кавказском влиянии на степные культуры Украины в эпоху раннего металла.

Как уже отмечалось, несколько более поздним по сравнению с описанной группой является погребение 28, которое по погребальному обряду мы связываем с погребениями 10 и 7. С двумя последними связано сооружение обоих кромехов и первой (по А. В. Добровольскому), а фактически второй насыпи кургана, перекрывшей всю группу древнейших его погребений. Весьма близким по времени к погребениям 7 и 10 является погребение 15, вписанное в большой кромех.

Бесспорный интерес представляет и то обстоятельство, что погребения 7, 10, 15, 28 расположены в ряд, вытянутый с востока на запад. Не исключено, что в этом ряду находились упоминавшиеся А. В. Добровольским каменные ящики, разрушенные траншеей. Все эти погребения, связанные между собой сходством погребального обряда и «мегалитичностью» сооружений, как нам кажется, отличаются от ямных и представляют собой особое культурное явление, которое мы вслед за В. А. Городцовым³⁸ связываем с Кавказом.

При определении возраста погребений 7, 10, 15, 28, а значит обоих кромехов и первой, по А. В. Добровольскому, насыпи *terminus ante quem*, дают позднейший сосуд из погребения 25 и сосуд из погребения 20, а *terminus post quem* — катакомбные сосуды из погребений 16, 22.

Более позднюю группу составляют погребения катакомбной культуры; три из них совершены в катакомбах (16, 22, 27), а два (14, 31) в ямах. И те и другие сопровождаются характерной керамикой (рис. 12, 7, 5). В связи с этим нельзя согласиться с предположением О. А. Кривцовой-Граковой о том, что в Северо-Западном Причерноморье вообще и в Одесском кургане в частности нет катакомбных погребений³⁹. В настоящее время катакомбные погребения известны к западу от Днестра и даже на террито-

²⁴ А. В. Добровольский. Указ. соч., стр. 134—135, 141, табл. II, 7.

²⁵ Там же, стр. 137.

²⁶ Там же, стр. 132, 140, 141, табл. II, 5; стр. 138, 142, табл. II, 9.

²⁷ Там же, табл. I, черт. 2. Такого же мнения придерживался и В. А. Городцов (В. А. Городцов. Указ. соч., стр. 137).

²⁸ Там же, стр. 125.

²⁹ Там же, стр. 127, 128.

³⁰ Там же, стр. 128.

³¹ В. А. Городцов. Указ. соч., стр. 129; А. В. Добровольский. Указ. соч., табл. II, 9.

³² А. В. Добровольский. Указ. соч., стр. 134, 142, табл. II, 12.

³³ Д. И. Эварницкий. Раскопки курганов в пределах Екатеринославской губернии. «Труды XIII АС», т. I. М., 1907, стр. 141, 142.

³⁴ Д. И. Блифельд. Курган эпохи бронзы в с. Грушевка. АП, т. X, Киев, 1961, стр. 47, табл. I, 7.

³⁵ О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Михайлівське поселення. Киев, 1962, стр. 34—36.

³⁶ М. Gimbutas. Указ. соч., стр. 85.

³⁷ М. М. Кубланов. К истории азиатского Боспора. СА, XXIX—XXX, 1959, стр. 217—220, рис. 19, 3, 4; Р. М. Мунчаев, В. И. Сараниди. Исследование Бамутского курганного могильника в 1965 г. КСИИ, вып. 106, 1966, стр. 80, рис. 32, 4.

³⁸ В. А. Городцов. Указ. соч., стр. 134 и сл.

³⁹ О. А. Кривцова-Гракова. Погребения бронзового века и предскифского времени на Никопольском курганном поле. МИА, № 15, 1962, стр. 15.

рии Румынии⁴⁰. Учитывая, что катакомбные погребения впущены в курган с поверхности первой насыпи, они дают *terminus ante quem* для второй (по А. В. Добровольскому), а фактически третьей насыпи кургана, состоящей из отдельных локальных подсыпок. На поверхности одной из таких подсыпок и был найден упоминавшийся ранее усатовский расписной сосуд (рис. 12, 11). Обстоятельства его находки представляют определенный интерес, поэтому их следует рассмотреть более детально.

А. В. Добровольский не отмечает на плане кургана то место, где был обнаружен сосуд, однако изучение дневника и особенно сопоставление фотографий, приложенных к дневнику, с планом позволяет довольно точно определить место находки фрагментов сосуда в непосредственной близости от погребения 13, с которым естественно связывать их⁴¹. При этом возможны два варианта: либо впускное погребение 13 прорезало более раннюю могилу и, таким образом, усатовский сосуд, находившийся в ней, оказался выброшенным и разбитым, либо этот сосуд — свидетельство тризны, связанной с самим погребением 13.

Из дневника известно, что могильная яма погребения 13 углублена в материк на 0,7 м. На дне ее оказался разрушенный скелет, лежавший, как сообщает автор, в скорченном положении, ориентирован был головой на запад⁴². На черепе видны следы краски. Инвентарь отсутствовал. Привлекает внимание странная конструкция четырехугольной ямы, «которая сперва была в длину 1,42 м и в ширину 1,3 м, но затем в виде ступеньки сузилась до 0,7 м»⁴³. Сужение могильной ямы почти вдвое (от 1,3 м до 0,7 м) при незначительном ее углублении в материк совершенно необычно; тем более непонятно наличие в ней уступа лишь с одной стороны. Такое устройство ямы можно объяснить только одним: яма погребения 13 прорезала более древнее погребение, с которым следует связывать усатовский сосуд.

Подобное объяснение находке сосуда во второй насыпи предлагает и А. Гейслер, однако разрушение усатовского захоронения он не связывает с каким-либо определенным погребением⁴⁴.

Второму предположению (о том, что сосуд непосредственно связан с погребением 13 как часть его тризны) противоречат данные многочисленных погребений (села Усатово⁴⁵, Тудорова⁴⁶, Парканы⁴⁷ и др.), погребальный инвентарь которых, состоящий главным образом из керамики, всегда находился в самой могиле.

Кроме того, связывая усатовский сосуд с тризной погребения 13, мы вынуждены были бы признать, что оно моложе погребений катакомбной культуры, впущенных в первую насыпь с ее поверхности. Между тем стратиграфические наблюдения, сделанные на юге Украины в последние годы, показывают, что позднетрипольские (и, в частности, усатовские) погребения в общем синхронны погребениям позднейшего времени или даже старше их, а значит, древнее катакомбных.

⁴⁰ N. J. Simache, V. Teodorescu. *Săpăturile arheologice de salvare de la Smeieni. «Materiale și cercetări arheologice», vol. VIII. București, 1962.*

⁴¹ Расположенные неподалеку погребения 6 и 12 (см. план) нельзя связать с этим сосудом, ибо их погребальный обряд резко отличается от усатовского.

⁴² А. В. Добровольский. Указ. соч., стр. 131, 132.

⁴³ Там же.

⁴⁴ A. Häusler. Указ. соч., стр. 774.

⁴⁵ В. И. Селинов, Е. Ф. Лагодовская. Раскопки Одесского историко-археологического музея под Одессой в 1936 г. СА, V, 1940, стр. 239—262; О. Ф. Лагодовская. Раскопки Усатовского кургана I—II 1940 р. НЭПА, кн. II. Киев, 1946, стр. 38—54.

⁴⁶ А. И. Мелюкова. Курган усатовского типа у с. Тудорова. КСИА, вып. 88, 1962, стр. 74—83.

⁴⁷ Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10, 1949, стр. 205, 206.

Именно такое соотношение погребений прослежено в курганах у с. Нерушай и оз. Сасык (Одесская обл.)⁴⁸, в кургане близ с. Широкое (Днепропетровская обл.)⁴⁹. При раскопках позднетрипольского могильника софиевского типа близ с. Заваловка (к северу от Киева) удалось установить, что захоронения здесь прорезаны ямами с керамикой среднеднепровской культуры, синхронной на этой территории катакомбной⁵⁰.

Приведенные примеры убеждают в том, что усатовский сосуд происходит из погребения, синхронного ранней группе погребений Одесского кургана, перекрытых первой (по А. В. Добровольскому) насыпью.

Наиболее поздние погребения эпохи бронзы в Одесском кургане относятся к срубному времени. Сведения о их стратиграфическом положении неясны, а подчас противоречивы. Так, при описании погребения 23 в каменном ящике А. В. Добровольский сообщает, что гробница «найдена на границе средней и нижней насыпи», а дальше следует фраза о том, что она «поставлена на первичной, нижней насыпи»⁵¹. Таким образом, неясно, стояла ли сама гробница на нижней насыпи, или на этой высоте оказалась только ее крышка. Поэтому датировка и культурная принадлежность этих погребений устанавливаются на основании погребального обряда и инвентаря. Так, А. В. Добровольский сообщает, что в погребении 23 покойник лежал скорченно на боку, головой на северо-запад. При нем найдены два деревянных сосуда плохой сохранности, кремневый наконечник стрелы и «костяной кружок с конической усеченной поверхностью, просверленный посередине»⁵². Отметим, что щели между стенками каменного ящика были замазаны зеленой глиной⁵³.

Видимо, одновременным погребению 23 является аналогичный по конструкции ящик (щели в нем также замазаны зеленой глиной), обнаруженный в насыпи кургана при рытье траншеи. В нем оказалось погребение в скорченном положении. При покойнике найден большой биконический сосуд с прямой невысокой шейкой⁵⁴ (рис. 12, 2). Датировка этих погребений определяется достаточно точно благодаря тождественному сосуду, обнаруженному вместе с характерным раннесрубным бронзовым ножом при впускном погребении с идентичным обрядом в кургане близ г. Кривой Рог⁵⁵. К концу эпохи бронзы относится погребение 17⁵⁶, в котором найдены были детский череп и рядом с ним горшок, характерный для позднесрубной культуры (рис. 12, 1). «Здесь же два сосуда, типологически относящиеся к катакомбной культуре (рис. 12, 3, 4). Подобное несоответствие объясняется тем, что, судя по плану кургана, погребения 17 и 22 (катакомбное) перерезают друг друга. В дневнике отмечено, что пятно входной ямы последнего было полукруглым⁵⁷. Считаем, что столь необычная форма пятна могильной ямы — результат того, что более позднее погребение 17 прорезало входную яму погребения 22. Следовательно, оба

⁴⁸ И. Т. Черняков, Н. М. Шмаглей. Археологические исследования Днестро-Дунайской (новостроечной) экспедиции в 1964 г. «Тезисы докладов VI объединенной научной сессии ОГАМ и ОГУ, посвященной итогам полевых археологических исследований 1964 г.».

⁴⁹ Доклад автора раскопок А. П. Крыловой в Институте археологии АН УССР 9. XI 1965.

⁵⁰ В. О. Круц. Новый могильник софиевского типа біля с. Завалівки на Дніпрі. «Археологія», т. XXI, 1968.

⁵¹ А. В. Добровольский. Указ. соч., стр. 135.

⁵² Там же, стр. 136.

⁵³ Там же, стр. 135.

⁵⁴ Там же, стр. 124, 142, табл. II, 11.

⁵⁵ Сообщение автора раскопок А. П. Крыловой.

⁵⁶ А. В. Добровольский. Указ. соч., стр. 133, 141, табл. II, 6.

⁵⁷ Там же, стр. 134.

сосуда, расположенные выше дна могилы 17, фактически относятся не к ней, а находились во входной яме катакомбного погребения 22.

Рассмотрев материалы Одесского кургана, мы приходим к выводу, что они объективно отражают ту сложную историческую картину, которая фиксируется всей суммой данных, накопленных за последние годы в результате больших полевых исследований в причерноморских степях.

Древнейшие погребения Одесского кургана оставлены племенами ямной культуры, находившимися под заметным влиянием Кавказа и в контактах с позднетрипольскими (усатовскими) племенами. Затем на территории Северо-Западного Причерноморья появляются племена катакомбной культуры⁵⁸.

Уже в середине II тысячелетия до н. э. сюда проникают племена срубной культуры, памятники которой известны на этой территории до конца эпохи бронзы.

⁵⁸ Между тем некоторые исследователи, основываясь на стратиграфии Одесского кургана, предложенной В. А. Городцовым, считают, что здесь катакомбные погребения предшествуют усатовским, и делают вывод о смене в Северном Причерноморье катакомбной культуры позднетрипольской усатовского типа (см., например: «История СССР с древнейших времен до наших дней», т. I. М., 1966, стр. 119—122).

С. И. ПЕНЯК

НЕГРОВСКИЙ КЛАД БРОНЗОВЫХ МЕЧЕЙ
(Закарпатская обл. УССР)

На территории Закарпатской обл. УССР начиная со второй половины XIX в. и до настоящего времени случайными находками было собрано свыше 2,5 тыс. бронзовых орудий труда, оружия и украшений. Около 80% бронзовых находок сейчас хранится в фондах Закарпатского государственного краеведческого музея в г. Ужгороде, остальная часть — в музеях Будапешта, Вены, Праги и других городов. В основном это бронзовые изделия позднего периода бронзы и раннего железа.

Заслуживают внимания сравнительно частые находки бронзовых мечей. По данным, собранным за последнее время, на территории Закарпатской обл. стало известно 60 мечей (целых и в обломках) из 22 мест находок. По характеру находки можно разделить на три части.

Во-первых, мечи, найденные вместе с другими бронзовыми предметами; их было обнаружено восемь, они известны из следующих мест: с. Боржава — два обломка, с. Боржавское — два обломка, с. В. Бегань — один обломок, поселок В. Березный — один целый экземпляр, с. Калинии — один экземпляр, с. М. Добронь — один экземпляр, с. Невицкое — один экземпляр, Подмонастырь (пригород г. Мукачева) — два обломка меча.

Во-вторых, мечи, которые были найдены в виде самостоятельных кладов: с. Брестов — восемь экземпляров, с. Вульховица — шесть экземпляров, с. Оноковцы — три экземпляра, Подгоряны (пригород Мукачева) — четырнадцать экземпляров, с. Станово — пять экземпляров, с. Олешник — пять экземпляров, с. Негрово (публикуемый клад) — четыре экземпляра.

В-третьих, мечи, найденные одиночными экземплярами: с. Арданово, поселок Солотвино, окрестность г. Ужгорода, села Ужок, Фриदेशово, Цыгановцы, Шелестово (рис. 13).

Все находки мечей можно разделить на три основных типа: на липтовский — 8 целых и 6 обломков, с плоской рукоятью — 13 экземпляров целых и 5 обломков, с мисковидной рукоятью — 13 экземпляров. Типы остальных — 11 целых мечей и 4 обломка из-за фрагментальности остаются не определенными.

Новый клад бронзовых мечей был открыт в с. Негрово Иршавского р-на в апреле 1963 г. Село Негрово расположено у подножья Карпатских хребтов, на небольших возвышенностях, изрезанных горными ручейками

¹ T. Lehoczky. Adatok hazánk archaeológiájához különös tekintettel Beregmegyére és környékére. I—II kötet Munkács, 1892, 1912; K. Bernjakovic. Brönzezeitliche Hortfunde vom Rechten Ufergebiet des oberen Theisstales (Karpatukraine USSR). «Slovenska archaeológia», VIII, 2, 1960; Ф. Потушняк. Археологічні знахідки бронзового та залізного віку на Закарпатті. Ужгород, 1958; С. И. Пеняк, А. Д. Шабалин. Олешниковские клады бронзовых изделий. СА. 1964, № 2.

и оврагами. В этом селе и раньше находили бронзовые предметы². Клад был открыт во время земляных работ — рытья рва для фундамента нового дома, на глубине 0,5 м от современной поверхности. Он состоял из трех целых и одного обломанного с конца клинка меча. Мечи были зарыты в землю без других предметов и лежали по порядку один над одним. Меч с обломанным клинком был переломлен лопатой рабочего во время раскопок.

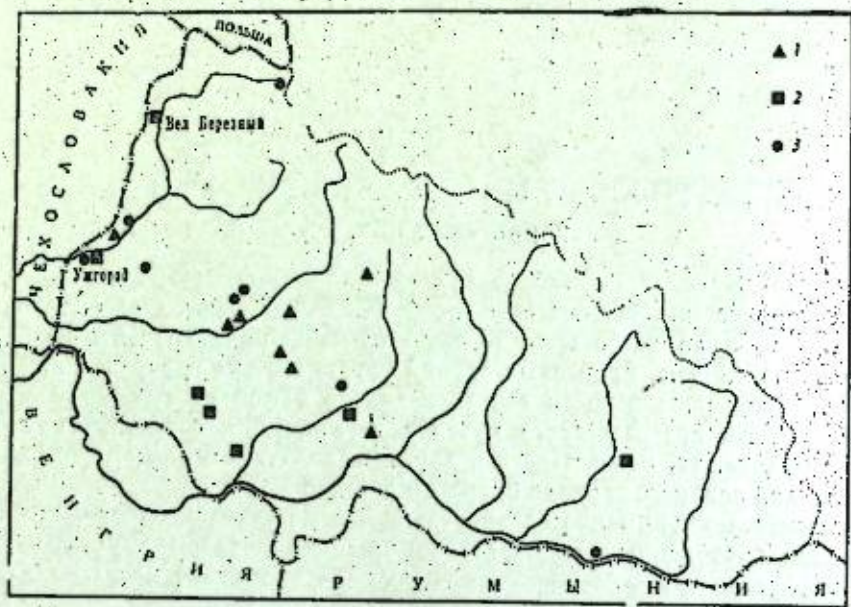

Рис. 13. Места находок бронзовых мечей в Закарпатье
1 — самостоятельные клады мечей; 2 — мечи, найденные с другими предметами; 3 — одиночные находки мечей

Он принадлежит к числу средних по величине типов. Это красивый экземпляр с умело выдержанными пропорциями. Общая длина 63 см, на рукоятку приходится 11,5 см. Клинок обоюдоострый, листовидной формы, расширяющийся в верхней части. Максимальная ширина клинка в верхней части 4,5 см, минимальная у рукоятки — 3,4 см. В верхней части клинок орнаментирован продольными линиями, проходящими по бокам лезвия. В разрезе клинок имеет миндалевидную форму (рис. 14, 1).

Высокой художественной отделкой отличается рукоятка (рис. 15, 1). В передней части рукоятки имеются два валикообразных выступа, в каждом из которых виднеется отверстие для заклепок. Рукоятка кончается на вершнем. На внешней стороне в центре круглого навершия — выступ. Рукоятка внутри пустотелая, эллипсовидной в разрезе формы, с наибольшим расширением в средней части. На самой рукоятке размещены три горизонтальные рельефные полосы, орнаментированные заштрихованными треугольниками, опущенными острым концом в направлении навершия. Возле каждой рельефной полосы по три горизонтальных линии, а промежуточное пространство заполнено четырехрядным концентрическим орнаментом в виде восьмерки. На внешней стороне навершия украшено волнистыми тройными линиями, а также комбинациями концентрических линий и точек. Такой же орнамент и на передней части рукоятки. Поверхность меча покрыта зеленой благородной патиной.

Меч представляет собой один из вариантов липтовского типа (рис. 14, 3). Общая длина его 60,5 см, длина рукоятки 11,5 см. Клинок и рукоятка

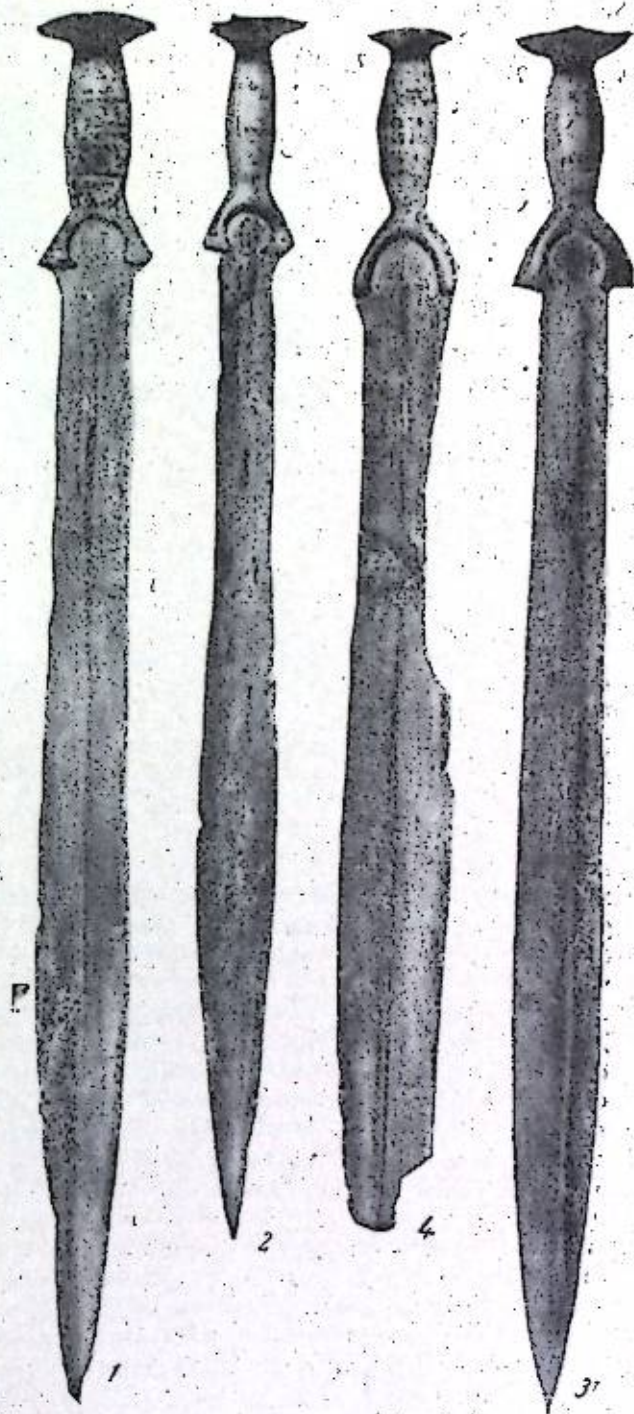

Рис. 14. Мечи из Негровского клада

² Т. Lehoszky. Указ. соч., I, стр. 102.

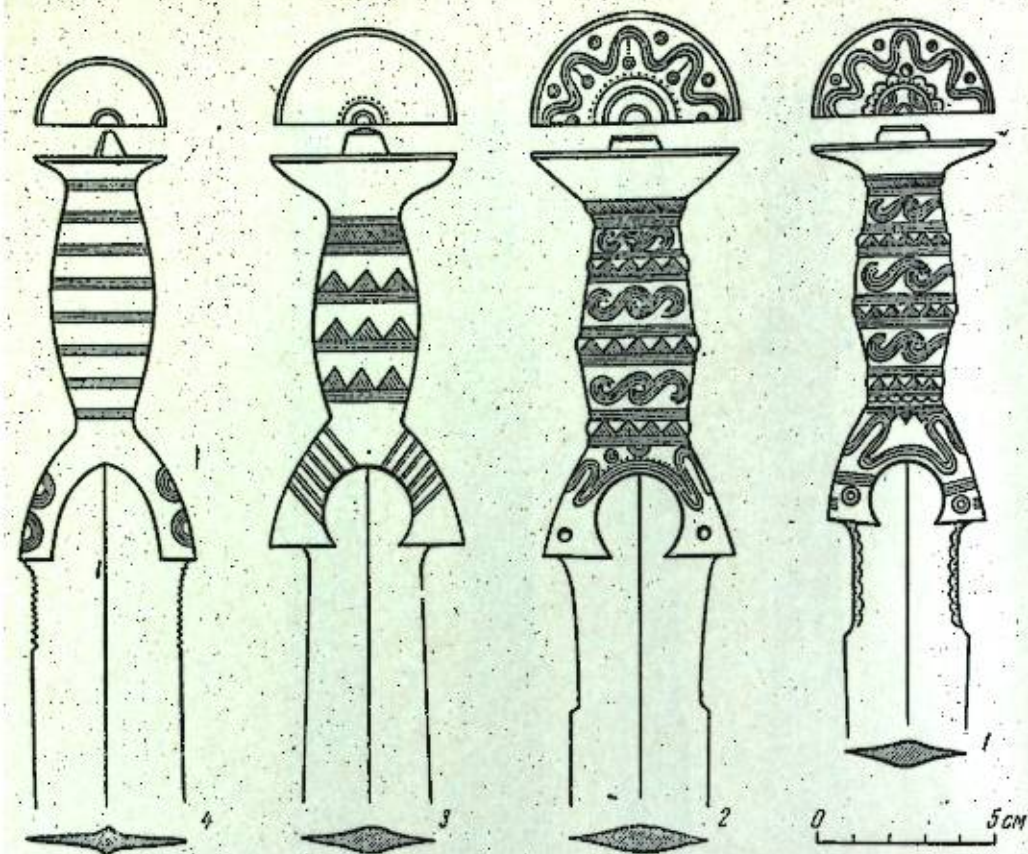

Рис. 15. Орнамент на рукоятках мечей Негровского клада

соединяются при помощи стержня, который входит в пустотелую рукоятку. Клинок меча обоюдоострый, с небольшим расширением в верхней части. Максимальная ширина клинка 4,3, минимальная у рукоятки 3,3 см. Клинок плосковатый, со слабо выраженным гребнем, в верхней части украшен четырехрядными линиями.

Рукоятка несколько отличается от других предыдущих. У нее отсутствует отверстие для заклепок, нет рельефных горизонтальных полосок в средней части рукоятки. В разрезе она эллипсовидной формы, наиболее широкая в центре и суживающаяся в верхней и нижней частях. Орнаментация рукоятки состоит из трех рядов горизонтальных линий, между полями которых размещаются заштрихованные треугольники, повернутые острым концом к навершию. На передней части рукоятки украшением служат парные косые линии (рис. 15, 3).

Большая часть поверхности меча покрыта едкой патинной.

Меч отличается от предыдущих техникой изготовления (рис. 14, 4). Клинок и рукоятка его вылиты в единой целостной форме. Клинок плоский, обоюдоострый, посередине проходит сильно выделяющееся ребро. Максимальная ширина его 5,5 см, находится выше средней части клинка, наименьшая у рукоятки — 3,8 см. Острый конец клинка, а также часть лезвия были обломаны в древности. В настоящее время длина меча — 53 см. Во время находки клинок меча был обломан.

Рукоятка четвертого меча в разрезе имеет эллипсовидную форму, наибольшая ширина ее приходится на среднюю часть, в обе стороны она суживается. Рукоятка заканчивается плоским навершием неправильной круглой формы диаметром 3,5 см. На внешней стороне навершия выступает остроконечный выступ, который расположен не в центре, как обычно, а немножко сдвинут в сторону.

Рукоятка орнаментирована так же, как в предыдущих мечах с некоторыми отличиями. Вместо косых линий на передней части рукоятки находятся тройные полукружки (рис. 15, 4).

Поверхность меча покрыта зеленой патинной.

* * *

Все четыре меча нового Негровского клада принадлежат к так называемому липтовскому типу³. Близко к липтовскому типу примыкают и мечи с мисковидной рукояткой. Оба типа мечей в средневропейской литературе известны также под названием «мечей венгерского типа», вопросом их происхождения занимался ряд исследователей, составивших карты распространения мечей⁴.

На основании собранных данных можно думать, что мечи липтовского типа были распространены в основном на территории Центральной Европы: в Словакии, Моравии, Венгрии, Австрии, Германии, Польше, Западной Украине (в том числе и Закарпатской обл. УССР), Румынии, Италии, Швеции⁵.

В связи с находками большого количества бронзовых мечей липтовского типа, мечей с мисковидной и плоской рукояткой перед исследователями возникли две проблемы. Первая проблема — о месте нахождения мастерских по изготовлению бронзовых мечей названных типов, вторая — происхождение металла, его источник и распространение готовых изделий. К. Н. Вагнер пытается разрешить вопрос о происхождении мастерских на основании разделения мечей липтовского типа на два варианта: на венгерский (липтовский) и южнонемецкий, местом возникновения которых он считает область Альп⁶.

Сравнивая количество находок бронзовых изделий на территории Закарпатской обл. (а их более 2,5 тыс.) с другими европейскими бронзолитейными центрами, мы пришли к выводу о возможности выделения Закарпатской обл. в одну из европейских областей древнего бронзолитейного производства. В пользу этого вывода говорят находки в кладах бронзовых слитков, поломанных предметов, собранных для переплавки, готовых изделий с незачищенными литейными «швами» и производственными браками. Веским доказательством в пользу местного бронзолитейного производства является также и открытие в 1962 г. геологической разведкой в районе г. Берегова древних мест по добыче меди, олова, золота, серебра⁷.

По-видимому, для подтверждения местного бронзолитейного производства необходимо в будущем произвести большое количество анализов готовых бронзовых изделий, а потом перейти к анализу местных месторождений медных руд. Только такое исследование сможет дать окончательный ответ на поднятый нами вопрос.

Мы произвели спектральный анализ всех мечей, находящихся в фондах Закарпатского государственного краеведческого музея, а также мечей нового Негровского клада. Ниже приводим эти данные. Данные первых

³ Название «липтовский тип» происходит от места находок кладов бронзовых мечей в верхнем течении р. Ваг возле г. Липтовски Микулаш в Словакии. Это название впервые в литературу ввел Ян Ейспер в работе «Slovensko v pravěku» (Bratislava, 1933).

⁴ В. K o s t r z e w s k i, Znaczenie Odry w pradziejach. «Przegląd archeologiczny», VIII, 2, 1949 (для Польши); E. S p r o c k h o f f, Pfahlbaubronzen in der Südzone des Nordischen Kleises während der jüngeren Bronzezeit. «Archaeologia Geographica», 2, 1951, Н. 1—4 (для Септерной Германии); К. Н. W a g n e r, Nordtiroler Urnenfelder (для Тироля и Баварии).

⁵ J. H r a l a, Otázka pôvodu a rozšírení mečov lipovského typu a mečov s čiškovitou rukojeti. A. R. VI, 2, 1954, стр. 215.

⁶ К. Н. W a g n e r, Указ соч.

⁷ Е. Лазаренко, И. Петрушко. Золото в Карпатах. «Закарпатская правда». 20.V. 1962.

четырёх мечей принадлежат Негровскому кладу:

Мечи, инв. №	Cu	Sn	Pb	Ni	Ca	Fe	Si	Cr	Al	Bi	Ti	Zr	Zn	Eu	Mn
A—441	88,4	2,3	0,52	1,7	1,5	Сл.	Сл.	—	Сл.	—	—	Сл.	—	—	Сл.
A—442	87,5	2,2	0,48	1,68	1,4	Сл.	0,02	—	Сл.	—	—	Сл.	—	—	Сл.
A—443	91,15	4,0	1,2	1,8	Сл.	Сл.	Сл.	—	Сл.	Сл.	Сл.	—	—	—	Сл.
A—444	87,0	2,25	0,4	1,62	1,1	Сл.	Сл.	—	Сл.	—	—	Сл.	—	—	Сл.
A—331/35	91,8	3,8	0,9	1,4	1,17	0,22	Сл.	Сл.	Сл.	—	—	—	—	Сл.	Сл.
A—381/36	88,4	2,5	0,9	1,38	1,12	Сл.	Сл.	—	Сл.	—	—	—	—	—	—
A—381/37	88,4	2,3	0,8	1,32	0,8	Сл.	Сл.	—	Сл.	—	—	—	—	—	—
A—381/38	90,7	2,3	0,79	1,38	0,76	Сл.	Сл.	—	Сл.	—	—	—	—	—	—
A—381/39	88,6	2,3	0,81	1,38	0,57	Сл.	Сл.	—	Сл.	—	—	—	—	—	—
B ₃ —11	87,2	2,3	0,6	0,5	0,46	Сл.	Сл.	—	Сл.	—	—	—	Сл.	—	Сл.
B ₃ —13	88,4	1,0	0,35	0,29	0,1	Сл.	Сл.	—	Сл.	—	—	—	—	—	—
B ₃ —111	88,0	1,73	0,79	1,67	0,1	Сл.	Сл.	—	Сл.	—	—	—	—	—	—
B ₃ —112	89,5	2,7	0,5	1,06	0,4	Сл.	Сл.	—	Сл.	—	—	—	—	—	—
B ₃ —113	92,5	2,3	0,79	1,35	0,8	0,2	0,02	—	Сл.	—	—	—	Сл.	Сл.	Сл.
B ₃ —116	87,51	2,3	0,5	0,57	0,8	Сл.	0,02	—	Сл.	—	—	—	—	—	—

Из данных, представленных в таблице, видно, что мечи (A—441, 442, 444) как по качественному, так и по количественному составу однородные (небольшие колебания содержания меди в пределах от 0 до 1,4%). Это позволяет утверждать, что мечи были изготовлены из одного сырья при одинаковой технологии производства.

Меч A—443 (рис. 14, 2), несмотря на очень близкое внешнее сходство с мечом (рис. 14, 1), отличается от трех предыдущих как качественным, так и количественным составом. Но эти различия незначительны, и его находка в кладе свидетельствует о том, что древние бронзолитейщики использовали сырье и других качественно отличных медных месторождений.

Анализы показывают, что мечи Негровского клада изготовлены из оловянистой бронзы⁸.

Кратко остановимся на датировке бронзовых мечей Негровского клада. В основном все исследователи, которые изучали проблему появления мечей липтовского типа, пришли к выводу, что этот тип мечей появился в начале гальштата «А» и был в употреблении по крайней мере до второго периода гальштата «В» (НВ)⁹.

Учитывая то, что в Негровском кладе мы находим мечи более развитых вариантов липтовского типа и опираясь на многочисленные аналогии с венгерских, чехословацких и австрийских мест находок, данный клад относим к IX—VIII вв. до н. э.

⁸ Данные спектрального анализа были получены в лаборатории Ужгородского государственного университета научным сотрудником М. М. Салаем.

⁹ J. Hrala, Указ. соч.

II. ПОЛЕВЫЕ И ЛАБОРАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Т. Г. МОВША, Г. Ф. ЧЕБОТАРЕНКО

ЭНЕОЛИТИЧЕСКОЕ КУРГАННОЕ ПОГРЕБЕНИЕ У ст. КАЙНАРЫ В МОЛДАВИИ¹

Летом 1965 г. при строительстве шоссейной дороги на участке Каушаны—Кайнары, в 1,5 км от железнодорожной станции Кайнары Каушанского р-на Молдавской ССР, в пойме левого берега р. Ботны было разрушено два больших кургана. При снятии бульдозером насыпи одного из них, расположенного в 200 м от берега реки, найдены были человеческие кости, сосуд, несколько орудий и украшений.

Почти все предметы были разысканы работниками Бендерского межрайонного краеведческого музея, где они хранятся и в настоящее время. По просьбе директора музея А. В. Зайцева позднее место находки было обследовано Г. Ф. Чеботаренко. После осмотра остатков насыпи кургана и опроса строителя дороги им было установлено, что случайно обнаруженные находки относились к погребению с труположением. Погребение было совершено в первоначальной насыпи малого кургана, прослеженной в западной поле большого кургана, вторично насыпанного в эпоху бронзы².

Скелет, видимо, лежал на уровне древнего горизонта. Обломки его костей, раздробленные бульдозером, принадлежали взрослому человеку и были так же, как и некоторые предметы, положенные вместе с ним, густо окрашены красной охрой.

Сохранившийся погребальный инвентарь состоял из глиняного сосуда, кремневых орудий, украшений из меди и раковин.

Сосуд сохранился не полностью. Однако форму его легко восстановить. Это среднего размера горшок со слегка отогнутым краем венчика, мягким профилем низких плечиков, подчеркнутых небольшими коническими выступами. Нижняя часть его сужена. Донышко небольшого диаметра, слегка вогнутое внутрь (рис. 16). Горшок вылеплен из отмученной глины с примесью мелкозернистого песка и мелких крупиц какого-то белого вещества. Снаружи он серовато-желтоватого цвета, хорошо заглажен, без следов лощения, внутри — серовато-черного цвета. Орнамент покрывает почти всю наружную поверхность сосуда. Он заключен в широкий пояс, подчеркнутым снизу и, судя по многочисленным аналогиям, видимо, и сверху под венчиком, двумя углубленными горизонтальными линиями. Состоит из парных каннелюр, обведенных мелким штампом, наискось опоясывающих тулово сосуда в виде ленты, один конец которой располагается на плечиках под коническим выступом, а второй — в нижней части стенки. Больше половины наружной поверхности сосуда покрыто густым слоем красной охры.

¹ Доклад, прочитанный на секции неолита и бронзы сессии ИА АН СССР в апреле 1966 г.

² В настоящее время установить границу между первоначальной и вторичной подсыпкой насыпи кургана невозможно.

Подобные сосуды характерны для ранних памятников трипольской культуры, но известны и в более позднее время. Ближайшие аналогии ему имеются в поселениях типа Сабатиновки I, которые, по периодизации Т. С. Пассек, относятся к этапу среднего (VI) Триполья³.

Кремневые изделия состоят из нуклеуса и двух ножевидных пластин. Кремль светло-коричневый с едва заметными серовато-дымчатыми вкраплениями.

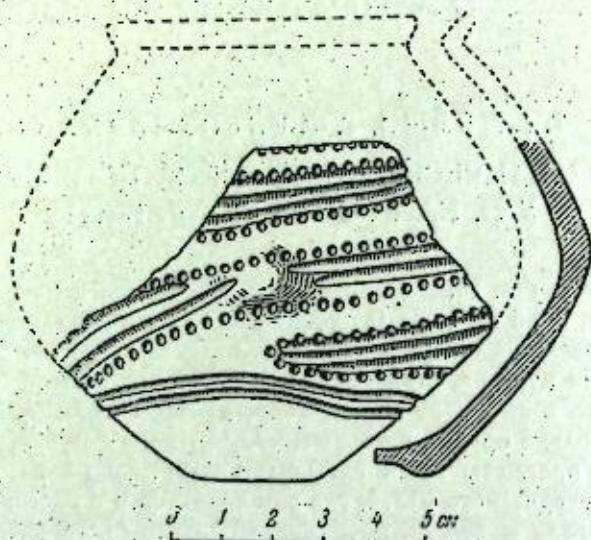

Рис. 16. Курган у ст. Кайнары. Сосуд из погребения

Нуклеус — удлиненно-призматической формы со следами сколотых пластин (рис. 17, 2). Имеет круговое ограничение. Фасетки узкие, вертикальные, почти все равны длине нуклеуса. Следов сколотых отщепов нет. Ударная площадка без вторичной подправки. С обеих сторон нуклеуса, от середины до нижнего конца, нанесены крупные сколы и подправка ретушью. Несколько удлиненных узких фасеток, а также нерегулярная мелкая ретушь либо следы от работы в виде мелких зазубрин покрывают и конец, противоположный ударной площадке. Последнее свидетельствует о применении нуклеуса в качестве орудия.

Ножевидные пластины, удлиненные и трехгранные в сечении, сколоты с иного, более крупного, чем публикуемый, нуклеуса. Одна пластина целая (длина 14,6 см, максимальная ширина 2 см), с узким скошенным концом, возле которого имеется естественная корка желвака, дуговидно изогнутая в профиле (рис. 17, 3). Вторая пластина сохранилась не полностью (рис. 17, 1). Отбит конец, противоположный ударному бугорку, излом свежий (длина 9,2 см, ширина 1,9—2 см). Обе пластины имеют следы нерегулярной тщательной красной ретуши, иногда противоположной. Наиболее схожи с пластинами среднестоговских памятников в селах Чапли и Петро-Свистуново.

Подобные ножевидные пластины в энеолитических памятниках Юго-Восточной Европы появляются не ранее времени среднего Триполья (трипольская культура⁴, культура степных племен типа Средний Стог II).

Из меди обнаружено два украшения — браслет и шейная гривна, изготовленные из кованой проволоки, прямоугольно-овальной в сечении.

Браслет проволоочный, в один оборот, с острыми, заходящими друг за друга концами, один из которых сломан и утерян в древности (рис. 18, 1).

³ Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10, 1949, стр. 48—53.

⁴ Т. Г. Мовша. Зарядка праці з трипольського поселення Коломишчина I. «Праці Київського державного історичного музею», вып. I. Киев, 1959, стр. 202.

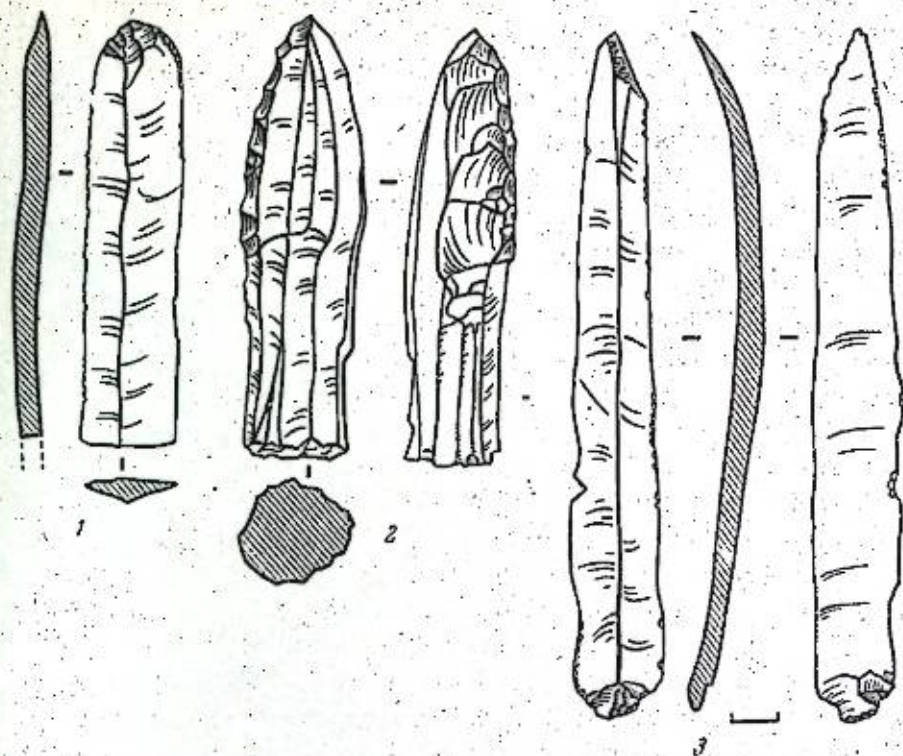

Рис. 17. Курган у ст. Кайнары. Кремневые орудия из погребения

Проволока с внутренней стороны браслета прямоугольная в разрезе, с наружной — овальная, неодинаковой толщины — 0,3 × 0,3 см, 0,4 × 0,5 см. На концах она постепенно сужается. Браслет деформирован в древности, неправильно овальной формы. Поверхность его во многих местах отслоилась, покрыта красной охрой. Металл сильно окислен. Диаметр 6,5 × 5,4 см.

Браслет со стороны, противоположной заходящим друг за друга концами, украшен нанизанными на него шестью подвесками, выточенными из створок раковин улю. Поверхность металла под ними сильно повреждена коррозией. В центральной части браслета насчитывается около 12 неправильно-овальных углублений, часто соответствующих толщине подвесок. Это указывает на то, что последних на браслете было вдвое больше.

Подвески, нанизанные на браслет, выточены из створок раковин улю (рис. 18, 1). Неправильно-овальной или округлой формы, уплощенные, крупные (диаметр от 1,5 × 1,7 см до 1,8 × 2 см), неодинаковой толщины. По центру их или несколько к краю просверлены округлые отверстия, диаметр которых немного превышает толщину проволоки браслета. Сверлины сделаны как с внутренней, так и с наружной стороны. Некоторые подвески слегка повреждены. Поверхность их, так же как и у браслета, частично окрашена красной охрой.

Аналогичные крупные украшения из раковин улю типичны для могильников среднестоговского типа — Чаплинского⁵ и Петро-Свистуново⁶.

Шейная гривна проволоочная, с сужающимися и заходящими друг за друга острыми концами, длина по окружности 40,5 см (рис. 18, 2). Изготовлена из медной прямоугольно-овальной в сечении проволоки неодинаковой толщины (0,3 × 0,4 см; 0,5 × 0,6 см). Гривна сильно деформирована в

⁵ А. В. Добровольский. Могильник в с. Чапли Археологія, т. IX. Київ, 1954, стр. 111.

⁶ О. В. Бодянский. Энеолітичний могильник біля с. Петро-Свистунове. «Археологія», т. XXI, 1968, рис. 6, 7.

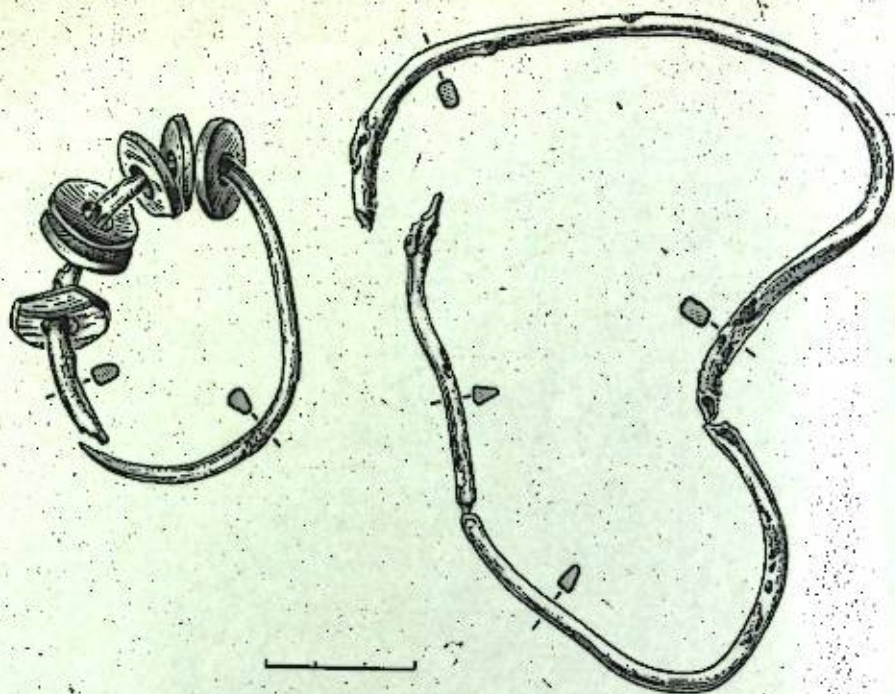

Рис. 18. Курган у ст. Кайнары. Медные украшения из погребения

древности, почти посредине дважды изогнута и слегка перекручена. Разломана на три части. Один острый конец отбит в древности и утерян, остальные изломы свежие. Поверхность металла на внутренней стороне проволоки в центре гривны сильно повреждена коррозией. Имеются неправильной формы углубления; аналогичные углубления — на браслете под подвесками из раковин улю. Это позволяет предположить, что шейная гривна, так же как и браслет, была с нанизанными на нее аналогичными подвесками. По-видимому, шейная гривна и браслет составляли единый набор украшений.

Браслет и шейная гривна из Кайнары представляют собой новую форму проволочных украшений, неизвестную в Триполье и Среднем Стоге II. В Кукутень-Триполье браслетов довольно много, но они или спиральные (пружинные) — Извоаре II⁷, Хэбэшесть⁸, Карбуна⁹, или пластинчатые — Ленковичи¹⁰, Карбуна, Красный Хутор¹¹, Цвикловцы¹². Подобны до некоторой степени трипольским и браслеты из Чаплинского могильника и Петро-Свистуново¹³. Аналогии шейной гривне имеются в древневосточном ареале¹⁴.

Металл шейной гривны и браслета был исследован в кабинете спектрального анализа Института археологии АН СССР Е. Н. Черных. Прибли-

⁷ «Radu Vuple. Izvoare», 1957, рис. 273.

⁸ VI. Dumitrescu și colaboratori, Hăbășești, 1954, стр. 436, 437, рис. 2, 3.

⁹ Г. П. Сергеев. Раннетрипольский клад у с. Карбуна. СА, 1963, № 1, стр. 138—140, рис. 4.

¹⁰ К. К. Черниш. Раннетрипольские поселения Ленковичи на Среднем Днестре. Київ, 1959, табл. XII, рис. 31.

¹¹ В. М. Даниленко та М. Л. Макаревич. Червонохутірський могильник мідного віку з трупоспаленням. АП, т. VI, 1956, стр. 97, табл. 1, 13.

¹² Т. Г. Мовша. Скарб прикрає пізньотрипольського поселення в с. Цвиклівці. «Археологія», т. XVIII, 1965, стр. 163, рис. 1, 2.

¹³ А. В. Добровольский. Указ. соч., стр. 108, рис. 2, 11—13; О. В. Бодянский. Указ. соч., рис. 3, 4; рис. 8, 1, 2.

¹⁴ F. A. Schaffer. Stratigraphie comparée et chronologie. «Asie Occidentale...». London, 1938.

женный количественный спектральный анализ показал¹⁵, что гривна изготовлена из «чистой» меди, содержащей значительные концентрации сурьмы (0,02%), никеля (0,01%) и железа (0,18%). Остальные элементы металла гривны составляют: олово (0,0006%), свинец (0,015%), висмут (0,013%), серебро (0,015%), марганец (0,008%), золото (0,001%).

Браслет также изготовлен из «чистой» меди, содержащей значительные концентрации сурьмы (0,018%), никеля (0,03%), висмута (0,02%), свинца (0,016%) и серебра (0,015%). Остальные элементы металла браслета составляют: железо (0,005%), цинк (0,003%) и, видимо, золото.

По мнению Е. Н. Черных, металл гривны и браслета из Кайнары по характеру распределения некоторых примесей в меди позволяет сопоставить его со второй основной группой металла Карбунского клада с концентрацией свинца от 0 до 0,016%¹⁶.

Следовательно, состав металла шейной гривны и браслета также свидетельствует о довольно ранней дате обнаруженного памятника. Не противоречит ей и погребальное сооружение — курган, известный пастушеским среднестоговским племенам степного юга, синхронным трипольцам средних этапов¹⁷. В Днепровском Надпорожье (Гадючья Балка)¹⁸, в Среднем Поднепровье (Веселый Кут)¹⁹, в Приазовье (Мариполь, территория завода «Азовсталь») и ряде других пунктов обнаружены погребения под курганной насыпью с остроногими и яйцевидными сосудами среднестоговского типа. Все они в настоящее время выделены В. Н. Даниленко и отнесены к среднестоговской фазе древнейшей культуры.

Описанные предметы из Кайнары составляли погребальный инвентарь захоронения с труположением в малом кургане. На это указывает окрасенность охрой и костяка, и некоторых вещей. Погребенной, видимо, была женщина — представительница родо-племенной знати, о чем говорят украшения из металла.

Сосуд, аналогичный керамике из Сабатиновки I и поселений ее типа, кремневые пластины разрешают датировать погребение из Кайнары временем начальной фазы среднего этапа трипольской культуры — VI, т. е. концом IV — началом III тысячелетия до н. э.²⁰

Случайность открытия погребения, разрушенность при земляных работах и насыпи кургана, и костяка ни в коей мере не уменьшают значение памятника. Это один из наиболее ранних курганов на территории Молдавии и, видимо, относится к памятникам ранней фазы древнейшей культуры, предшествовавшей собственно Среднему Стогу II.

Погребение из Кайнары свидетельствует о наличии более древних связей трипольского населения Днестра с их ближайшими юго-восточными соседями — пастушескими энеолитическими племенами степного юга, чем это считалось до настоящего времени²¹.

¹⁵ Выписка из результатов анализа, шифр 5103.

¹⁶ Е. Н. Черных. История древнейшей металлургии Восточной Европы М., 1966, стр. 54.

¹⁷ Т. Г. Мовша. О связи племен трипольской культуры со степными племенами мідного века. СА, 1961, № 2, стр. 191—199.

¹⁸ П. Козар. Звіт про науково-археологічні дослідження на території Дніпробуду й Порожистої частини Дніпра, фонды Всеукраїнського археологічного комітету, дн. 18, п. 18. Сосуд хранится в Киевском историческом музее.

¹⁹ «Коротке звітання за археологічні дослідження». Київ, 1926, стр. 104, рис. XXIV.

²⁰ T. Passek. Relations entre l'Europe Occidentale et l'Europe Orientale à l'époque néolithique. Atti del VI Congresso internazionale delle scienze preistoriche e protostoriche I. Relazioni generali Rome, 1962, стр. 127—144.

²¹ Т. Г. Мовша. О связях племен трипольской культуры со степными племенами мідного века, стр. 191—199.

А. РАДУНЧЕВА

ПОСЕЛЕНИЕ И НЕКРОПОЛЬ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА
У с. ВИННИЦА В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ БОЛГАРИИ

В связи с сооружением водохранилища Винница в июле 1965 г. начались охранные раскопки первобытного многослойного поселения Клиседжик. В ходе работ был открыт и один из первых в Болгарии энеолитических некрополей¹. При этом впервые на территории страны были произведены одновременные исследования весьма важного комплекса: и поселения указанной эпохи, и принадлежавшего ему могильника.

Поселение Клиседжик расположено в 3 км к востоку от с. Винница Шуменской обл. на высоком правом берегу р. Камчия. Высота «жилого холма» 5 м, диаметр основания 45—55 м.

Раскопки показали, что терраса, на которой располагалось поселение, заселялась в различные исторические эпохи. В непосредственной близости от поселения, к северу от него, Ц. Дремсизова исследовала фракийское селище, а Т. Тотев и В. Антонова — средневековые селище и некрополь.

В эпоху Первого Болгарского царства на вершине «жилого холма» была построена монументальная каменная церковь². Возникший у ее стен некрополь разрушил культурный слой первобытного поселения на глубину 0,90—0,95 м.

Раскопками поселения с июля 1965 г. до осени 1966 г. открыты пять строительных горизонтов, принадлежавших раннему и позднему периодам энеолитической эпохи. Первые два горизонта почти полностью разрушены средневековым некрополем. Остальные три сохранились значительно лучше.

Установлено, что жилища во всех строительных горизонтах имели прямоугольную форму. Стены их состояли из кольев, оплетенных ветвями и обмазанных глиной: такая обмазка состояла из ряда слоев (до десяти). Полы домов нарушены многочисленными ямами.

Из найденных при раскопках орудий труда наибольшую группу составляют мотыги из оленьего рога. Большинство их имеет круглый или эллипсоидный проух, лишь отдельные экземпляры просто привязывались к деревянной рукояти. Некоторые различия в форме позволяют заключить, что одни мотыги употреблялись для разрыхления почвы, а другие — для проведения борозд.

Из кости изготовлены шилья, долота, ложила, наконечники стрел, рыболовные крючки и пр.

¹ О предшествующих находках в Болгарии отдельных энеолитических погребений см.: Дмитрий Овчаров. Энеолитен некропол до с. Аляк, Търговишко. «Археология», кн. I, 1963, стр. 53—56.

² Ст. Станчев. Църквата до с. Винница. ИАИ, XVIII, 1952, стр. 305—330.

Каменные изделия типичны для энеолита Восточной Болгарии. Среди них следует отметить тесла, клиновидные топоры, проушные топоры-молоты.

Наиболее массовым материалом раскопок явилась керамика. Сосуды первых четырех строительных горизонтов характерны для позднего периода энеолита: ближайšie аналогии им содержит керамический комплекс поселения Коджа-Дермен³. Чаще всего встречаются широкие сосуды, нижняя часть которых представляет собой перевернутый усеченный конус, а верхняя — низкий цилиндр. Сосуды этого типа обычно украшены богатым графитным орнаментом. Известны сферические и полусферические сосуды с резной или рельефной орнаментацией. Нередко встречаются и сосуды более сложных форм, верхняя часть которых украшена графитом, а нижняя — резными узорами.

При вскрытии пятого строительного горизонта отмечено определенное изменение культуры. Оно проявляется прежде всего в керамике. Сосуды и крышки украшены широкими резными поясами с белой или желтоватой инкрустацией, а также геометрическими фигурами. Поражает большое разнообразие декоративных мотивов. Часто инкрустация сочетается с изысканным графитным орнаментом.

Изменение культуры проявляется и в каменных орудиях труда.

К бытовым предметам, известным во всех горизонтах, можно отнести целые и фрагментированные глиняные ложечки, некоторые из них имеют антропоморфные ручки. Неоднократно встречались глиняные грузила для ткацких стайов и рыболовных сетей.

Особый интерес представляют глиняные человеческие фигурки. Среди них можно выделить ряд типов, свидетельствующих об индивидуальных особенностях мастеров. Некоторые фигурки поражают реалистичностью и совершенством изображения. Фигурки животных крайне редки.

Материал раскопок позволяет заключить, что поселение жило полнокровной жизнью как в первую, так и во вторую половину энеолита. Пока невозможно установить причину прекращения жизни поселения в конце энеолита. Очевидно, обитатели его разделили судьбу своих современников как этой, так и других частей страны, где жизнь на первобытных поселениях прервалась в этот же период.

Основными отраслями хозяйства поселения были земледелие, охота и рыболовство. Вопрос о роли животноводства может быть разрешен лишь после изучения остеологического материала.

Исследуемое поселение принадлежит археологической культуре, известной по раскопкам многослойных энеолитических поселений в селах Коджа-Дермен⁴, Кубрат (Бал Бунар)⁵, Салманово⁶, Невский⁷, г. Русе⁸ и других в Северной Болгарии. В южной части страны близкие материалы найдены в таких поселениях, как Караново⁹, «Азмашка могила»¹⁰

³ Р. Попов. Коджадерменската могила при гр. Шумен. ИАД, VI, 1916—1918, стр. 71—155.

⁴ Р. Попов. Указ. соч. стр. 23—48.

⁵ «Селищната могила при с. Балбунар». ИАИ, IV, 1926—1927, стр. 23—45.

⁶ Р. Попов. Предисторическата Денева могила при с. Салманово. ИАД, IV, 1941, стр. 148—240.

⁷ В. Миков. Могилата при с. Султан. Поповско. ГНМ, IV, 1922—1925, стр. 23—48.

⁸ Г. Ил. Георгиев и Н. Ангелов. Разкопки на селищната могила до гр. Русе през 1950—1953. ИАИ, XXI, 1957.

⁹ G. Il. Georgiev. Kulturgruppen der Jungstein-und Kupferzeit in der Ebene von Thrazien (Südbulgarien). «L'Europe à la fin de l'âge de la Pierre». Praha, 1961.

¹⁰ Г. Ил. Георгиев. Главни резултати от разкопките на Азмашката селищна могила през 1961. ИАИ, XXVI.

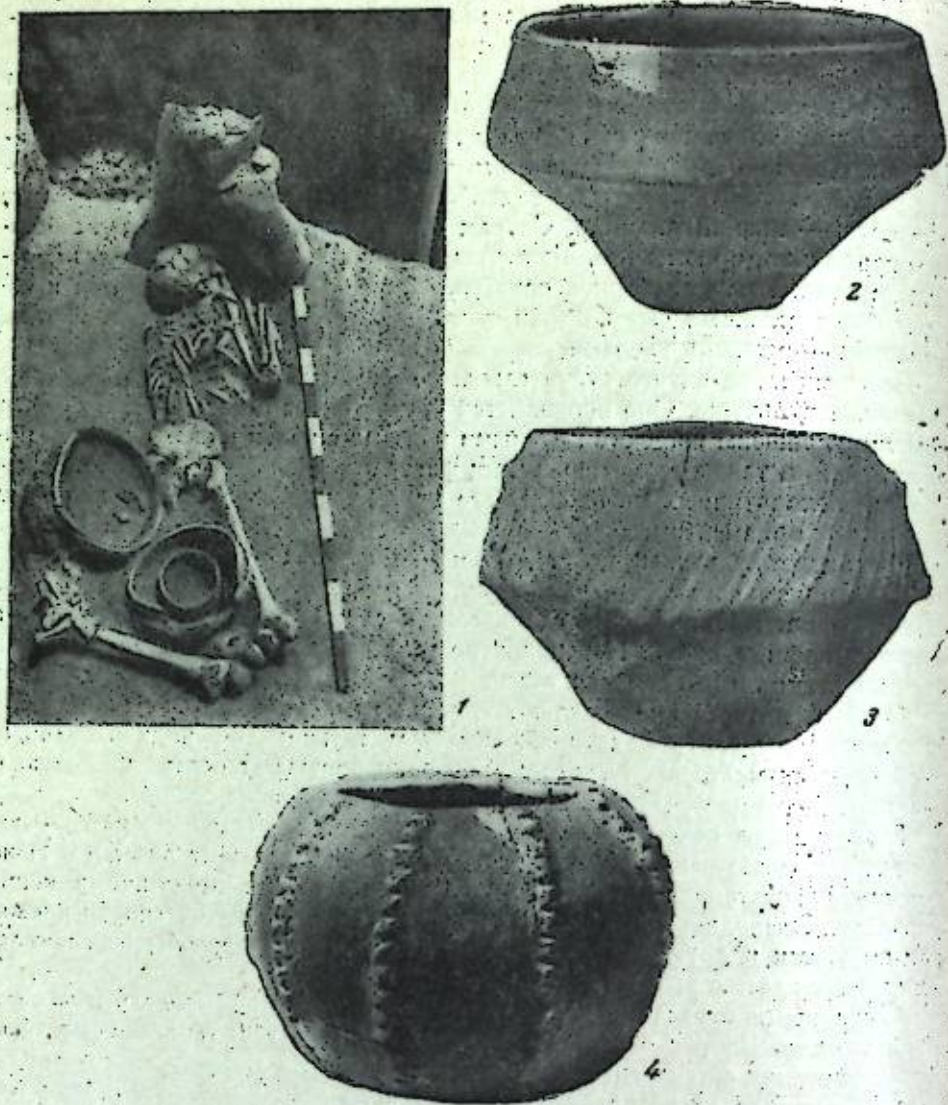

Рис. 19. Некрополь у с. Виница. Погребение 4 и сосуды из него

у г. Старой Загоры, поселение у с. Завет¹¹ у г. Бургаса, «Рашева могила»¹² в г. Ямболе и др.

За пределами Болгарии наши материалы находят параллели прежде всего в памятниках культуры Гумельницы в Румынии¹³.

В 30 м к югу от поселения был открыт его некрополь, раскопки которого продолжаются по сей день. Судя по находкам, он может быть уверенно отнесен ко второй половине энеолита. Следовательно, он принадлежал создателям первых четырех строительных горизонтов поселения.

Погребальным обрядом жителей поселения было труположение. Погребенные лежали в ямах глубиной от 0,30 до 1,60 м скорченно, на левом боку, с кистями рук перед лицом. Господствующая ориентировка — юго-

восточная. В большинстве могил поставлены по одному или несколько сосудов, обычно группирующихся возле головы или ног (рис. 19). Прочие предметы редки: это преимущественно кремневые пожи или украшения — ожерелья и амулеты из раковин и т. п. При одном из погребенных найден фрагмент глиняной женской фигурки. При погребениях младенцев инвентарь часто отсутствует.

Особый интерес представляют круглые площадки, огражденные или выложенные каменными плитами. Человеческих костей на них нет. Поверх каменных плит в беспорядке разбросаны кости животных и фрагменты глиняных сосудов. Среди костей животных на одной из площадок была найдена голова глиняной женской фигурки, отбитая еще до помещения ее на площадку.

Назначение этих сооружений не может еще быть определено с должной уверенностью. Бесспорно, они связаны с культом мертвых. Может быть, это площадки для жертвоприношений. Но до сего времени ни одна площадка не связана с определенным погребением.

Керамика из погребений абсолютно аналогична керамике первых четырех горизонтов поселения. Это тождество наряду с расположением могильника, безусловно, доказывает единство исследуемого комплекса.

Раскопки как поселения, так и некрополя лишь начаты. Можно надеяться, что дальнейшие исследования их будут достаточно плодотворны.

¹¹ В. Миков. Селищната могила до с. Завет, Бургаско. ИАИ, XXIV, 1961.
¹² G. H. Gaul. The Neolithic Period in Bulgaria, 1948, табл. XLI, XXXIX.
¹³ D. Berciu. Contribuții la problema Neoliticului în România în lumina noilor cercetări. București, 1961, стр. 413—478.

Р. М. МУНЧАЕВ, И. М. ЧЕЧЕНОВ

НАХОДКА МЕДНОГО КОТЛА МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ
В г. НАЛЬЧИКЕ

В настоящее время общепризнано, что во второй половине III тысячелетия до н. э., в эпоху бытования прославленной майкопской культуры, широкое развитие на Северном Кавказе получает металлообработка. Местная металлообработка у племен майкопской культуры, особенно на позднем этапе ее развития, убедительно документируется находками в памятниках раннебронзового века Северного Кавказа комплекса специфических медных и главным образом бронзовых (медно-мышьяковых и, реже, медно-никелевых) предметов. К числу последних относятся и медные, и бронзовые котлы — наиболее древняя металлическая посуда, обнаруженная в памятниках III тысячелетия до н. э. на территории СССР.

До последнего времени находки древнейших металлических котлов на Северном Кавказе были известны лишь из ряда курганов Прикубанья, раскопанных еще в конце XIX в. В 1961 г. бронзовый котел был обнаружен в одном из майкопских погребений Бамутского курганного могильника в Чечено-Ингушетии. Там же найден еще один металлический котел в 1964 г. А в 1966 г. медный котел майкопской культуры обнаружен в г. Нальчике, т. е. в центральной части Северного Кавказа, где до сих пор подобные находки не были известны. Настоящая статья как раз и посвящается публикации этой важной и интересной находки.

Котел происходит из кургана, одиноко возвышающегося на юго-западной окраине г. Нальчика. Высота кургана 8—9 м, диаметр 70—75 м. Весной 1966 г. при строительных работах был разрушен край кургана в его юго-западной части. Здесь среди семи массивных каменных плит найдены металлический котел, каменная стела и большой сильно фрагментированный красно-охристый сосуд.

О первоначальном положении каменных плит точных сведений получить не удалось. По словам экскаваторщика А. П. Баборинова, плиты составляли прямоугольное в плане сооружение (каменный ящик или склеп —?), под которым находилась специально сделанная вымостка из гравия. Плиты изготовлены из известнякового плитняка и хорошо обработаны. На месте обнаружения данных плит отмечено большое количество красной охры. Охрой были обильно окрашены каменная стела и большинство плит. Значительное количество охры находилось и внутри медного и глиняного сосудов.

Медный котел сохранился почти целиком (рис. 20). Это довольно крупный сосуд с яйцевидным, несколько раздутым у плеч туловом. Он имеет невысокую вертикальную шейку с умеренно отогнутым краем венчика. Дно его непропорционально маленькое, оно утолщено и слегка вогнуто вовнутрь. Размеры котла: высота 57 см, диаметр по горловине 50 см, максимальный диаметр тулова 62 см и диаметр дна 14 см. Он изготовлен из ковanej лис-

товой меди толщиной 3 мм. На горловине котла имеется несколько заклепок и сквозных отверстий, указывающих на то, что сосуд неоднократно ремонтировался.

Следует отметить также, что на тулове котла прослежены остатки ткани желтоватого цвета, а на горловине сосуда было несколько слоев такой ткани. Последняя весьма тонкой пряжи и отличается высокой техникой ткачества (рис. 21). Предварительные результаты исследования этой ткани показывают, что она растительного происхождения (лен)¹.

Кроме того, на дне котла отмечены отчетливые отпечатки и остатки циновки из какого-то волокнистого растения.

Котел по всем своим особенностям связывается с металлическими сосудами, которые известны из памятников майкопской культуры в Прикубанье и Чечено-Ингушетии, хотя он и не абсолютно им аналогичен.

Прежде всего обращают на себя внимание необычайно крупные размеры нальчикского котла. Во всей серии известных до сих пор металлических сосудов из майкопских комплексов — это наиболее крупный котел. Находящийся в экспозиции Эрмитажа в Ленинграде большой бронзовый сосуд из Майкопского кургана уступает по размерам нальчикскому котлу. Судить о точных размерах металлических котлов из курганов у станиц Нововосвободной² и Тульской³, раскопанных Н. И. Веселовским, мы не можем, так как они сохранились в обломках. Но они не такие крупные, как котел из Нальчикского кургана. Последний по размерам можно сопоставлять с отдельными крупными глиняными сосудами майкопской культуры⁴.

Как известно, опубликованные металлические котлы из Нововосвободненского⁵ и Бамутского⁶ курганов украшены жемчужным орнаментом. На Нальчикском котле украшений нет вообще, но в майкопских памятниках обнаружены и не орнаментированные металлические котлы. В частности, орнамент отсутствует на упоминавшемся выше сосуде из Майкопского кургана, находящемся в Эрмитаже. Нет орнамента и на медном котле, найденном в 1964 г. в Чечено-Ингушетии в одном из майкопских погребений Бамутского могильника. Последний, высотой около 35 см.

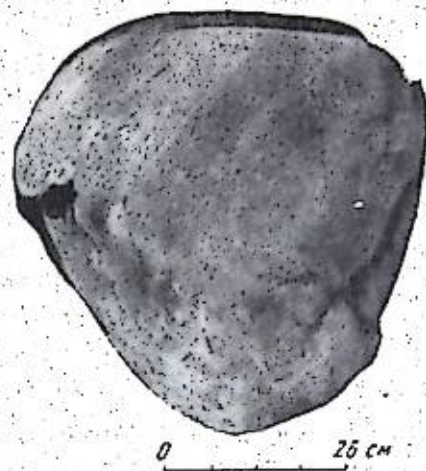

Рис. 20. Медный котел из кургана в г. Нальчике

¹ Исследования ткани проведены Б. А. Шрамко (исторический факультет Харьковского государственного университета).

² Т. Б. Попова. Дольмены станицы Нововосвободной. М., 1963, табл. VII.

³ А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, стр. 67; Коллекция ГИМ, № 42403.

⁴ А. П. Круглов, Г. Г. Подгаецкий. Долинское поселение у г. Нальчина. МИА, № 3, 1941, табл. VI—VII (сосуды из Долинского поселения); М. М. Кубланов. К истории азнатского Боспора (новые археологические материалы с полуострова Фонтан). СА, XXIX—XXX, 1959, стр. 219, рис. 19; Р. М. Мунчаев, В. И. Сарияиди. Исследование Бамутского курганного могильника в 1963 г. КСИА, вып. 106, 1966, стр. 76, рис. 32, 4, 5.

⁵ Т. Б. Попова. Указ. соч., табл. XII.

⁶ Р. М. Мунчаев. Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии. СА, 1962, № 3, стр. 194, рис. 10; В. И. Марковин, Р. М. Мунчаев. Археология Чечено-Ингушетии в свете новейших данных. КСИА, вып. 100, 1964, стр. 42, рис. 16.

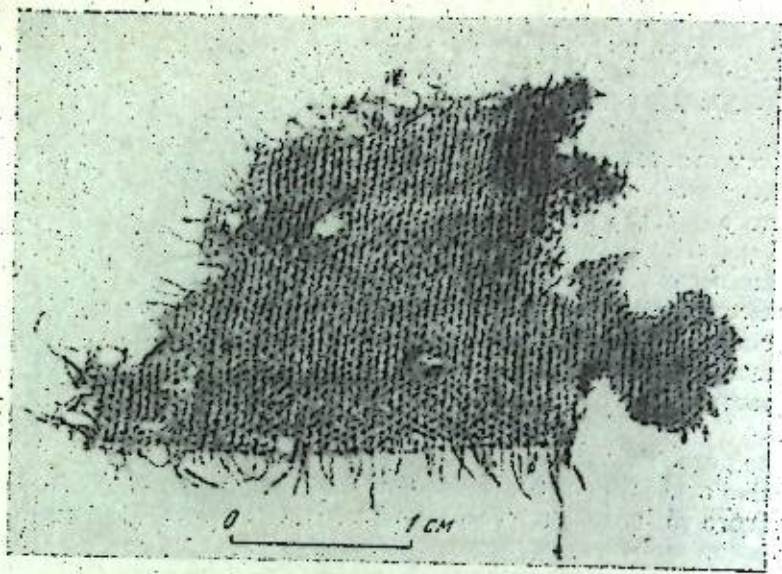

Рис. 21. Курган в г. Нальчике. Остатки ткани

имеет, как и нальчикский котел, яйцевидное тулово, невысокую вертикальную шейку и узкое дно, утолщенное и вогнутое внутрь, т. е. он совершенно аналогичен по форме публикуемому сосуду. В этой связи следует отметить также, что результаты спектрального анализа нальчикского и бамутского котлов свидетельствуют об их близости и по составу металла (медь с небольшим содержанием мышьяка)⁷.

Таким образом, сравнительные данные достаточно убедительно говорят о принадлежности медного котла из г. Нальчика к кругу древностей, объединяемых майкопской культурой. Близость его прежде всего к аналогичным сосудам из курганов Новосвободной и Бамута и к соответствующей форме керамики из тех же памятников позволяет отнести данный комплекс к позднему этапу развития майкопской культуры и датировать его концом III тысячелетия до н. э.

На это же указывает и найденный вместе с медным котлом крупный глиняный сосуд красно-охристого цвета. Он имеет шаровидное тулово и прямую невысокую шейку с резко отогнутым и утонченным краем венчика. Изготовлен из хорошо отмученной глины. Поверхность его хорошо заглажена. Размеры: высота около 50 см, диаметр по краю венчика 30 см и диаметр дна 13 см. Такие сосуды, отличающиеся к тому же красно-охристым цветом, являются одной из самых характерных форм позднемайкопской керамики. Они представлены в ряде памятников раннебронзового века Северного Кавказа и, в частности, в большом количестве в Бамутском курганном могильнике⁸, характеризующем поздний, так называемый новосвободненский этап майкопской культуры.

Особо следует остановиться на каменной стеле, обнаруженной в Нальчикском кургане. К сожалению, выяснить точно, где и в каком положении находилась первоначально эта стела, не удалось. Поэтому остается неясным, в какой мере связана она с рассмотренным комплексом майкопской культуры.

Нальчикская каменная стела представляет собой верхнюю часть антропоморфного изваяния (рис. 22). Основание и частично плечи стелы отбиты. Она изготовлена из известнякового плитняка, т. е. из того же материала, что и отмеченные плиты. Поверхность плиты хорошо отработана. Плечи четко подчеркнуты, слегка расширяющаяся книзу голова плавно соединяется с туловищем. Черты лица и шея не выражены. На груди расположены параллельно друг другу желобки, по три с каждой стороны, имитирующие, по всей вероятности, ребра. Размеры сохранившейся части стелы: высота 61 см (высота головы 28 см), ширина 87 см и толщина 34 см.

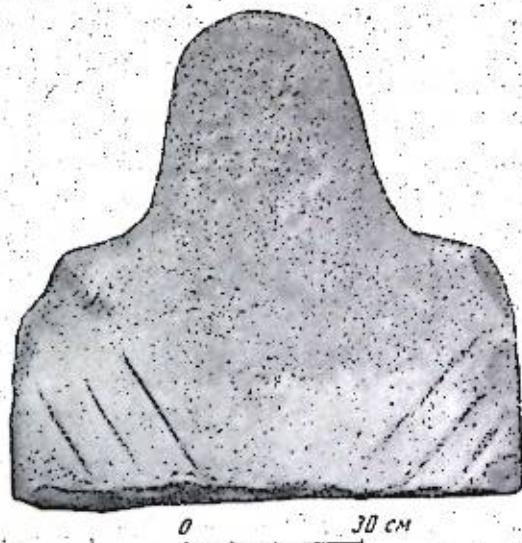

Рис. 22. Курган в г. Нальчике. Каменная стела

Это примитивное каменное антропоморфное изваяние является в настоящее время единственным памятником подобного рода на Кавказе. До сих пор в памятниках бронзового века Закавказья и Северного Кавказа аналогичные каменные стелы не обнаружены. Известные в Предкавказье каменные антропоморфные изваяния скифского времени резко отличаются от описанной стелы⁹ и потому не могут быть сопоставлены. Возникает, однако, вопрос, с какими же памятниками следует сравнивать нальчикскую стелу? Известно, что каменные антропоморфные изваяния довольно широко представлены в памятниках ямной культуры Северного Причерноморья¹⁰. Однако аналогичные каменные изваяния в Северном Причерноморье неизвестны. Тем не менее нальчикская находка обнаруживает определенную близость в отдельных деталях с некоторыми каменными стелами ямной культуры. Последние весьма примитивны, голова и плечи у них оформлены почти так же, как на нальчикской стеле, а черты лица и шея не выражены¹¹. На некоторых ямных стелах, например из Новочеркасска¹², как и на описанной, изображены и ребра.

До недавнего времени считалось, что племена майкопской культуры поддерживали связи только с южными областями вплоть до Передней Азии. Сейчас получены уже важные данные, свидетельствующие о контактах с Северным Причерноморьем¹³. В этой связи особый интерес вызывает обнаруженное в г. Нальчике каменное антропоморфное изваяние.

Следовательно, вводимые в научный оборот находки медного котла и каменного антропоморфного изваяния представляют собой весьма ценные памятники. Благодаря находке медного котла в Нальчике стало возможным говорить о том, что металлургическая посуда в эпоху ранней бронзы была распространена почти во всех областях Северного Кавказа.

⁷ См., например: В. И. Марковни и Р. М. Мунчаев. Каменные изваяния из Чечено-Ингушетии. СА, 1964, № 1, стр. 159, 160, рис. 1 и 2.

¹⁰ А. А. Формозов. О древнейших антропоморфных стелах Северного Причерноморья. СЭ, 1965, № 6, стр. 177—181.

¹¹ А. А. Щепицкий. Новая антропоморфная стела в Крыму. СА, 1958, № 2, стр. 145.

¹² А. А. Формозов. О древнейших антропоморфных стелах Северного Причерноморья, стр. 178, рис. 1.

¹³ А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья, стр. 139—143. Р. М. Мунчаев, А. Л. Нечитайло. Комплексы майкопской культуры в Усть-Джегутинском могильнике. СА, 1966, № 3, стр. 150.

⁸ Спектральные анализы выполнены И. Р. Селимхановым и Е. Н. Черныком. Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МИА, № 100, 1961, стр. 102—103, табл. XII; он же. Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии, стр. 197, рис. 13 и др.

В. В. БЖАНИЯ

РЕЗУЛЬТАТЫ ОБСЛЕДОВАНИЯ
ГУМИСТИНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ в 1964 г.

В 1948 г. Л. Н. Соловьев провел обследование невысокого кургана, расположенного на Гумистинском поселении, открытом им же еще в 1945 г.¹

Памятник находится в 3 км к северо-западу от Сухумского железнодорожного вокзала, на границе города и с. Ачадар. Поселение расположено на высоком плато (древняя морская терраса) левого берега р. Гумиста, судя по поверхностным находкам, концентрируется к обрывистому краю.

На юго-восточной окраине поселения некогда возвышался удлиненно-овальный в плане расплывчатый холмик (высота 1,5 м, длина с северо-востока на юго-запад 30 м, ширина 15 м), насыпь которого состояла из глины, крупных валунов и гальки². На площади кургана Л. Н. Соловьев раскопал шесть погребений. Четыре из них (2, 4, 5, 6) автор относит к раннему энеолиту³. Эти погребения совершались на дневной поверхности почвы в скорченном положении и обкладывались большими камнями. Последующие погребения пристраивались к уже существующим. Вместе с покойником в могилу укладывались небольшие глиняные сосуды, по технологическим признакам схожие с многочисленными фрагментами посуды, рассыпанными на поверхности поселения. В погребении 4, кроме того, был найден миниатюрный каменный топорик со следами сверления (рис. 23, 9), а в погребении 2 — маленькая каменная подвеска с биконическим отверстием (рис. 23, 3).

В 1964 г. на Гумистинском поселении нами были заложены два небольших раскопа, давшие интересный стратифицированный материал, уточнивший датировку памятника.

Коллекцию находок составляют орудия из камня и керамики. Большинство каменных орудий изготовлено из валунов и гальки осадочных пород (сланец, песчаник) посредством техники скола. Лишь часть из них дополнительно подправлена точечной техникой. Орудия группируются в серии: зернотерки, дисковидные мотыги (рис. 23, 18, 19), грузила для сетей (рис. 23, 1, 2), долота (рис. 23, 7), стамески (рис. 23, 6), резак (рис. 23, 20), топоробразные орудия (рис. 23, 16, 17), остроконечники (рис. 23, 8, 12, 13), песты (рис. 23, 14), отбойники (рис. 23, 15), шары для пращи.

В перечисленном наборе по количеству резко выделяются дисковидные мотыги (на поселении их найдено свыше 300 экземпляров). Это простей-

¹ Л. Н. Соловьев. Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы — стоянки Воронцовской пещеры. «Труды Абхазского ИЯЛИ им. Д. И. Гула», т. XXIX. Сухум, 1958, стр. 148.

² В 1960 г. курган полностью уничтожен городскими застройками.

³ В погребении 3 был найден железный топор, по форме близкий колхидским бронзовым топорам, железное втульчатое копьё, железный дротик и небольшой нож. Датировка погребения 1 из-за отсутствия четких стратиграфических данных и сопутствующих материалов не устанавливается.

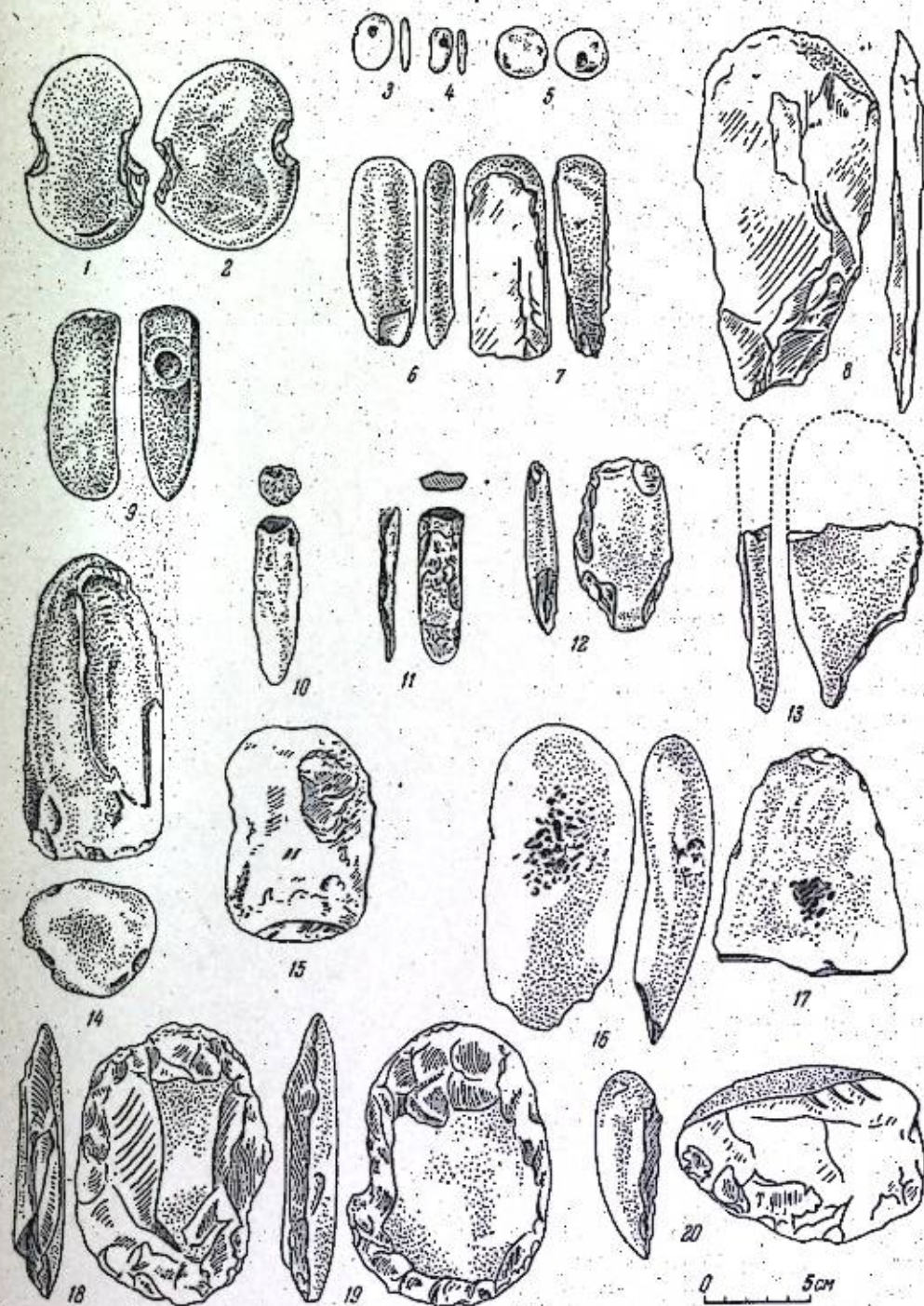

Рис. 23. Находки из Гумистинского поселения и кургана

1, 2, 6-8, 10-20 — каменные орудия из поселения; 3 — подвеска из погребения 2; 4 — подвеска из поселения; 5 — керамическая бусина из поселения; 9 — каменный топорик из погребения 4

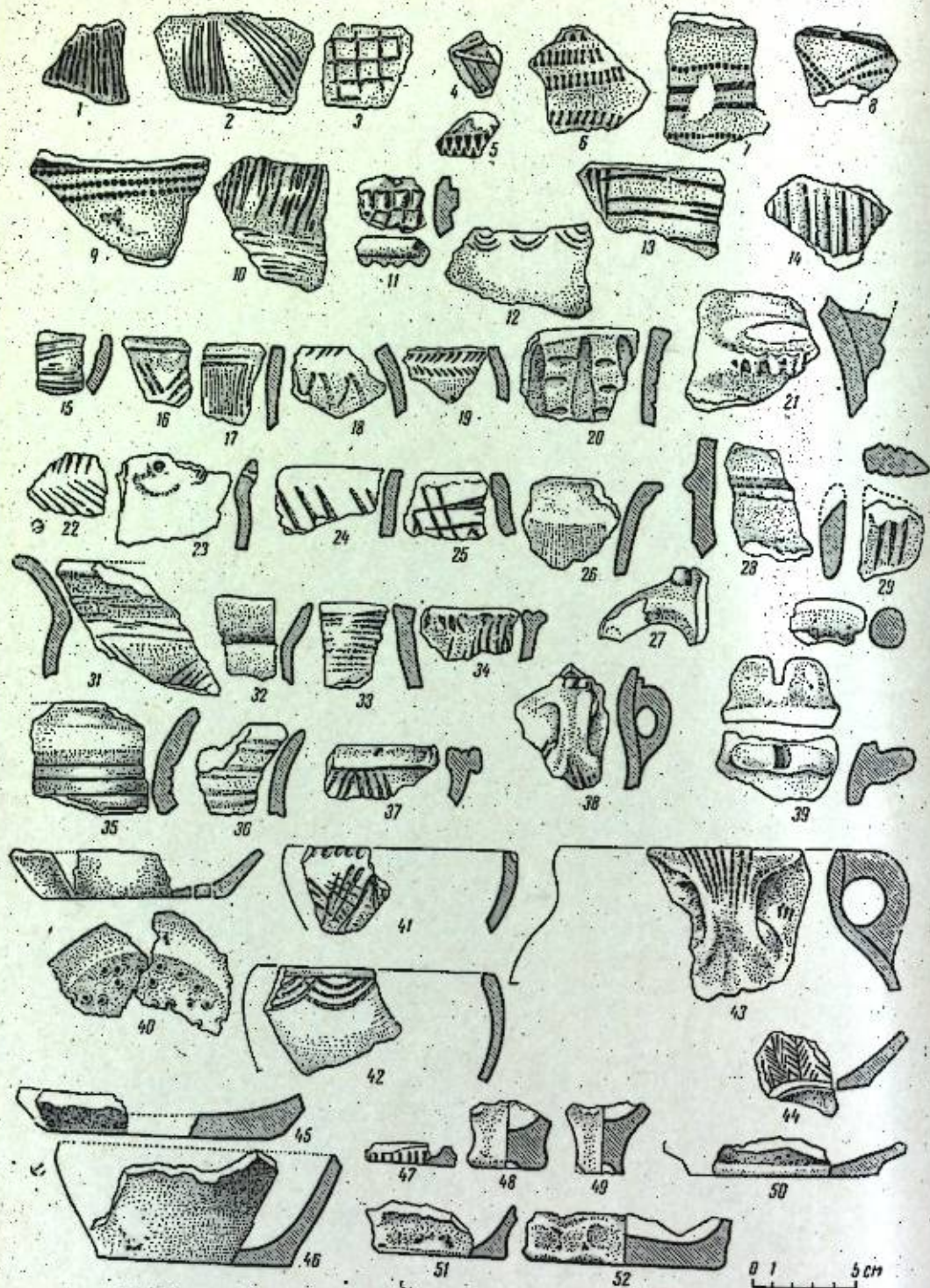

Рис. 24. Фрагменты керамики Гумистинского поселения

шее орудие, представляющее собой округлый валунчик, у которого по всей периферии одной из плоскостей сделаны сколы (наиболее частые размеры: длина 11—12,5 см, ширина 9—10 см, толщина 2 см), является характерным для памятников Абхазии эпохи раннего металла.

Среди каменных предметов, найденных во время раскопок Гумистинского поселения, интересны обломок ножа и маленькая подвеска. Нож (рис. 23, 11) изготовлен из длинной узкой гальки, утоньшенной мелкими сколами и подточкой. Он имеет ровные боковые стороны и округлое лезвие, стержневая часть обломана (сохранившаяся длина 6,8 см, ширина 2 см). Кроме гумистинской находки, подобные каменные ножи найдены на Мачарском (2-й слой) и Тамышском поселениях. Последние относятся к эпохе развитой бронзы. Типологически каменные ножи очень сходны с металлическим, найденным в заложенном гроте Воронцовской пещеры⁴.

Миниатюрная подвеска, как и найденная в кургане, изготовлена из глинистого сланца, имеет плоскую вытянуто-овальную форму. В центре, ближе к более широкому краю, просверлено биконическое отверстие (рис. 23, 3). По форме гумистинские подвески напоминают каплевидные подвески из зубов животных, найденные в нальчикских могильниках⁵.

Керамика Гумистинского поселения представлена большим количеством фрагментов посуды, изготовленной без гончарного круга. Сосуды с примесью большого количества мелкого песка или дробленого кальцита имели хороший обжиг и тщательную обработку. Найдено много черепков от сосудов с буровато-красным и черным лощением. На нескольких обломках видны следы покрытия поверхности сосуда коричневой краской.

Большинство сосудов было небольших размеров баночной или горшкообразной формы с плоским дном (рис. 24, 44—52) и с плавно или резко отогнутым венчиком (рис. 24, 15—20, 23, 26, 31—37, 43). В коллекции имеются также фрагменты от различной формы мисок (рис. 24, 41, 42). В днах некоторых сосудов — отверстия (рис. 24, 40). Часть сосудов снабжалась петельчатыми ручками (рис. 24, 27, 38). На нескольких фрагментах вместо петельчатых ручек — ластообразные выступы (рис. 24, 29, 39).

Большая часть сосудов была украшена резным или штампованным геометрическим орнаментом. Часто эти приемы сочетались (рис. 24).

Пользуясь материалами из раскопок Гумистинского кургана и находками с поверхности поселения, Л. Н. Соловьев, как уже было отмечено, отнес существование памятника к раннему энеолиту, датировав его 2300—2000 гг. до н. э.⁶ Абсолютная датировка, предложенная Л. Н. Соловьевым для гумистинских комплексов, может быть приемлема и в настоящее время. Однако характеристика этих памятников теперь, когда число источников значительно увеличилось, требует некоторой поправки.

На наш взгляд, Гумистинское поселение относится к эпохе ранней бронзы, но не к начальной ее поре. Для этого имеется ряд доказательств. Одно из них — очень близкое сходство орнаментировки гумистинской посуды с украшением сосудов из второго и третьего слоев холма Диха-Гудзуба в Колхидской низменности. В указанных слоях нет орнаментальных типов, которые не имели бы аналогий в керамике гумистинского поселения⁷. Между тем находки уже из первого (нижнего) слоя холма Диха-Гудзуба указывают, что даже древнейшие насельники этого места были знакомы с изготовлением металлических орудий посредством литейных форм⁸. Это позволяет относить Гумистинское поселение к эпохе ранней бронзы.

⁴ Л. Н. Соловьев. Новый памятник..., стр. 153, рис. 7.

⁵ А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий. Могильник в г. Нальчике. МИА, № 3, рис. 54, 1, 2, табл. I, 1—4.

⁶ Л. Н. Соловьев. Новый памятник..., стр. 145, 146, 149, 151.

⁷ Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, т. II. Тбилиси, 1950, рис. 68.

⁸ Там же, стр. 248, рис. 64, 16.

О. Д. ДАШЕВСКАЯ

КУРГАН ЭПОХИ БРОНЗЫ
У с. ПОПОВКА БЛИЗ ЕВПАТОРИИ

В 1965 г. Донузлавская экспедиция Института археологии АН СССР и Евпаторийского краеведческого музея раскопала подлежащий сносу курган в зоне застройки между с. Поповка и оз. Донузлав, в 28,5 км к северо-западу от Евпатории¹.

Раскопанный курган 1 — один из двух расположенных здесь равных по размеру курганов. Оба они находятся в 300 м севернее шоссе Евпатория — Черноморск. Курган 2, ближайший к озеру, отстоящий на 240 м к западу от кургана 1, сильно поврежден грабительскими раскопками и попадает во вторую очередь застройки. Поэтому мы выбрали для исследования курган 1, хорошо сохранившийся (лишь немного поврежденный ямой репера), около которого (в 200 и 220 м южнее) на поле уже построены два четырехэтажных дома и продолжается строительство.

Высота кургана 3 м, диаметр 46 м. Под насыпью на погребенной почве оказалось кольцевое ограждение (кромлех) диаметром 30 м (рис. 25), сложенное из крупных рваных камней.

За кромлехом с восточной стороны лежали одна на другой две известняковые стелы с крайне примитивными признаками антропоморфности (рис. 26), позволяющими сравнить их с рядом известных стел ямного типа². По высоте обе стелы почти одинаковы: 1,06 и 1,07 м. Одна из них сверху закруглена, а снизу сужена; другая имеет на верхнем краю небольшой выступ, схематично обозначающий голову, а слева в верхней части — три слабо намеченные параллельные бороздки, при помощи которых, видимо, хотели изобразить пальцы³.

В кургане (рис. 27) оказалось 16 погребений, из которых восемь (4, 5, 9, 11, 12, 14 — 16) были в материке и восемь (1—3, 6—8, 10, 13) — впускные, в насыпи. Основные могилы представляют собой грунтовые ямы, как

¹ В раскопках, проводившихся экспедицией под руководством автора, участвовали научные сотрудники М. Х. Садькова и В. И. Цехмистренко, лаборанты Н. В. Лобань, Б. Г. Родин, Д. А. Сириц, В. Ф. Ямбаков, бульдозерист М. Божко, а также студенты-практиканты МГУ и Марийского ГПИ. Находки переданы в Евпаторийский музей. Антропологические определения выполнены в Институте антропологии МГУ Т. С. Кондукторовой. Предварительное сообщение опубликовано: О. Д. Дашевская. Раскопки в Северо-Западном Крыму. Сб. «Археологические открытия 1965 года». М., 1966, стр. 117, 118.

² П. Куриний. Білогрудівські кам'яні стели. «Записки Всеукраїнського археологічного комітету», I, 1931, стр. 188 и сл., рис. 5, 6; А. А. Щепинский. Новая антропоморфная стела эпохи бронзы в Крыму. СА, 1958, № 2, стр. 145 (см. указанию там литературу); он же. Памятники искусства эпохи раннего металла в Крыму. СА, 1963, № 3; А. В. Бодянский. Древнеямное погребение с антропоморфной стелой. СА, 1964, № 1, стр. 291, 292; В. И. Никитин. Охраняемые раскопки кургана у с. Гороховка Николаевской обл. КСОГАМ за 1963 г., 1965, стр. 47—51.

³ Ср.: В. И. Никитин. Указ. соч., стр. 49.

правило, бочонковидной в плане формы: с дуговидными длинными стенками и прямыми короткими.

Как в грунтовых могилах, так и в захоронениях в насыпи (не говоря о плохо сохранившихся погребениях 6, 10 и 13, где положение умерших не прослеживается, а также 3 и 15, где их не было), костяки лежали преимущественно на правом боку, в некоторых случаях — на левом или на спине с поджатыми ногами. Почти все костяки окрашенные. Преобладает северо-восточная ориентировка, дважды зафиксирована северная (7 и 8), единичны — северо-западная (4), юго-западная (10) и юго-восточная (14). Четыре погребения в кургане оказались парными, из них два — основные (5 и 14) и два — впускные (2 и 8). В погребениях 2 и 14 скелет взрослого сопровождался скелетом ребенка. В могилах встречались древесные угольки и тлен. Большинство захоронений сосредоточено в центре кургана. Лишь одна из грунтовых могил (4) находилась за пределами кромлеха.

Центральное погребение (5) отличается большой глубиной могильной ямы (2 м), перекрытой и окаймленной массивными известняковыми плитами, под которыми прослежены остатки бревенчатого настила. Площадь могилы 1,60 × 1,30 м. Площадь каменной выкладки над могилой 4 × 3 м. В яме покоились два костяка с полусожженными черепами плохой сохранности, ориентированные на ВСВ. Они лежали на спине с поджатыми ногами и были обращены друг к другу коленями. У ног — также следы огня. При мужском костяке, отклоненном ногами на правый бок, под черепом обнаружен копьевидный бронзовый нож (рис. 28, 1); в головах у женщины — бронзовое четырехгранное шило (рис. 28, 2) и широкий уплощенный пестик из крымского песчаника (рис. 28, 8)⁴. Инвентарь погребения относится к числу предметов, широко распространенных и типичных как для ямной, так и для катакомбной культуры. Обряд сожжения голов и ног покойников на месте засвидетельствован в катакомбной культуре⁵.

Одно из грунтовых погребений (9) было детским. Могила размером всего 0,98 × 0,60 × 0,40 м была покрыта двумя известняковыми плитами. Скелет подростка лежал на правом боку с подогнутыми ногами, головой на северо-восток. Левая рука его была вытянута вдоль туловища, а правая, согнутая в локте, находилась поверх корпуса. Такая поза наиболее обычна в данном кургане. У правой стопы покойника лежала круглая терка из диабазового порфирифта (рис. 28, 6) североприазовского происхождения.

В могиле 11 (1,50 × 1,05 × 0,40 м) умерший лежал на левом боку, головой на северо-восток, с руками в необычном положении — кистями ко лбу, как бы закрывая ими лицо. Инвентарь его был очень скуден: два кремневых отщипа около пятки.

В погребении 12 (1,45 × 0,95 × 0,32 м) ориентировка покойника (женщины около 30 лет) та же, поза совпадает с погребением 9. У колен положена половинка круглой терки из карбонатного песчаника северокрымской или южноукраинской породы.

Погребение 4, единственное расположенное вне кромлеха, покрытое каменной плитой, отличалось правильной овальной формой ямы (1,40 × 0,70 × 0,38 м), северо-западной ориентировкой и сравнительно редким для нашего кургана положением покойника (мужчины около 60 лет) на левом боку. Окрашенность костей слабая. Погребение сопровождалось двумя головами ягнят, из которых одна была положена перед грудью, а другая — под коленями. И этот обычай мы встречаем в катакомбной культуре⁶. Надо заметить, что край этой могилы слегка заходит под кромлех. Отсюда

⁴ Определение пород камня произвел В. Ф. Петрунь.

⁵ Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры. М., 1955, стр. 144.

⁶ Там же, стр. 144, 145.

Рис. 25. Кромлех

можно заключить, что данное захоронение, как, очевидно, и остальные в кургане, было совершено до сооружения кромлеха. Последний старались выложить точно по кругу, что, видимо, было связано с солнечной символикой⁷, и не стали нарушать линию или увеличивать диаметр ради одного погребения, отстоящего слишком далеко от других.

Погребение 14 (1,25 × 0,85 × 0,27 м), как и центральное, было парным. Здесь были похоронены молодая женщина и ребенок четырех—шести лет, оба — в обычной позе, на правом боку, с северо-восточной ориентировкой, без вещей. В могиле оказалось особенно много угольков. Костяки отличались интенсивностью окраски. У колен женщины сохранился кусочек охры.

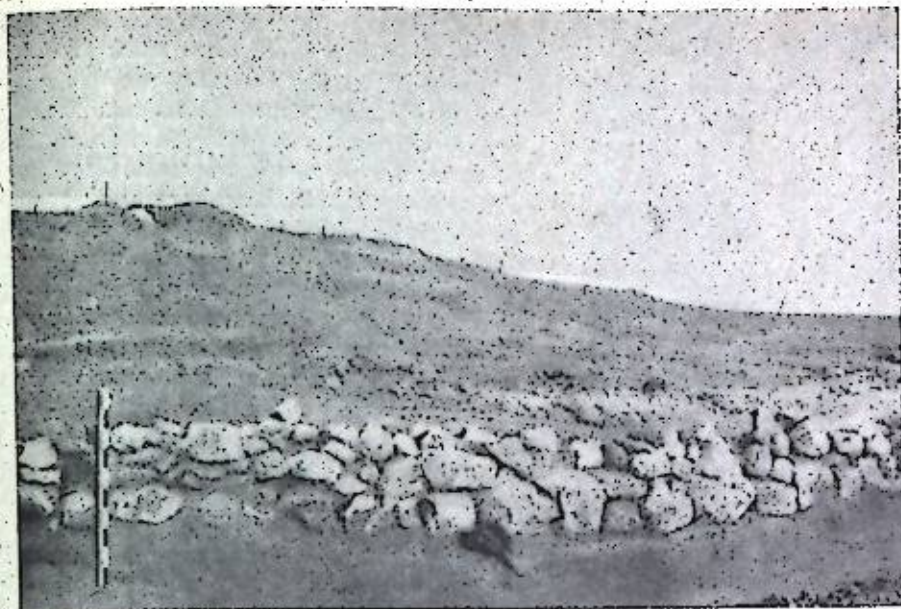
Погребение 16 (1,30 × 0,70 × 0,26 м), также безынвентарное, отличалось от других юго-восточной ориентировкой. Здесь был похоронен мужчина около 30 лет, на правом боку.

Грунтовая яма 15, необычной прямоугольной формы, самая большая по площади (1,8 × 1,28 м) и очень неглубокая (0,20 м), оказалась не погребением человека, а специальным захоронением лошадиной лопатки. Вся яма была засыпана морской ракушкой. Подобные случаи жертвенных погребений отдельных костей животных известны в эпоху ранней бронзы, в частности в Крыму⁸.

В центре насыпи раскопаны три впускных погребения.

В погребении 1 на глубине 1,40 м от вершины кургана покоился пожилой мужчина, на спине, с поджатыми ногами, с отклонением на левый бок. Ориентировка северо-восточная. В изголовье стоял лепной чернолащенный горшок (рис. 28, 9), а рядом с ним лежали кости ног барана. На лобной кости черепа отпечатался след круглой бронзовой бляшки диаметром 3 см.

⁷ И. И. Мещанинов. Кромлехи. ИГАИМК, VI, вып. 3, 1930; А. А. Щепинский. Культ животных в погребениях эпохи бронзы в Крыму. КСИА АН УССР, вып. 9, 1959, стр. 69; он же. Солярные изображения эпохи бронзы из Крыма. СА, 1961, № 2, стр. 231; он же. Во тьме веков. Симферополь, 1966, стр. 118.
⁸ А. А. Щепинский. Культ животных в погребениях эпохи бронзы в Крыму, стр. 67—72.

в кургане у с. Поповка

В погребении 2 на глубине 1 м, под насыпью из морской ракушки и каменной выкладкой площадью 4,40 × 3,40 м, перекрывавшей своим краем и погребение 1, были похоронены молодой мужчина около 20 лет и подросток 10—12 лет, оба — на спине, с подогнутыми на правый бок ногами, ориентированы на северо-восток. Верхняя часть детского скелета разрушена. Выше левого плеча мужчины лежал бронзовый копьевидный нож (рис. 28, 4), а у тазовых костей ребенка — песчаниковый курант (пестик) конической формы (рис. 28, 7).

Очень плохо сохранился скелет в погребении 10, впущенном в центр кургана очень глубоко: на 2,73 м от вершины до погребенной почвы. Остатки костей лежали на большой известняковой плите, размером 0,90 × 0,40 м. Ориентировка юго-западная. У изголовья, рядом с плитой, было круглое пятно золы и угля диаметром 0,20 м. Около него найдены обломки трех лепных горшков: стенка со следами плохого черного лощения и два венчика. Один из венчиков — гладкий, с желтоватой поверхностью, слабо отогнутый; на другом, с сероватой поверхностью, нанесен орнамент из насечек по краю и параллельных резных линий на плечиках (рис. 28, 5). Последний сосуд позволяет относить погребение к катакомбной культуре и считать его более поздним, чем остальные.

Почти полностью истлели кости во впускном погребении 13 — в северо-западном секторе кургана на глубине 1,50 м от поверхности. Здесь найден просверленный собачий клык-амулет (рис. 28, 3).

Ничтожные следы остались и от погребения 6. Вещей там не обнаружено.

Сильно истлевший, но сохранивший свой контур костяк, также без сопровождающего инвентаря, оказался в погребении 7, впущенном в западную полу кургана на глубину 1,30 м от поверхности и попавшем за пределы кромлеха. Этот скелет отличается своей северной ориентировкой и позой. Он лежал, как и большинство других, на правом боку, но голени его были не поджаты к бедренным костям, а направлены под прямым углом к ним. Руки же, как и у покойника в погребении 11, обращены кистями ко лбу.

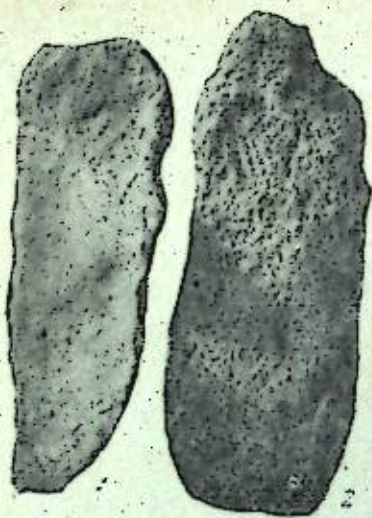

Рис. 26. Антропоморфные стелы

Отличается от всех других погребение 8 в каменном ящике. Оно было впущено рядом с погребением 7 и попало как раз на кромлех. Ящик составлен из довольно хорошо обработанных известняковых плит. Короткие его стенки образованы каждая одной плитой, а длинные стенки и перекрытие — двумя. Размеры ящика небольшие, так как он служил детской могилой: $1 \times 0,45$ м по внутреннему обводу. Толщина плит 0,15 м, высота 0,40 м. Захоронение было парным. Два детских костяка, почти совершенно истлевшие, лежали головами на север, судя по остаткам костей, на спине, с поджатыми ногами. Вещей при них не оказалось. В засыпи ящика встречены незначительные крупинки охры, но костяки не окрашены.

Раскопанный нами комплекс нельзя отнести к какой-либо одной из трех культур эпохи энеолита и ранней бронзы, выделяемых сейчас в Крыму⁹. Наиболее поздним представляется погребение 10, имевшее юго-западную ориентировку и содержавшее керамику с резным орнаментом катакомбного типа. Большинство же впускных погребений, судя по их обряду и инвентарю, относится к тому же времени, что и основные, но и здесь можно выделить признаки, которые принято считать свойственными разным культурам. Преобладают черты, характерные для ямной культуры: стелы ямного типа, кромлех, покрытие могил каменными плитами, форма могил, северо-восточная ориентировка, парные захоронения, положение некоторых костяков на спине с поджатыми ногами, интенсивная окрашенность, бронзовые копьевидные ножи и четырехгранное шило, собачий клык-амулет. Из перечисленных признаков те же кромлехи, северо-восточная ориентировка и окрашенность костяков, положение их на спине; те же орудия свойственны и кемпи-обинской культуре, а из не присущих ямной культуре свойств к ней можно отнести каменные выкладки над могилами, каменный ящик, засыпь могилы морскими раковинами, положение костяков на боку, керамику с лощением. В свою очередь такие черты обряда, как сожжение черепов и ног покойных на месте, характер напутственной пищи, окрашенность не всех костяков, находят аналогию в катакомбной культуре, для которой типичны и те же бронзовые орудия, каменные терки и клыки-амулеты. Существует мнение, что в Крыму в эпоху катакомбной культуры продолжал существовать обычай погребения в грунтовых ямах¹⁰. А. А. Щепинский, выделивший в ранней бронзе Крыма кемпи-обинскую культуру (III—начало II тысячелетия до н. э.), с характерными для нее каменными и деревянными ящиками, по некоторым признакам относит к этой культуре и ряд погребений в простых грунтовых могилах¹¹. Так или иначе, можно с достаточным основанием датировать наш курган началом II тысячелетия до н. э., а сочетание перечисленных черт обряда и инвентаря в одном кургане должно представить интерес для специалистов при дальнейшем изучении эпохи бронзы в Крыму.

⁹ А. А. Щепинский. Культуры энеолита и бронзы в Крыму. СА. 1966, № 2; он же. Во тьме веков, стр. 77—83.

¹⁰ П. Н. Шульц, А. Д. Столяр. Курганы эпохи бронзы в долине Салгира. КСИИМК, вып. 71, 1958, стр. 63; Х. И. Крис, Е. В. Веймарн. Курган эпохи бронзы близ Бахчисарая. КСИИМК, вып. 71, 1958, стр. 66.

¹¹ А. А. Щепинский. Культуры энеолита и бронзы в Крыму, стр. 17.

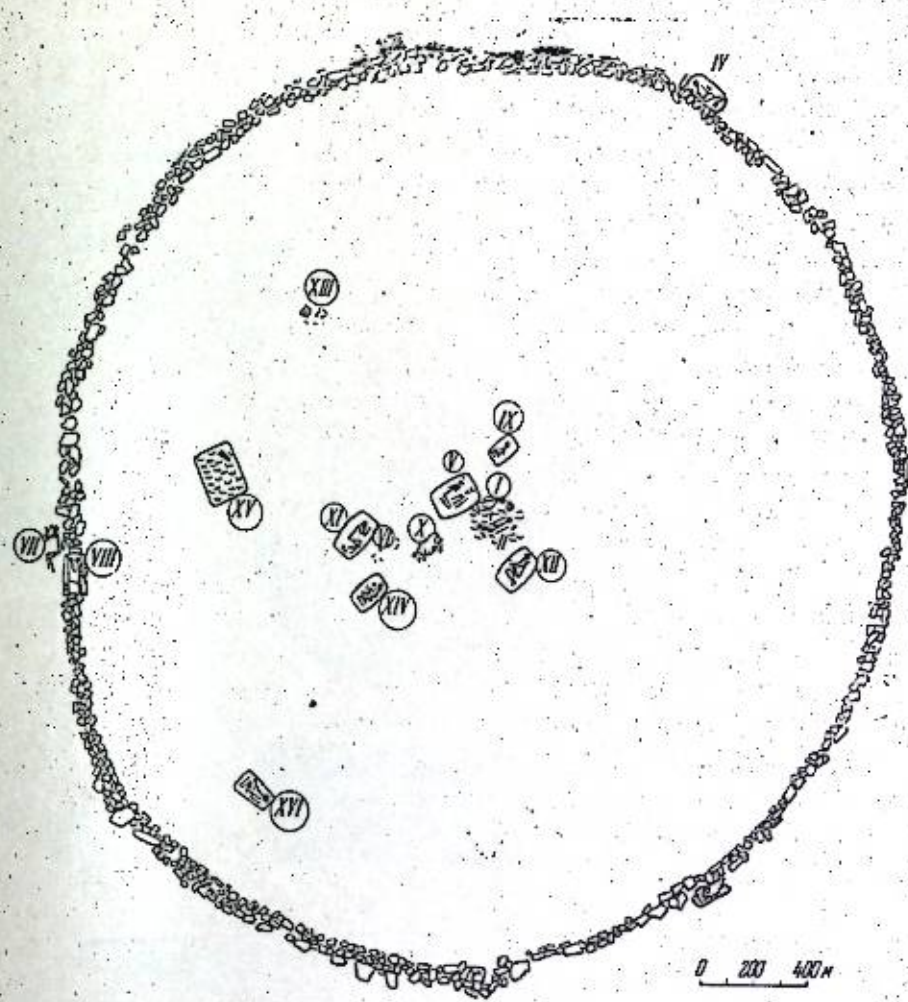

Рис. 27. Курган у с. Поповка. План кромлеха и погребений. Римскими цифрами обозначены погребения (основные — в кружке)

В заключение упомянем о погребении 3, относящемся к совершенно другой эпохе. Оно обнаружено в насыпи, чуть западнее центра кургана, на глубине всего 0,50 м от поверхности. Покойника здесь не оказалось. Захоронены были голова и части ног лошади, железные удила, нож и четыре стрелы с ромбическими черешковыми наконечниками. Сюда же был положен и лук: сохранились кусочки его костяной накладки. По стрелам этот комплекс можно датировать временем от второй половины IX до первой половины XI в. до н. э.¹² Таким образом, курган использовался и поздними кочевниками.

Средневековый кенотаф в исследуемом районе не представляет собой исключения. Поблизости, у оз. Донузлав, в 1961 г. мы произвели зачистку на месте срытого бульдозером кургана¹³ и обнаружили в материке три круглые (диаметром 1,30—1,50 м) неглубокие (0,50—0,70 м) ямы, содержавшие кости животных: коровы, лошади, мелкого рогатого скота.

¹² Ср.: С. С. Сорокин. Железные изделия Саркела—Белой Вежи. МИА. № 75, 1959, стр. 186, рис. 29.

¹³ Разрушенный курган был любезно указан нам капитаном И. Э. Ширшовым.

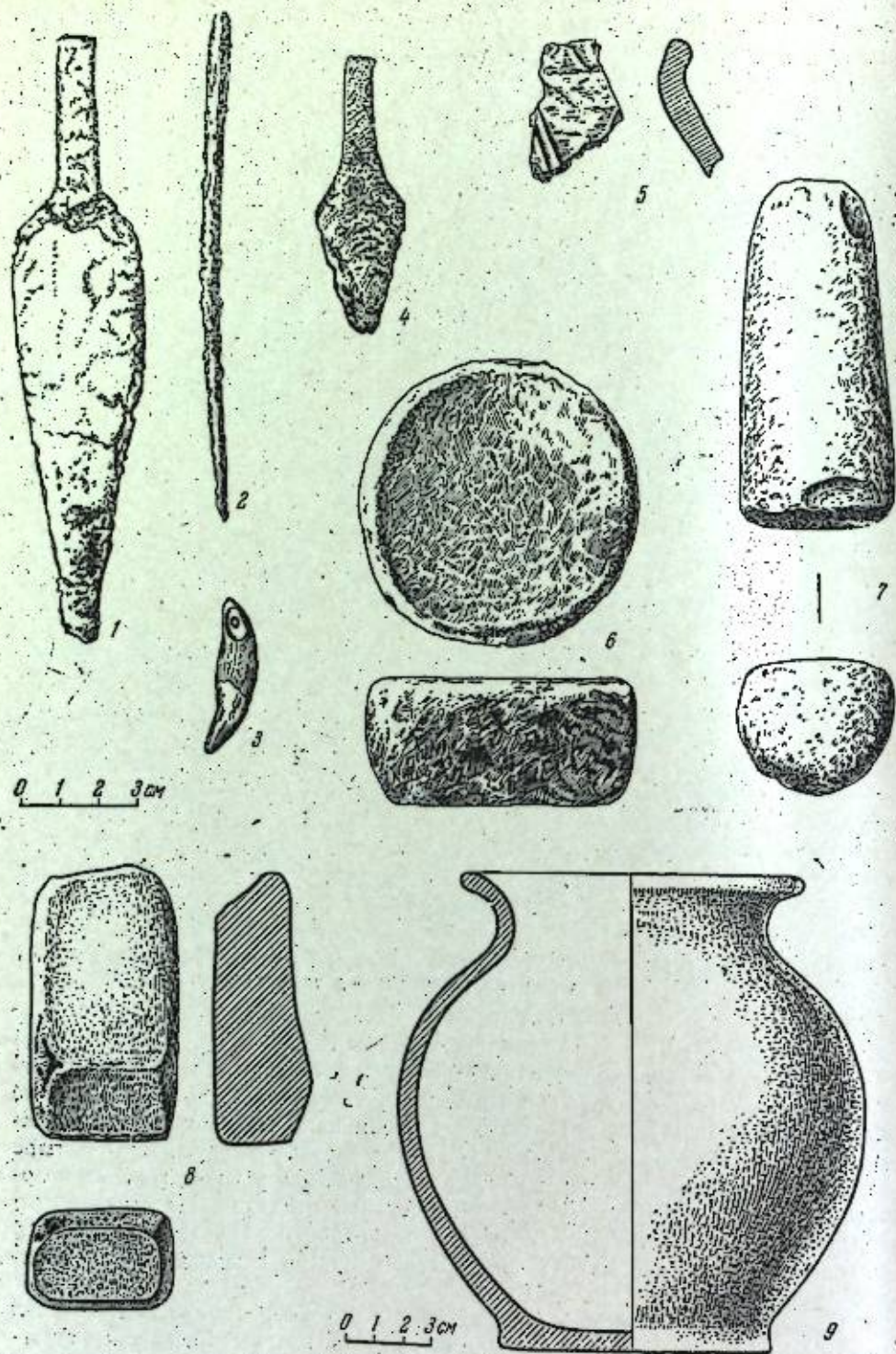

Рис. 28. Находки из погребений эпохи ранней бронзы

1, 2, 8 — бронзовый нож, шило и каменный пестик из погребения 5; 3 — клык собаки — амулет из погребения 13; 4, 7 — бронзовый нож и каменный пестик из погребения 2; 5 — обломок горшка из погребения 10; 6 — каменная терка из погребения 9; 9 — лощеный горшок из погребения 1

Одна из этих ям была прикрыта половинной круглого жернова, и такой же жернов подобран нами в отвезенной бульдозером земле.

Подобную картину наблюдал и П. Н. Шульц, раскопав курган у с. Родники (быв. Чокрак) Черноморского р-на, где вырытая в материке могильная яма, перекрытая каменными бабами половецкого типа, содержала черепа коня, четырех баранов и быка¹⁴. Напомним, кстати, что он же обнаружил в кладке одного из каменных заборов с. Поповка часть позднекочевнического изваяния воина, близкого к найденному в соседнем с. Фрунзевка (быв. Вознесенка) и изданному Н. И. Веселовским¹⁵.

Наши данные согласуются с выводом П. Н. Шульца о том, что в эпоху средневековья в Северо-Западном Крыму кочевали тюркские племена¹⁶, а также показывают распространенность у них обряда кенотафов с захоронением частей животных.

¹⁴ П. Н. Шульц. О работах Евпаторийской экспедиции. СА, III, 1937, стр. 225; он же. Евпаторийский район. Сб. «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.», М.—Л., 1941, стр. 276.

¹⁵ Н. И. Веселовский. Современное состояние вопроса о «каменных бабах» или «балбадах». ЗООИД, т. XXXII, 1915, стр. 437, табл. IX, I.

¹⁶ П. Н. Шульц. Евпаторийский район, стр. 276.

О. С. ГАДЗЯЦКАЯ

ФАТЬЯНОВСКИЕ МОГИЛЬНИКИ
В КОСТРОМСКОЙ И ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТЯХ

Приволжский отряд Верхневолжской археологической экспедиции проводил раскопки фатьяновских памятников: Горницкого могильника Нерехтского р-на Костромской обл. и Мытищинского могильника Комсомольского р-на Ивановской обл. В Ивановском р-не велись работы на новом фатьяновском могильнике в дер. Дьяково. В результате работ получены интересные данные, характеризующие погребальный обряд фатьяновских племен одного из районов Верхней Волги.

Особый интерес представляют раскопки Горницкого могильника, расположенного на юго-западе Костромской обл. в Нерехтском р-не, так как до сих пор культурные особенности фатьяновских племен костромского Поволжья почти не изучены из-за отсутствия пригодных для раскопок памятников.

Могильник был открыт случайно во время работ на карьере на Горницком холме, находящемся в 1,5 км к востоку от дер. Котельницы, северо-западнее ж.-д. станции Неверово.

Горницкий холм высотой в 8—15 м — моренного происхождения и сложен из глины, гравия и песка. С западной стороны он круто спускается к лесистой болотистой низине, северный и восточный его склоны пологие, поросли лесом и частично распаханы. В южной части холма расположен карьер диаметром около 50 м. Раскопки общей площадью 1290 кв. м велись на свободной от леса вершине холма. Для снятия балласта использовался бульдозер; глубина раскопа доходила до 1,5—2 м. Вскрыто одно фатьяновское погребение 2 и обнаружены следы позднего славянского селища XI—XIII вв. н. э. Фатьяновское погребение 1 находилось в южной части карьера и было разрушено во время выемки песка. Из погребального инвентаря сохранился сверленный топор-молоток обушкового типа длиной 14 см, с уплощенной лобной стороной, сделанной из черного мелкокристаллического камня (рис. 29, 1)¹. Погребение 2 открыто на вершине холма, в 40 м к северу от погребения 1.

Могильная яма замечена была в песке на глубине 25 см. Заполнение ее состояло из серовато-коричневого песка с небольшими камнями, в котором на глубине 80 см были найдены три мелких обломка стенки сосуда без орнамента.

На глубине 120 см длина ямы равнялась 280 см по линии северо-восток — юго-запад, ширина 180 см. Прямоугольное погребальное сооружение 185 × 125 см, ориентированное северо-восток — юго-запад, прослежено с глубины 155 см.

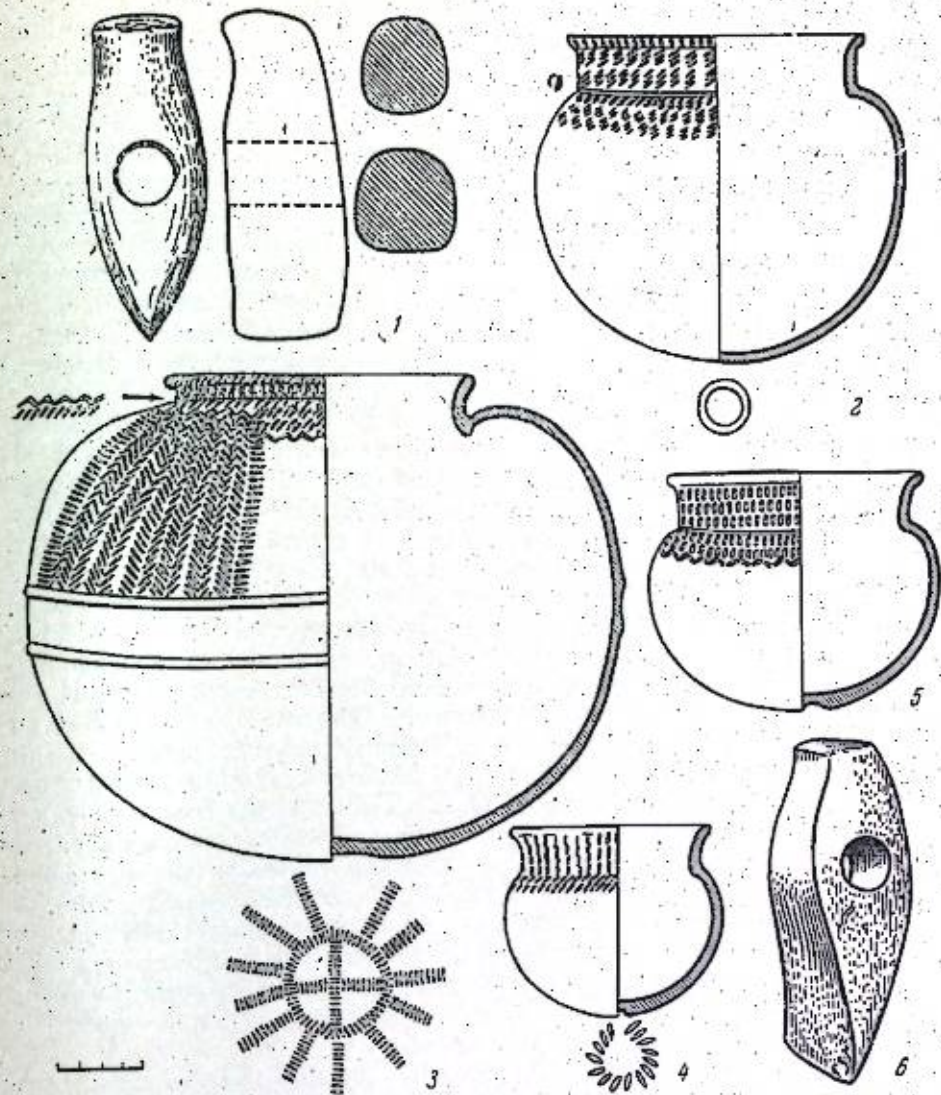

Рис. 29. Предметы из Горницкого (1—4) и Дьяковского фатьяновских могильников (5, 6)
1 — погребение 1; 2—4 — погребение 2 Горницкого могильника; 5, 6 — погребения 1 Дьяковского могильника

В погребальном сооружении, расчищенном изнутри с сохранением стенок, на глубине 205 см открылось нарушенное погребение (рис. 30, 1). Кости человека лежали в беспорядке скоплениями в юго-западной и северо-восточной частях могилы. В центре могилы на 26 см выше дна найдена была теменная кость черепа, в юго-западном скоплении костей — обломок челюсти под тазовой костью. Погребенный лежал на правом боку в скорченном состоянии, головой был ориентирован на юго-запад. Погребение было, видимо, ограблено. Сохранились только три сосуда, стоявшие в ногах погребенного, в северо-восточной части могилы. Сосуды коричневатого цвета, небрежно орнаментированные, имеют слабо залощенную поверхность. Два сосуда относятся к широко распространенному типу круглодонных сосудов с выделенной шейкой. Один сосуд высотой 8,2 см сделан грубовато, в глине заметна примесь дресвы. На дне его вдавлена ямка, окруженная косыми широкими отпечатками. Двухзональный орнамент состоит из узких гладких отпечатков, образующих вертикальные полосы на шейке сосуда, так же украшены сосуды фатьяновского могильника (рис.

¹ Топор был найден в песке, вывезенном из карьера, при строительстве дороги.

29, 4). Другой сосуд высотой 14,3 см имеет шаровидное тулово и почти прямую шейку. Сосуд украшен короткими отпечатками зубчатого штампа, образующего ряд ромбов на шейке и плечиках. У основания шейки проведена бороздка. На дне сосуда вдавлено двойное тонкое кольцо (рис. 29, 2). Вместе с обломками этого сосуда найден фрагмент шейки сосуда без орнамента, с просверленным отверстием. К другому типу фатьяновской керамики относится сосуд, шаровидное тулово которого в средней части опоясывают два валика. На дне сосуда вдавлена неглубокая ямка, заключенная в оригинальную орнаментальную композицию (рис. 29, 3). Верхнюю часть сосуда покрывает сложный узор, выполненный зубчатым штампом, включающий пять лопастей разной ширины из вертикальных елочек. В некоторых из них елочный узор нарушен. Невысокая шейка сосуда украшена, что не характерно для сосудов данной формы.

Интересно погребальное сооружение (рис. 30, 1) Горицкого могильника, некоторые детали устройства которого прослежены впервые. Стенки сооружения в виде тонкого черного или серого тлена сохранились на высоту 50 см и были сильно деформированы (рис. 30, 2). Дно сооружения из такого же тлена плавно соединялось со стенками и с южной и северной стороны продолжалось за их пределами на 16 и 5 см. По углам сооружения с внешней стороны прослежены «крылья» в виде вертикальных и несколько изогнутых плоскостей длиной от 16 до 25 см, шириной 0,5 см, высотой 50 см. Впервые удалось проследить следы вертикального деревянного каркаса, на котором держались стенки погребального сооружения. Круглые пятна от небольших столбиков, расположенных на расстоянии 7—8 см вдоль тонкой линии тлена стенки, с ее внешней стороны были заметны главным образом у дна сооружения (рис. 30, 3а). Скопления круглых пятен наблюдались и в его углах (рис. 30, 3б). Погребальное сооружение, видимо, походило на короб, стенки которого могли быть сделаны из бересты или луба, крепившихся на деревянном каркасе, или имели вид плетеньки. Последнее кажется менее вероятным, так как пятна от вертикальных прутьев в разрезе сливались бы с тленом стенки, а не располагались рядом, как это было прослежено в погребении. В целом погребальное сооружение Горицкого могильника очень близко внутримогильным сооружениям фатьяновских могильников — ярославской и ивановской групп, а также и Балановского могильника.

Горицкая керамика аналогична керамике соседних фатьяновских могильников ярославской группы².

В погребениях Мытищинского, Вауловского, Фатьяновского, Волосово-Даниловского могильников, так же как и в Горицком, найдены большие шаровидные сосуды с лопастным орнаментом и валиками, без ручек. Сходство с керамикой этой группы наблюдается не только в форме, но и в орнаментации верхней части тулова и дна сосудов. В большинстве случаев композиция на доньях сосудов ярославской группы состоит из одного или двух колец насечек вокруг ямки, как на горицком сосуде (рис. 29, 4). Гораздо реже встречаются солярные изображения, состоящие из кольца с расходящимися лучами³. На одном сосуде Горицкого могильника (рис. 29, 3) в кольцо с лучами вписан крест. Подобная композиция известна только на сосуде из Фатьяновского могильника⁴. Изображения креста в кольце, но без лучей имеются еще на нескольких сосудах⁵. Солярное

² Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа. САИ, вып. В1—20. М., 1964.

³ Мытищинский могильник, погребение 2, Вауловский — погребение 9а, два сосуда: Фатьяновский — один сосуд; лучи образованы группами расходящихся линий.

⁴ Д. А. Крайнов. Указ. соч., табл. X, 10.

⁵ Фатьяновский могильник — один сосуд, Вауловский — погребение 4, Никульский — погребение 17, Тимофеевский — погребение 5, Карашский — погребение 1.

изображение с крестом такого типа встречается исключительно на сосудах ярославской группы. Все материалы Горицкого могильника свидетельствуют о том, что южная часть Костромской обл. была заселена фатьяновскими племенами так называемой ярославской группы. Находки нескольких сверленных каменных топоров на берегах древнего космынинского болота, расположенного недалеко от могильника, указывают на то, что Горицкий могильник не был единственным фатьяновским памятником в этом районе.

Новый Фатьяновский могильник открыт в дер. Дьяково, в нескольких километрах к северо-востоку от г. Иванова. Он занимает вершину вытянутого холмистого водораздела, северный склон которого круто обрывается к долине р. Уводь, южный — полого переходит в неширокую пойму р. Чернявки. В южной части холма житель деревни В. Л. Антонов нашел на глубине 70 см при копке ямы под фундамент каменный сверленный топор. Раскопы общей площадью в 250 кв. м были заложены к северу и западу от дома Антонова. Обнаружена была одна могильная яма, частично разрушенная северо-восточным углом дома. Сероватое могильное пятно, ориентированное СВ-ЮЗ, слабо выделялось в желтом песке. В заполненной могиле встречались мелкие угольки, как и во многих фатьяновских погребениях. На глубине 80 см размеры ямы равнялись 150 × 95 см. Кости человека в могиле не были обнаружены. К северо-востоку от сосуда прослежены темные прослойки, напоминающие тлен от пола погребального сооружения. Серые углистые прослойки толщиной в 5 мм заметны были у северо-восточной границы могильного пятна. В юго-восточной части могилы был ранее найден сверленный топор обушкового типа из темно-серого камня длиной 14,7 см (рис. 29, 6). В этой же части могилы был небольшой сосуд желтого цвета с темными пятнами высотой 10,5 см (рис. 29, 5), украшенный по шейке и плечикам рядами вертикальных гладких оттисков, снизу завершенных одинарным зигзагом. У основания шейки сосуда проведена бороздка. Подобные сосуды найдены в погребениях Ярославских фатьяновских могильников — Вауловского и Фатьяновского. Других вещей в погребении найдено не было. Могильник у дер. Дьяково не может считаться исследованным. Видимо, он был небольших размеров и расположен под усадьбами, так как на вскрытой площади новые могилы не были выявлены.

* * *

В Ивановской обл. были проведены работы на Мытищинском могильнике, который в 1928—1929 гг. раскапывался Н. П. Милоновым и О. Н. Бадером. В восточной части Матвеевой горы на площади карьера были обнаружены два погребения, сопровождавшиеся глиняными круглодонными сосудами, кремневыми и костяными орудиями, а также медными поделками, среди которых находился уникальный манжетовидный медный браслет. Последний привлекался специалистами при датировке как собственно Мытищинского могильника, так и фатьяновской культуры в целом⁶. На основании унетических аналогий устанавливалась дата — вторая четверть II тысячелетия до н. э. Таким образом, уже первые работы на Матвеевой горе поставили Мытищинский могильник в ряд особо значительных памятников фатьяновской культуры и позволили О. Н. Бадеру ставить вопрос о широких культурных связях в эпоху бронзы.

К сожалению, раскопки в Мытищах после 1929 г. не возобновлялись; продолжалось многолетнее разрушение этого интереснейшего могильника. К 1966 г. карьер, некогда расположенный в восточной части Матвеевой горы, уничтожил ее более чем на две трети. Интенсивная механизиро-

⁶ О. Н. Бадер. Мытищинский могильник фатьяновского типа. КСИМК, вып. 75, 1959, стр. 151, 152.

ванная разработка карьеров продолжается по сей день, что заставило нас провести работы на уцелевшей части горы. Гора имела на вершине два всхолмления, разделенных небольшой седловиной. Находки 1928 г. были сделаны на восточном бугре; наши работы проводились на западном бугре, где сохранилась небольшая пологая площадка, пригодная для раскопок. К северу от нее склон холма, высота которого около 12 м, круто уходит вниз к заболоченной низине, с южной и восточной сторон находятся глубокие карьеры, с запада тянется пологий склон, частично занятый скотским кладбищем и небольшим карьером. Нами вскрыто 830 кв. м при глубине раскопа 1,5—2 м, частично раскопаны южный и западный склоны вплоть до скотского кладбища. Холм в этой части состоит из песка, гравия, глины и крупных валунов. На верхней площадке у вышки, недалеко от края карьера, нами обнаружено было погребение 3. Расплывчатое могильное пятно замечено в песке на глубине 50 см, под слоем глины и гравия. Четкими контуры могилы, заполненной коричневым песком с мелким гравием, стали на глубине 1,20 м от поверхности. Пятно 250×220 см подпрямоугольной формы, ориентировано с запада на восток с небольшим отклонением к юго-западу. Так же как и в первой могиле, внутренняя прямоугольная часть пятна размерами 180×170 см выделялась более темным цветом заполнения. В пределах его на глубине 1,40 м появились контуры погребального сооружения в виде тонких серых прерывающихся полосок, образующих прямоугольник размерами 178×120 см.

По типу это погребальное сооружение сходно с хорошо изученными в настоящее время внутримогильными сооружениями многих фатьяновских могильников — Тимофеевского, Никульщинского, Воронковского, Волосово-Даниловского и др. Оно было также сделано из гибких материалов, так как подверглось деформации. Стенки сооружения плавно соединялись с дном, нависая над ним. С внешней стороны от углов сооружения отходили длинные вертикальные крылья. Погребальное сооружение сохранилось на высоту только 30 см, тогда как в погребении 1 — на 60 см. Верхняя часть сооружения 3 могла пострадать при ограблении могилы, следы которого очевидны. Ограбление погребений, совершенное, видимо, еще в древности, было отмечено и при раскопках других фатьяновских могильников, например Волосово-Даниловского⁷. В Мытищинском погребении явно нарушен порядок расположения вещей и костей в могиле. Некоторые вещи и кости скелета найдены не на дне погребального сооружения, а выше — на стенках. В северо-западном углу, на 30 см выше дна, лежали обломки венчика и стенки низкошейного сосуда 1, ниже — медное шило. От сосуда 2, который лежал выше дна, на 25 см у северо-восточного угла, сохранилось шесть обломков. Череп без нижней челюсти находился на 10 см выше дна, у юго-восточного угла сооружения, теменем на юго-восток, в то время как кости верхней части скелета найдены были на разном уровне в северо-западном углу. Фаланги рук были выброшены и лежали на 15 и 30 см выше дна, у южной стенки. В анатомическом порядке сохранились только кости ног в юго-западной части могилы на глубине 1,70 м. Тазовые кости и стопы не найдены. Погребенная женщина⁸ была захоронена на левом боку, головой на восток — юго-восток. Ее сопровождал каменный сверленный топор, который был отброшен и лежал на восточной стенке сооружения, на 20 см выше его дна. Погребения женщин с каменным топором очень редки, однако известны в Вауловском могильнике.

В ногах погребенного были поставлены сосуды, раздавленные землей, — один сосуд у западной стенки лежал вверх дном, другой сосуд найден в

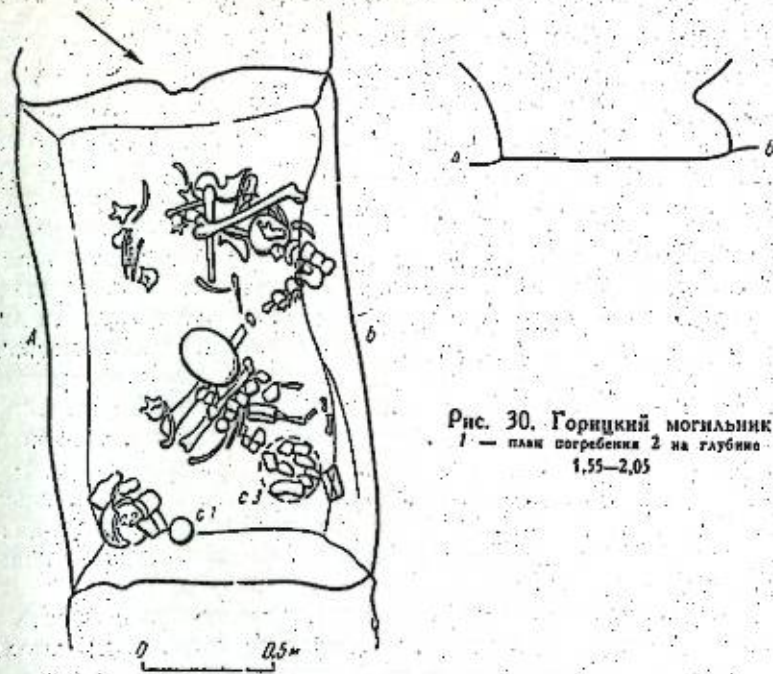

Рис. 30. Горницкий могильник
1 — план погребения 3 на глубине
1,55—2,05

тлене юго-восточного угла погребального сооружения. В центре погребения в 27 см к западу от черепа лежала медная подвеска с широкими концами, ближе к северо-западной стенке — четыре медные обоймочки, зуб животного и медведя, окрашенный окисью меди. Окись меди от подвесок и перстня оказалась и на костях человека — на обеих ушных костях черепа и на фаланге пальца. Точно такая же картина наблюдалась и в первом погребении Мытищинского могильника. Таким образом, при погребении 3 находились топор-молоток, четыре сосуда, медные шило, подвеска, обоймочки, зубы животных.

Так же как и в первых погребениях, сосуды третьего погребения представлены двумя типами. Три сосуда первого типа обычны по форме, имеют округлое тулово и слабо расширенное горло (рис. 31, 5, 8, 9). Орнамент сходен на всех трех сосудах и состоит из косых параллельных гладких оттисков, образующих вертикальные полосы на шейке и плечиках. На двух сосудах орнаментальный мотив полностью совпадает — вертикальные ряды оттисков сочетаются с косой решеткой, имеются небольшие фестоны из двух рядов оттисков на плечиках. У всех сосудов в основании шейки проведена бороздка. Один сосуд (рис. 31, 5) небольшой, диаметр горла 9,3 см, другой сосуд (рис. 31, 8) высотой 17,5 см имеет на дне небольшой выступающий налест с ямкой. Сосуд (рис. 31, 9) высотой 19 см украшен оттисками, образующими вертикальные и горизонтальные ряды. На дне его вдавлена четкая ямка.

Сосуды сделаны несколько небрежно. Поверхность их коричневатого цвета, слабо залощена, орнамент в некоторых местах стерт. Цвет и выделка сосудов, близость узоров на них свидетельствуют о том, что они были сделаны одновременно и, видимо, одним мастером. Сосуды этого типа из могилы 3 близки сосудам первых погребений, основным орнаментальным мотивом которых являются ромбы из частных оттисков гладкого или зубчатого штампа. На сосудах погребения 3 мы видим дальнейшее развитие той же схемы ромба, который за счет увеличения числа оттисков превращается в длинную полосу⁹. Ромбический орнамент, так же как и фестоны, характерен для сосудов ярославской группы фатьяновских памятников.

⁹ Ромбы-полосы встречены на сосудах Фатьяновского и Тимофеевского могильников (Д. А. Крайнов. Указ. соч.).

⁷ Д. А. Крайнов. Волосово-Даниловский могильник фатьяновской культуры. СА, 1964, № 4.

⁸ По определению Р. Я. Денисовой.

Низкошейный шаровидный сосуд (рис. 31, 7) погребения 3 высотой 17 см относится к другому типу фатьяновской керамики. Сосуд желтого цвета, имеет залощенную поверхность и два валика на тулове. Он орнаментирован нарезками, образующими косые решетки, горизонтально расположенные на плечиках и разделенные тремя парными рядами косой решетки. Сосуд с лопастным узором и валиками был найден и во втором погребении¹⁰. Однако сосуд из третьего погребения выделяется оригинальностью орнамента. Впервые в фатьяновских могильниках на сосудах этого типа встречены оттиски шнура. Шнуровой орнамент, особенно из двойных оттисков, известен на высокогорных сосудах фатьяновских могильников московской группы — Давыдовском, Кузьминском, Ивановогорском, при этом и там часто наблюдается сочетание шнура и косой решетки¹¹. Эта деталь орнамента связывает Мытищинский могильник с западными памятниками фатьяновской культуры¹².

Сверленный топор из погребения 3 распространенного обушкового типа длиной 13,8 см сделан из зеленоватого коррозированного камня. Лезвие топора затуплено. На лобной и тыльной его сторонах выступает невысокое ребро (рис. 31, 6).

Медные вещи (шило, пронизки и кольцо), а также окрашенность костей скелета окисью меди свидетельствуют о богатстве погребения металлическими поделками. Такая же картина наблюдалась и в первых погребениях могильника. Вероятно, именно металл искали в фатьяновских могилах древние грабители, проникавшие в погребальные камеры еще в то время, когда можно было точно определить место захоронения. Медное шило и пронизки погребения 3 встречаются во многих памятниках. Шило длиной 4,3 см имеет округлое сечение, на котором заметны семь нечетких узких граней от проковки. Нечеткость формы стержня в сечении характерна для многих фатьяновских шильев. Такое же шило найдено было в Мытищах и ранее.

Короткие пронизки, сделанные из тонкого листка меди длиной 1,4 см, диаметром 0,4 × 0,8 см, аналогичны трубчатым медным пронизкам из могильников Балановского, Никульцынского, Козловского и др.¹³ и отличаются укороченными пропорциями. Примечательна медная подвеска в полтора оборота диаметром 2,7 см (рис. 31, 2). Концы ее раскованы в пластины шириной в 1,7 и 0,7 см, на которых выделяются четкие выбитые желобки 4 и 2. Подобная подвеска из ребристой пластинки найдена впервые в фатьяновском погребении. Сходные кованые подвески с широкими концами, но без желобков, с ребром в центре пластины, были найдены в погребениях фатьяновского Никульцынского могильника.

Ближайшая аналогия Мытищинской и Никульцынской подвескам имеется в Башкирии. В г. Бирске в 1965 г. в разрушенных погребениях были обнаружены подвески с широкими ребристыми концами в комплексе вещей унетичского типа, по заключению К. В. Сальникова¹⁴. Погребения из г. Бирска, видимо, следует относить к фатьяновской культуре. Обнаруженные при них медные вещи встречаются в фатьяновских могильниках: манжетовидный браслет — в Мытищинском погребении 1, очковидные подвески — в Никульцынском погребении 12 и в Юрьевском могильнике Костромской

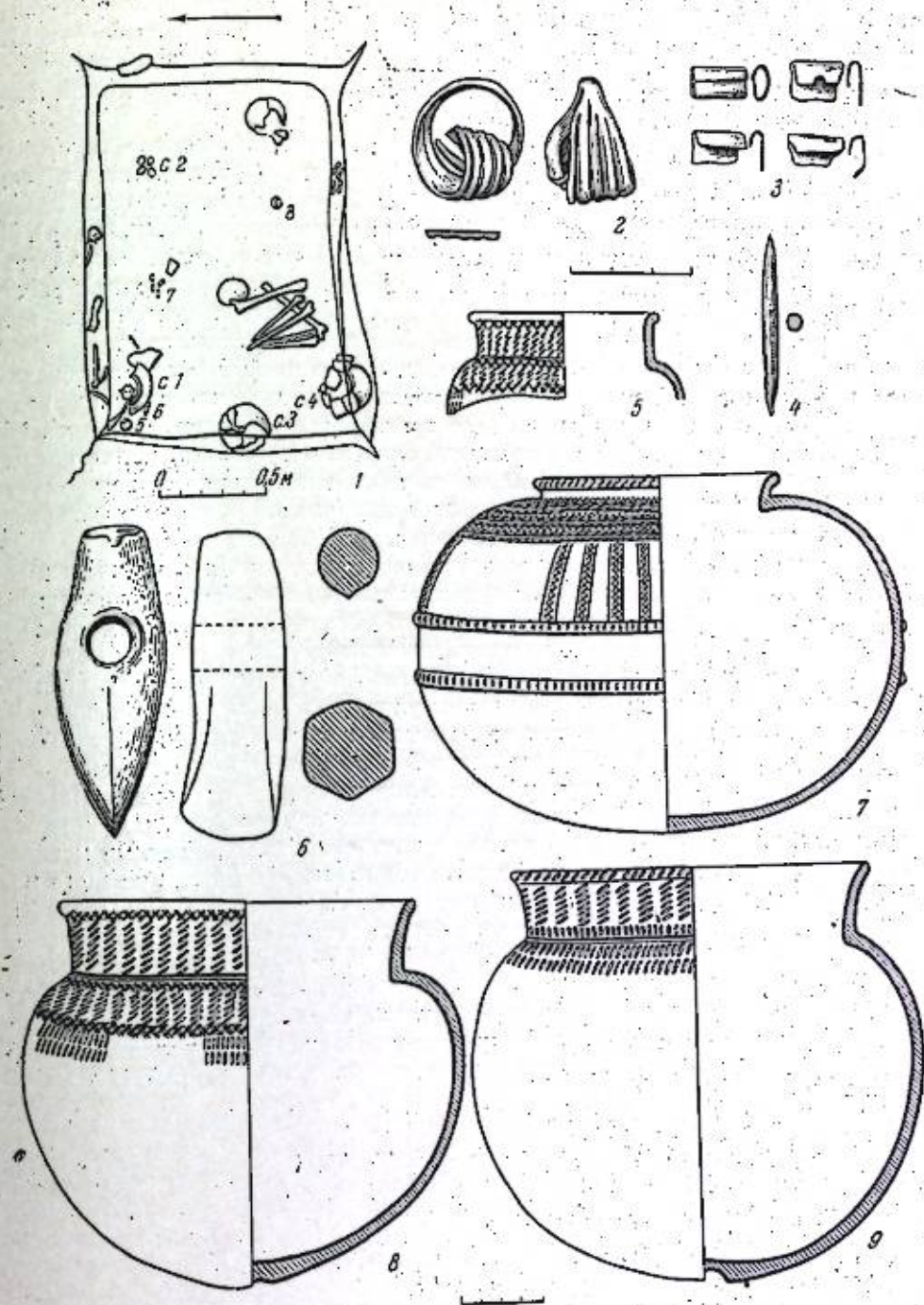

Рис. 31. Мытищинский могильник, погребение 3

1 — план погребения 3 на глубине 1,40—1,70 м; 2 — медная подвеска; 3 — медные пронизки; 4 — медное шило; 5 — сосуд 2; 6 — каменный топор; 7 — сосуд 1; 8 — сосуд 3; 9 — сосуд 4

¹⁰ О. Н. Бадер. Указ. соч., стр. 146, рис. 51, 5.

¹¹ Д. А. Крайнов. Памятники Фатьяновской культуры. САИ, вып. В1—19, 4, 1962.

¹² Единичные сосуды со шнуровым орнаментом найдены также в могильниках Ярославской группы (Голузинском, Никульцынском), т. е. в памятниках, территориально близких к Московской группе.

¹³ О. Н. Бадер. Балановский могильник. М., 1963, стр. 19; Д. А. Крайнов. Отчет о раскопках Никульцынского могильника за 1964 г. Архив ИА, № 2918; А. Х. Халиков. Балановские памятники в Татарии КСИА, вып. 97, 1964.

¹⁴ К. В. Сальников. Погребения с вещами унетичского типа в Башкирии. «Тезисы докладов на пасузме 1966 г.»

обл., подвески с пластинчатыми концами — в Голузинском погребении 2 и в Никульцынских погребениях 6 и 12, из ребристой пластины — в Мытищинском погребении 3. Последние неизвестны в соседних с фатьяновской культурах бронзового века Восточной Европы и отдаленно напоминают унетичские колечки.

В настоящее время не представляется возможным говорить на основании общего сходства манжетовидных браслетов с унетичскими, о том, что они были импортированы из Средней Европы, как полагали многие исследователи (А. Я. Брюсов, О. Н. Кривцова-Гракова, О. Н. Бадер). На принадлежность мытищинского браслета местной фатьяновской металлургии впервые указал Д. А. Крайнов. О. Н. Бадер в своей последней работе о фатьяновском металле также признал, что «мнение об унетичском происхождении фатьяновских браслетов является ошибочным»¹⁵.

Анализ металла, из которого сделан мытищинский браслет, показал, что он не отличается по составу от металла других фатьяновских изделий¹⁶, что подтверждает местное его производство. Видимо, фатьяновские мастера изготавливали шилья, пронизки, спиральные колечки, копья, подвески из ребристой пластины описанного выше типа и медные топоры, что подтверждается находкой глиняных форм для отливки топоров в фатьяновском Волосово-Даниловском могильнике¹⁷.

Мытищинский могильник, раскопки которого закончены, отличался, вероятно, большими размерами, так как вскрытые погребения расположены далеко друг от друга. Если допустим, что могильник не был сплошным и на двух вершинах Матвеевой горы располагались разные группы могил, то и тогда можно отнести их приблизительно к одному периоду. Мытищинский могильник по орнаментике сосудов и их форме, по особенностям погребального обряда, а также по наличию металла в погребениях близок могильникам классической фатьяновской культуры так называемой ярославской группы. Мытищинский могильник находится на западе Ивановской обл., в районе скопления фатьяновских памятников, для которых уже и ранее намечались тесные связи с западными фатьяновскими могильниками московской группы. Найденный в погребении 3 Мытищинского могильника сосуд со шнуровой орнаментацией еще раз свидетельствует о контактах этих двух групп. Большое количество металла в Мытищинском могильнике указывает на относительно поздний возраст данного памятника, который по времени сближается с такими могильниками, как Вауловский, Фатьяновский, Волосово-Даниловский, Никульцынский. Мытищинский браслет датируется, видимо, значительно более поздним временем, чем его унетичские прототипы, и не раньше, чем серединой II тысячелетия до н. э.

¹⁵ Д. А. Крайнов. Вауловский могильник. Тр. ГИМ, вып. XII, 1941, стр. 128; О. Н. Бадер. Фатьяновский металл и его средневропейские связи. «Sborník národního muzea v Praze», sv. XX, s. 1/2. Praha, 1966.

¹⁶ Е. Н. Черных. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966, стр. 73—77.

¹⁷ Д. А. Крайнов. Отчет за 1964 г. Архив ИА, № 2918.

Ю. Г. КОРОЛЕВ, Л. П. ХЛОБЫСТИН

ЙОРКУТИНСКАЯ СТОЯНКА НА ПОЛУОСТРОВЕ ЯМАЛ

Летом 1965 г. Ю. Г. Королевым, сотрудником геодезической партии, работавшей на п-ове Ямал, была открыта древняя стоянка. Коллекция, собранная на месте стоянки и доставленная в ЛОИА, представляет значительный интерес, так как происходит с территории, еще мало исследованной археологами.

Стоянка располагается на правом берегу р. Йоркута-яха, в 6 км от оз. Йоркутан-то, из которого эта река вытекает, и в 3 км выше впадения в нее р. Харха-яха. Местоположение стоянки типично для стоянок древних обитателей внутренней части Ямала: она находится на второй террасе, возвышающейся над уровнем реки на 12—17 м, на склоне холма, рядом с небольшим озерцом. Вокруг тянется холмистая моховая тундра с частыми зеркалами озер и редкими зарослями карликовой березки и ивы. На месте стоянки встречен развеянный участок почвы: на его песчаной поверхности на площади около 70 кв. м в большом количестве близко друг от друга лежат фрагменты глиняных сосудов. Собранные образцы керамики составляют лишь малую часть черепков, оставшихся лежать на выдуве. Среди них изредка попадаются орудия труда — сланцевые остроконечники. Обломок одного остроконечника имеется в коллекции. Это тонкое (до 3 мм по центру) листовидное ромбическое в поперечном сечении орудие выточено из шиферного сланца. Длина сохранившейся части 7 см; в целом виде орудие достигало длины 11—12 см. Оба края имеют дополнительную утоншающую шлифовку. Судя по форме и обработке, изделие могло употребляться как нож и как наконечник стрелы или копья (рис. 32, 4).

Керамика Йоркутинской стоянки отличается редкой для Заполярья сохранностью, что, по-видимому, объясняется как недавним разрушением культурного слоя, так и хорошей выделкой сосудов. Керамический комплекс очень однороден. Для изготовления сосудов использовалась глина, отощенная примесью шамота. Сосуды лепились из недлинных лент. Места крепления тщательно заделывались поверхностной обмазкой, и разрушение сосудов по линии соединения — явление случайное. Слоистость черепков в изломе позволяет сделать предположение о дополнительном наложении глины и ее уплотнении прихлопыванием. На внутренней поверхности некоторых черепков заметны следы заглаживания пучком твердой травы (осотки). Сосуды имели, по-видимому, округлое дно и прямые стенки. Их диаметр уменьшается к горловине. Таким образом, форма сосудов восстанавливается как митровидная. Диаметр венчика наименьшего из пяти измеренных сосудов — 10 см, остальных — 26—28 см. Венчик при лепке не выделялся. Край его прямой или скругленный. Толщина стенок в зависимости от размеров сосудов колеблется от 0,5 до 0,9 см, причем около дна их толщина увеличивается.

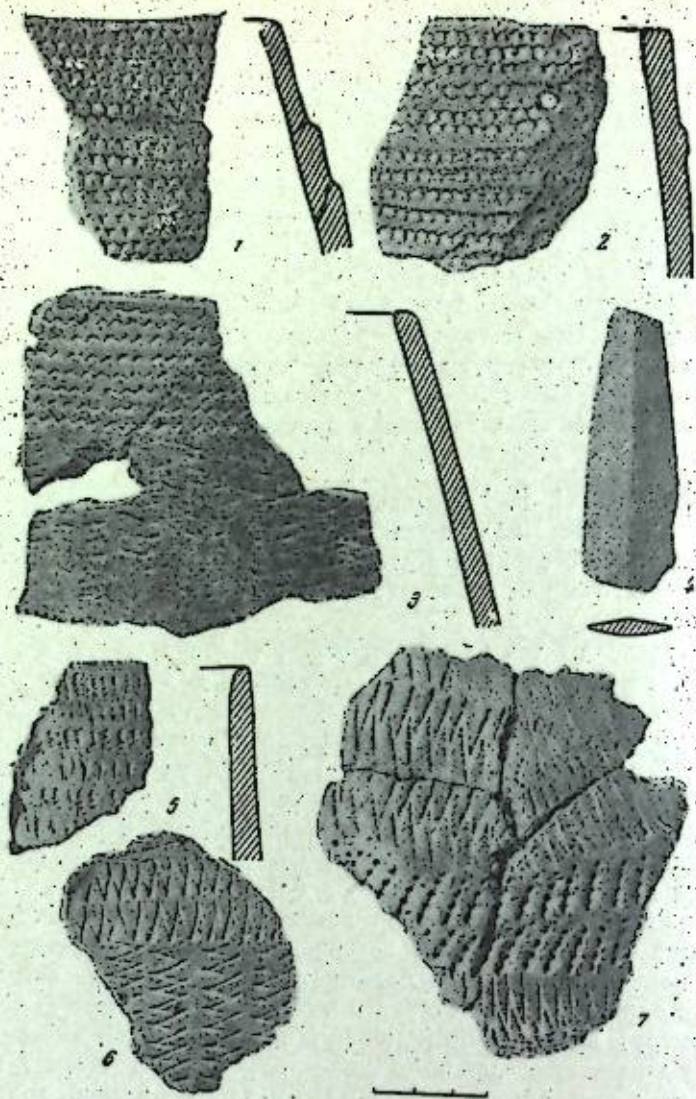

Рис 32. Йоркутинская стоянка
1-3, 5-7 — керамика; 4 — острье на сланце

Обжиг йоркутинских сосудов неравномерный, что проявилось, в частности, в пятнистой окраске поверхности то черной, то красноватой. После обжига сосуды тщательно полировались как внутри, так и снаружи; следы зашлифовки отмечены на всех черепках.

Наружная поверхность горшков сплошь орнаментирована. По венчикам определяется наличие в коллекции семи сосудов. Кроме них, предполагая, что различные штампы одной конфигурации при украшении сосуда не применялись, можно выделить по орнаментам еще девять горшков. Для орнаментации этих 16 сосудов были использованы штампы семи очертаний: птичкообразные штампы (4 шт.), штампы в виде перевернутой арочки (4 шт.), штампы, дающие в отпечатках маленькие округлые или продолговатые ямки, гребенчатый штамп, которым послужила челюсть мелкого хищника, а также гребенчатый (3 шт.) и гладкий (9 шт.) штампы, при помощи которых наносился «шагающий» узор. Встречается сочетание только двух типов орнаментальных элементов, причем одним компонентом всегда

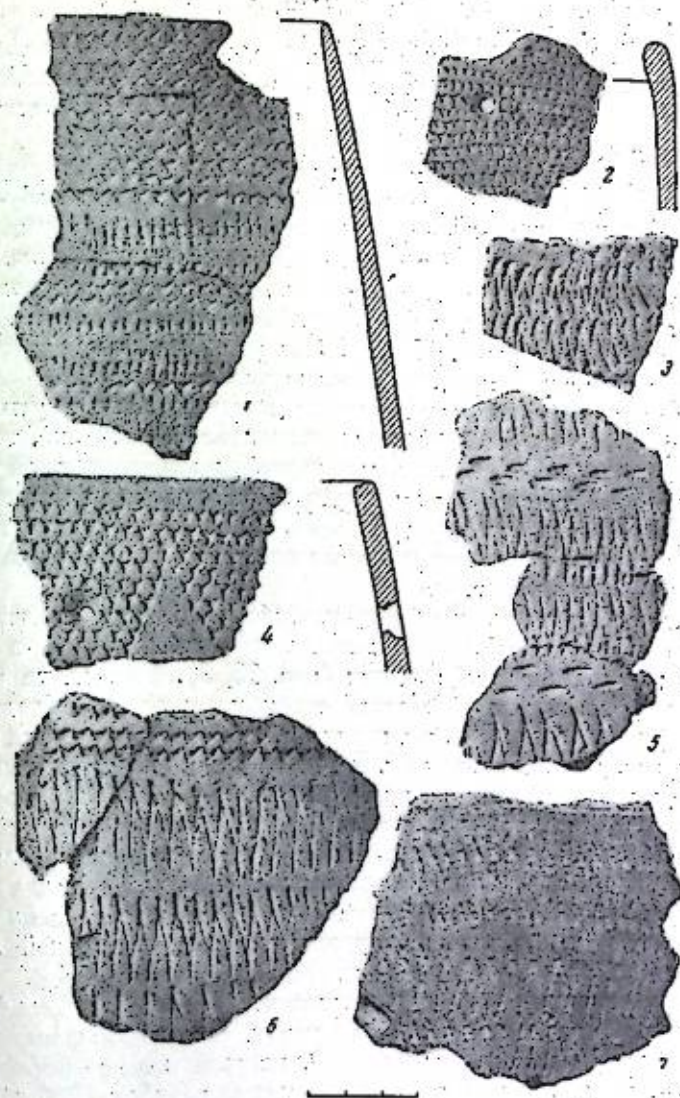

Рис. 33. Керамика Йоркутинской стоянки

являются ряды зигзагов, сделанных шагающим штампом. Бедность компонентами искупается гармоничностью их расположения и тщательностью нанесения узора, в результате чего сосуды имели нарядный, привлекательный вид. Орнаментальные элементы располагаются в основном чередующимися лентами, опоясывающими сосуд. В двух случаях перемежаются пояса горизонтальных и вертикальных линий «качалки» (рис. 32, 6). Этими линиями, создающими впечатление движения и легкости, умело разбиваются утяжеленные пояса, заполненные рябью мелких птичкообразных и арочковидных вдавлений. На небольшом сосудике (рис. 33, 1) количество рядов арочковидных вдавлений в поясах ритмично уменьшается, напоминая волны озера, спокойно набегающие на песок. Узоры в виде шагающего штампа, арочко- и птичкообразных вдавлений вполне могут быть семантически связаны с водой, для хранения которой в первую очередь предназначались сосуды. Птичкообразные вдавления заходят и на края венчиков, в украшении которых использовались также нарезки и гребенчатые отпечатки.

Если строгий поясной орнамент и форма йоркутинских сосудов являются доказательством их близости к эпохе неолита, то присутствие треу-

гольных фестонов, заполненных птичкообразными вдавлениями (рис. 33, 2, 4), может свидетельствовать о более поздней дате существования стоянки. Малочисленность элементов узора и однообразное их расположение подчеркивают единство керамического комплекса и дают возможность считать его лишенным хронологически и этнически чуждых признаков.

На краю одного из сосудов имеется волнообразный выступ-ушко (рис. 33, 2). Край сосуда на месте ушка утолщен, а под ним сделано вдавление для удобства захвата. Такой выступ находит аналогии в керамике уральских и западносибирских (Полуденка, Киприно, Кокуй I, Хулюм-Сунт)¹, а также восточносибирских (Улан-Хада) стоянок, где на сосудах, относящихся к поздне-неолитическому или энеолитическому периодам, имеются сходные волнообразные ушки. На стоянках эпохи бронзы Береговая I и Салехардская эти выступы представлены фигурками зверей².

Если выступы на краю сосуда могли иметь наряду с утилитарной целью (для удобства транспортировки) эстетическое значение, то сделанные коническим наружным сверлением отверстия в привенчиковой части готовых обожженных горшков имели сугубо хозяйственное назначение: они служили для привязывания ручек (рис. 32, 2; 33, 2, 4). Такое предположение не исключает то, что некоторые из отверстий предназначались для скрепления разбитых сосудов.

Примечательной особенностью йоркутинской керамики является неорнаментированный валикообразный выступ, сформированный в верхней части сосуда из поверхностной обмазки (рис. 32, 2). Насколько известно, подобные валики не имеют параллелей среди уральских и западносибирских неолитических комплексов, а в эпоху бронзы они появляются в андроновской и черкасульской культурах. В Южной Сибири вытяжные валики встречаются уже в афанасьевской культуре. На Ямале подобные валики на сосудах эпохи бронзы встречаются часто, о чем свидетельствуют находки Заполярного отряда ЛОИА, сделанные в 1966 г. около пос. Ярсале. Таким образом, вытяжные валики можно считать одной из характерных черт бронзовой культуры Ямала. С этими валиками перекаликаются ступенчатые выступы в верхней части горшков, получающиеся при ленточной лепке и, вероятно, послужившие для них прототипами (рис. 32, 1).

Йоркутинская стоянка — пока единственный памятник, содержащий чистый комплекс столь своеобразной керамики. На Ямале фрагменты керамики, украшенной шагающей гребенкой, напоминающие йоркутинский комплекс, известны еще только среди ярсалинских находок 1966 г. Южнее, в пределах Ямало-Ненецкого национального округа, образцы керамики, близко сопоставимые с йоркутинской, были найдены на территории г. Салехарда; лощеная керамика, украшенная оттисками шагающего штампа, имеется в сборах М. Я. Штеккелиса, произведенных ниже устья р. Полуя, и среди материалов Салехардской стоянки эпохи бронзы. В коллекции Штеккелиса были также сланцевые острия, подобные орудиям, употреблявшимся обитателями Йоркутинской стоянки³.

Таким образом, йоркутинский комплекс находит себе аналогии среди материалов, происходящих с территории западносибирской Арктики. Это дает возможность говорить о существовании на этой территории своеобразного варианта культур эпохи бронзы. Наиболее выразительным представителем его в настоящее время является материал Йоркутинской сто-

янки, которую предварительно можно датировать первой половиной II тысячелетия до н. э. Керамика Йоркутинской стоянки, особенно приемы использования шагающего штампа в ее орнаментации, свидетельствует о том, что какая-то часть населения Ямала и прилегающих к нему районов имела несомненные культурные и генетические связи с племенами лесной полосы Западной Сибири эпохи ранней бронзы. В настоящее время различие между уральскими и западносибирскими таежными памятниками еще не выявлено, в результате чего Урал также не может быть исключен из числа предполагаемых миграционных центров для обитателей западносибирского Заполярья.

Заполненный мелкими декоративными элементами пояс, часто украшающий йоркутинские сосуды около венчика, не находит достаточно достоверных доказательств своего происхождения среди уральских и западносибирских культур. Этот мелкоузорчатый пояс входит в состав характерных признаков йоркутинского комплекса, выработанных в арктических условиях консолидации древнего населения Ямала. Примечательно сходство этого броского декора с аналогично размещенными мелкоузорчатыми поясками на сосудах, бытовавших в арктических культурах Восточной Сибири и крайнего северо-востока нашей страны. Широта этой аналогии служит подтверждением того, что эстетические идеи могли распространяться и адаптироваться среди обитателей просторов тундры таким же путем, как это происходило с распространением обычаев и предметов быта, наилучшим образом приспособленных к суровой природе Арктики.

¹ В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья. МИА, № 35, 1953, табл. XX, 52; VII, 2; М. Н. Комарова. Неолит Верхнего Приобья. КСИИМК, вып. 64, 1956, рис. 40, 13, 15; В. Ф. Генниг. А. Я. Крижевская. Новые неолитические памятники на р. Ишим. КСИА, вып. 106, 1966, рис. 18, 8.

² В. И. Мошинская. Жилище усть-полуяской культуры и стоянка эпохи бронзы в Салехарде. МИА, № 35, 1953, стр. 184, табл. IV, 1, 2.

³ В. Н. Чернецов. Очерк этногенеза обских угров. КСИИМК, вып. IX, 1941, рис. 2, 8. Архив ЛОИА, ф. 5, д. 368, лл. 43, 44.

Н. Н. ЧЕРЕДНИЧЕНКО
КУРГАН ЭПОХИ БРОНЗЫ
БЛИЗ г. РОСТОВА-НА-ДОНУ¹

В 1965 г. археологической экспедицией Ростовского областного музея краеведения был раскопан курган на ул. Коминтерна — западного жилого массива г. Ростова-на-Дону.

Курган сильно оплыл, и к моменту раскопок высота его достигала 1,20 м, а диаметр до 30 м. Под насыпью находилось семь погребений: одно ямное (основное, погребение 7) и шесть катакомбных (погребения 4, 5 и погребение 2 — парное). Насыпь была сооружена в один прием над ямным погребением, которое находилось в центре кургана. В насыпи погребений не было.

Катакомбы располагались радиально, и все погребальные камеры выведены к центру кургана. В двух случаях (погребение 1 и погребение 6) входные колодцы находились в насыпи, и поэтому в первом случае колодец вообще не удалось проследить, а во втором уловлено только углубление перед входом в камеру.

В трех катакомбах вход в погребальные камеры был закрыт. В погребениях 4 и 5 вход закрывали известняковые плиты, которые стояли наклонно так, что боковой край одной захватывал край другой: основания их упирались в ровик на дне колодца (рис. 34, 2). Ровик шириной 0,20 м, глубиной 0,37 м шел поперек входа в камеру. Углубление перед входом в камеру было не на всю ширину колодца, в результате чего вдоль боковых стенок его (колодца) получились ступеньки, которые образовали вместе с ровиком пазы для камней. Аналогичная картина наблюдалась и в погребении 2 — только здесь не было ступенек, так как углубление было на всю ширину колодца и вход в камеру закрыт деревом. Остатки дерева, закрывавшего вход в погребальную камеру, прослежены также и в погребении 3, но без ровика и ступенек.

Костяки во всех катакомбах лежали на правом боку, лицом ко входу в камеру (за исключением одного костяка из погребения 4, который лежал на левом боку, затылком ко входу). Таким образом, ориентировка костяков на западной половине кургана была северной а на восточной — южной.

Погребения 1, 3, 6 — одиночные, в погребении 2 — парное захоронение, в погребениях 4, 5 — вторичное захоронение. Вначале совершено было погребение 5, затем покойник был сдвинут к задней стенке камеры (кости его лежали не в анатомическом порядке), и в эту же камеру был положен другой покойник (погребение 4). Видимо, этим и следует объяснить то, что только костяк погребения 4 лежит на левом боку, затылком ко входу: оба костяка ориентированы головой к югу.

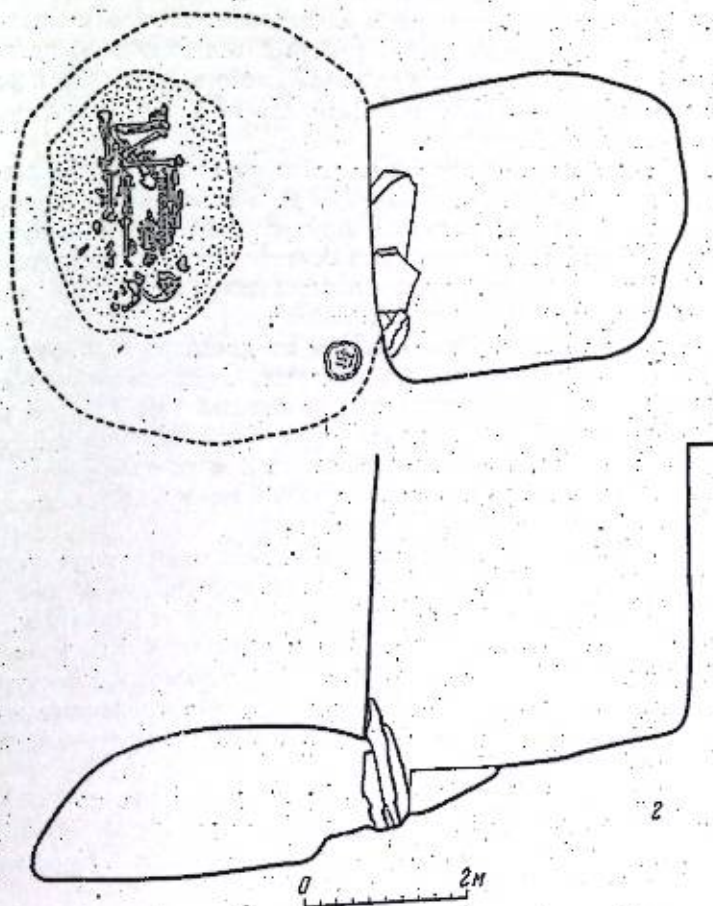
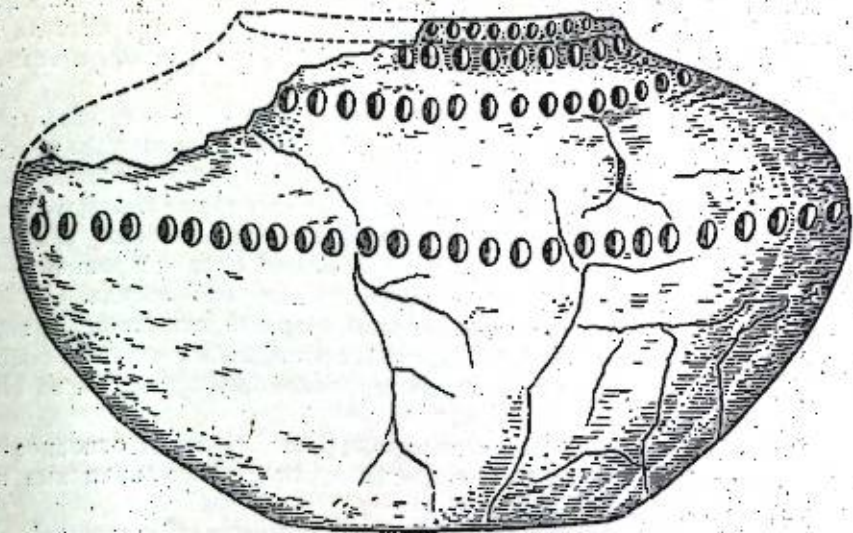

Рис. 34. Курган близ Ростова-на-Дону
1 — вход на погребения 1; 2 — погребения 4 и 5, план и разрез

¹ Доклад, прочитанный на заседании секции археологического пленума в Москве 20 апреля 1966 г.

Любопытно, что ровики для упора поперек входа были только перед теми погребальными камерами, в которых находилось по два костяка (погребения 2, 4 и 5). Во всех могилах были погребены взрослые, и только в погребении 6 лежал детский костяк.

Инвентарь катакомбных погребений очень беден. Только в одной могиле находился сосуд реповидной формы, украшенный снаружи параллельными рядами пальцевых зажимов (рис. 34, 1), на внутренней стороне дна — перекрещенные налестные валики, которые украшены также пальцевыми зажимами. Остальной инвентарь представлен двумя кремневыми отщепами из погребения 2, одним отщепом — из погребения 6 и «жаровней» — из погребений 4, 5, для которой использована нижняя часть сосуда.

Эти находки свидетельствуют о позднем возрасте катакомбных погребений. Реповидный сосуд из погребения 1 подтверждает факт проникновения элементов предкавказского варианта катакомбной культуры на Нижний Дон.

Наиболее интересным захоронением в кургане является основное ямное погребение 7, расположенное в центре кургана. Могильная яма прослежена с уровня погребенной почвы.

В верхней части могильная яма нарушена современной траншеей. Вероятно, по этим причинам и северная стенка могилы обрушена; полностью сохранилась только южная стенка. В основании могильная яма почти квадратной формы (длина 2 м, ширина 1,80 м).

Сверху яма была перекрыта накатником, который лежал поперек могилы. Остатки накатника прослежены в заполнении ямы на глубине 0,55 м, 0,60 м, 0,75 м от уровня погребенной почвы. Это были остатки бревен диаметром 0,20 м — 0,25 м и длиной 0,50 м, 0,70 м, 1,40 м, которые лежали у юго-западной стенки ямы.

В юго-восточном и восточном углах ямы сохранились следы вертикальных столбиков диаметром 0,05—0,12 м. В западной части ямы столбики не сохранились. На дне могилы вокруг костяка также прослежены остатки дерева. По всей вероятности, это остатки погребальной конструкции, аналогичной первому варианту деревянных камер внутри ямы основных погребений в курганах у станицы Мекенской².

На дне могилы глубиной 1,35 м от древнего горизонта по диагонали лежал костяк очень плохой сохранности. Судя по сохранившимся костям, погребенного положили скорченно на правый бок, головой на север. Руки были вытянуты вдоль туловища. Череп лежал около кистей рук.

Костяк был засыпан охрой красного и ярко-оранжевого цветов. Ярко-оранжевая охра покрывала костяк, особенно в области костей таза, ступней и головы.

Дно могилы было посыпано мелом. В юго-восточном углу ямы на дне стояло деревянное колесо (рис. 35), которое имело форму диска. С обеих сторон четко выделены ступицы длиной каждая в 0,09 м, диаметр колеса 0,48 м — 0,50 м, диаметр ступиц у основания 0,20 м, в конце 0,15 м, диаметр отверстия для оси 0,08 м. У северо-восточной стенки ямы и около колесей погребенного найдены четырехгранные бронзовые шилья. За спиной погребенного находились кремневый отщеп и небольшой кремневый концевой скребок.

По расположению этого погребения в кургане, по форме могильной ямы (для катакомбной культуры на Нижнем Дону не характерны простые ямы, а только катакомбы), а также по инвентарю захоронение это является обычным для ямной культуры.

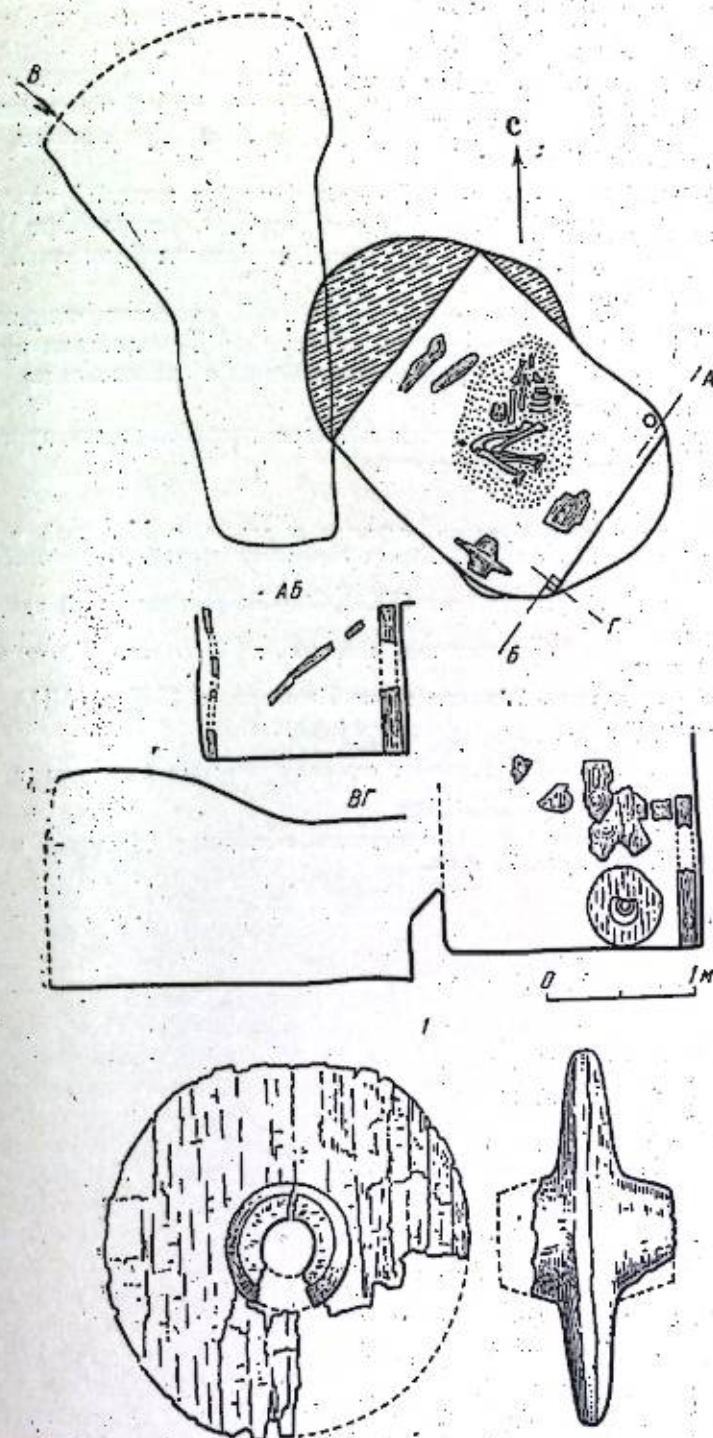

Рис. 35. Курган близ Ростова-на-Дону

1 — погребение 7; план и разрезы; 2 — колесо из погребения 7

² Е. И. Крупнов, Н. Я. Мерперт. Курганы у станицы Мекенской. Сб. «Древности Чечено-Ингушетии». М., 1963, стр. 39, 40.

В настоящее время нам известно лишь два колеса, происходящих из памятников ямной культуры, изготовленных также из сплошного деревянного диска со ступицами с обеих сторон³. На Нижнем Дону колесо в погребении ямной культуры встречено впервые. К более позднему времени на этой территории относится повозка из катакомбного погребения со сплошными колесами, аналогичная повозкам из погребений предкавказского варианта катакомбной культуры⁴ и из знаменитых Триалетских курганов⁵.

Ямные колеса находят аналоги среди глиняных моделей колес куро-аракского энеолита (Кюль-Тепе⁶, Шреш-Блур⁷, Сержень-Юрт⁸). Аналогичны также колеса из ямных погребений и колесам бронзовой модели повозки из Сирии⁹.

Таким образом, колеса из ямных погребений, очевидно, старше колес предкавказского варианта катакомбной культуры и Триалетских курганов.

А. И. Тереножкин отнес ямные погребения с колесами ко второй половине III тысячелетия до н. э.¹⁰

Мы считаем возможным отнести и ямное погребение из кургана на ул. Коминтерна также к этому времени.

³ А. И. Тереножкин. Раскопки курганов в долине р. Молочной в 1952 г. КСИИМК, вып. 63, 1956; он же. Курганы Сторожова могила. «Археология», т. V. Київ, 1951, стр. 183.

⁴ С. В. Киселев. Бронзовый век СССР. Сб. «Новое в советской археологии». М., 1965, стр. 33.

⁵ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 451, табл. CVII.

⁶ О. А. Абибулаев. Раскопки холма Кюль-тепе в 1955 г. МИА, № 67, стр. 443, рис. 11, 3—4.

⁷ Б. А. Куфтин. Указ. соч., стр. 98, рис. 104.

⁸ В. И. Козенкова. Исследования сержень-юртовского поселения в 1963 г. КСИА, вып. 103, 1965, стр. 68, рис. 23, 6.

⁹ Б. А. Куфтин. Указ. соч., стр. 98.

¹⁰ А. И. Тереножкин. Раскопки курганов в долине р. Молочной в 1952 г. КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 70 и сл.

А. Н. МЕЛЕНТЬЕВ

ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ В ЗАДОНЬЕ

В археологическом исследовании памятников эпохи бронзы Нижнего Подонья сложилась заметная территориальная диспропорция. По ряду причин внимание археологов сосредоточивалось в основном на районах нижнего течения и дельты Дона. В равной мере это относится и к исследованию курганов эпохи бронзы. Более чем за вековой период раскопок открыты сотни погребений в курганных могильниках, расположенных в донском понизовье, и не раскопано ни одного кургана выше створов Цимлянского гидроузла. Вместе с тем исследование курганов на правобережье донской излучины и многочисленных могильников Задонской равнины, сконцентрированных в бассейнах рек Есауловского и Курмоярского Аксаев и особенно р. Сала с ее многочисленными притоками, представляет первостепенное значение для выяснения исторической топографии ведущих степных культур бронзовой эпохи. Первым штрихом в заполнении образовавшейся лакуны являются материалы раскопок Астраханской экспедиции ЛОИА 1964—1965 гг., открывшей погребения эпохи бронзы у пос. Октябрьского (ст. Жutowo)¹. В 1966 г. Волго-Донским отрядом экспедиции открыта небольшая группа могил эпохи бронзы в Аксёновском курганном могильнике. Могильник находился в 3,5—4 км к востоку от хутора Новый Аксай — центральной усадьбы совхоза «Цимлянский» Октябрьского р-на Волгоградской обл. Двух-трехрядная «цепочка» курганов протяженностью около 1,5 км располагалась на водораздельном хребте правого коренного берега р. Есауловский Аксай. Большинство курганов, в том числе и крупный курган, давший название могильнику, возведено над могилами савроматов. Лишь два кургана в восточной половине «цепочки» содержали погребения эпохи бронзы — курганы 8 и 19.

Курган 8 — насыпь со слегка заметным всхолмлением высотой 0,3 м, с очень пологими склонами и редким скоплением камня-ракушечника в центральной части — пропахан до погребенной почвы. Курган нарушен воронкой и траншеей военного времени. Открыто семь могил.

Погребение 1. Форма могилы не установлена, южная часть разрушена. На дне (глубина 1,25 м) — два костяка. От одного, южного, сохранились лишь фрагменты таза, часть грудной клетки и отдельные кости ног. Судя по их положению, погребенный лежал на правом боку, головой на запад. Второй костяк принадлежал взрослому человеку, погребенному на правом боку, головой на запад. Вытянутые руки немного отведены от

¹ Доклад, прочитанный на заседании Сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИА 18 ноября 1966 г.

² В. П. Шилов. Погребение литейщика в Нижнем Поволжье. КСИА, вып. 106, 1965, стр. 88—91.

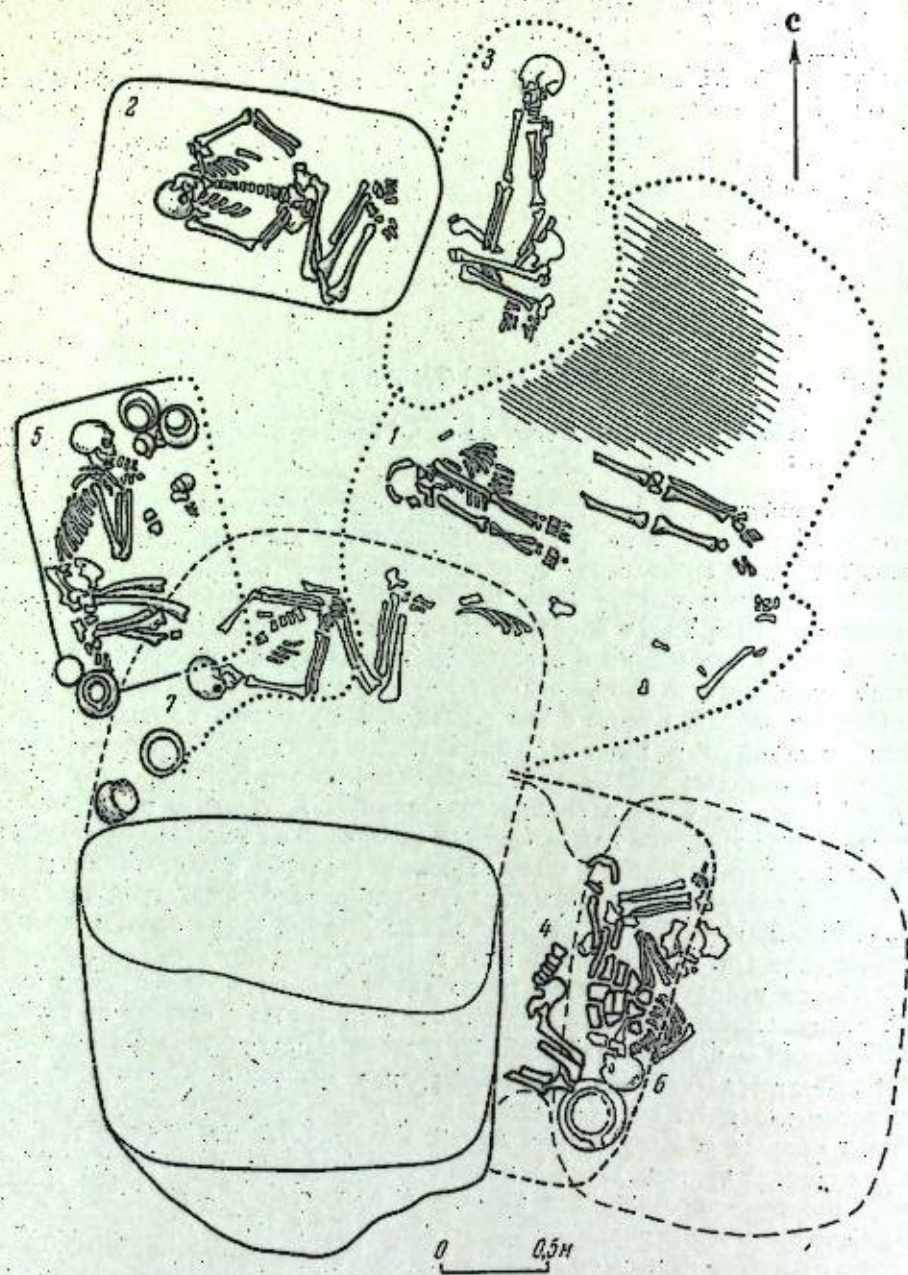

Рис. 36. Аксёвский могильник. Курган 8. План погребений

туловища, прямые ноги слегка согнуты в тазобедренном сочленении. На дне могилы, в северной половине, — зольная подсыпка (рис. 36).

Погребение 2. Могила — прямоугольная яма длиной 1,5 м, шириной 0,9 м, глубиной 1,6 м (от погребенной почвы). На дне — костяк взрослого, на спине, головой на запад. Кисти полусогнутых в локтях рук — на тазе. Сильно согнутые ноги упали вправо. На черепе, кистях и стопах — красно-ватобуроватая краска. На дне — тонкий слой глина (рис. 36, 2).

Погребение 3. Форма могилы не установлена. Дно на глубине 1,7 м. Костяк взрослого человека, на правом боку, головой на север. Кисти вытянутых рук — между бедер. Ноги согнуты до прямого угла в тазо-

бедренном сочленении, предельно — в коленях. На черепе и стопах — краска (рис. 36).

Погребение 4. Совершено в небольшую катакомбную камеру — костяк взрослого, на левом боку, головой на север — северо-восток, спиной к выходу из могилы. Кисти согнутых рук — перед черепом, подогнутые ноги — на левой стороне. Перед грудью — горшок «баночной» формы (рис. 36, 4; 37, 8).

Погребение 5. Могила — небольшая прямоугольная яма с перекрытием. Длина 1,4 м, ширина 1,2 м, глубина 1,5 м. Верхняя половина стенок обрушилась. В заполнении — два сосуда (рис. 37, 1, 3). На дне — два костяка — взрослого и ребенка, на левом боку, с сильно поджатыми ногами, головой на север, кисти согнутых рук — перед черепом. В головах — четыре сосуда (рис. 36, 5; 37, 4, 6, 9).

Погребение 6. Совершено в катакомбную камеру, глубина 2,45 м. На дне — костяк взрослого, на левом боку, головой на юг, лицом — к выходу из могилы. Руки, полусогнутые в локтях, слегка отведены от туловища. Ноги сильно согнуты в коленях. За черепом — сосуд с петлевидной ручкой, у колен — небольшой горшочек. Перед нижней челюстью — шлифованный топор из зеленоватого серпентинита (змеевика), перед грудью — кремневый скребок (рис. 36, 6; 37, 2, 5, 7, 13).

Погребение 7. В катакомбной камере глубиной 3,1 м — костяк взрослого, на правом боку, ориентирован на запад — юго-запад. Кисти полусогнутых рук — на тазе. Согнутые ноги — на правой стороне. Кости слегка окрашены. В западном углу камеры, слева от входа, — два сосуда: горшок и «жаровня» (рис. 36, 7; 37, 11, 12).

В стратиграфическом взаиморасположении могил в кургане 8 выделяются два «узла»: 1) погребение 3 «село» на погребение 1; 2) катакомбные камеры 4 и 6, выведенные из одной входной ямы и располагавшиеся «ярусом» одна над другой, по-видимому, одновременны. Входная яма этих погребений впущена в северо-восточную часть колодца катакомбы 7. На основании типологического сопоставления и данных стратиграфии определяются три хронологических горизонта: к первому, наиболее раннему, относится могила 2, к следующему — погребения 1, 3, 7, к третьему — погребения 4, 5, 6.

Курган 19. Насыпь кургана — небольшой земляной холм с пологими склонами, высота 0,4 м, диаметр 18,5 м; в центральной части — отдельные разрозненные известняковые камни. В кургане открыто две могилы: погребение 1 — сарматского времени и погребение 2 — эпохи бронзы.

Погребение 2. Могила — прямоугольная яма длиной 2,4 м, шириной 1,95 м, глубиной 2,05 м (от погребенной почвы). В нижней части резко сужается; на глубине 1,7 м, вдоль длинных стен — запечки шириной 0,4 м, у короткой северной — 0,15 м. На дне — костяк взрослого, на левом боку, головой на ССВ. Руки немного согнуты в локтях и отведены от туловища. Все кости окрашены в буровато-коричневатый цвет. Перед грудью — небольшой орнаментированный горшок (рис. 37, 10), под ним — комок красной краски.

Из числа открытых погребений выделяется могила 2 в кургане 8, обычное для Нижнего Подонья древнеямное погребение с устойчивой «местной» чертой обряда — западной ориентировкой покойного³. Остальные могилы разделяются на две инокультурные группы: донецкой катакомбной культуры (погребения 1, 3 и 7 в кургане 8) и предкавказской культуры (погребения 4, 5, 6 в кургане 8 и погребение 2 в кургане 19). Первая из них — донецкой культуры, объединяется традиционным положением умершего, на правом

³ А. Н. Мелентьев. Курганы эпохи бронзы в Нижнем Подонье. КСИА, вып. 103, 1965, стр. 54; он же. Раскопки курганов эпохи бронзы под Новочеркаском в 1962 г. КСИА, вып. 106, 1966, стр. 93, 98.

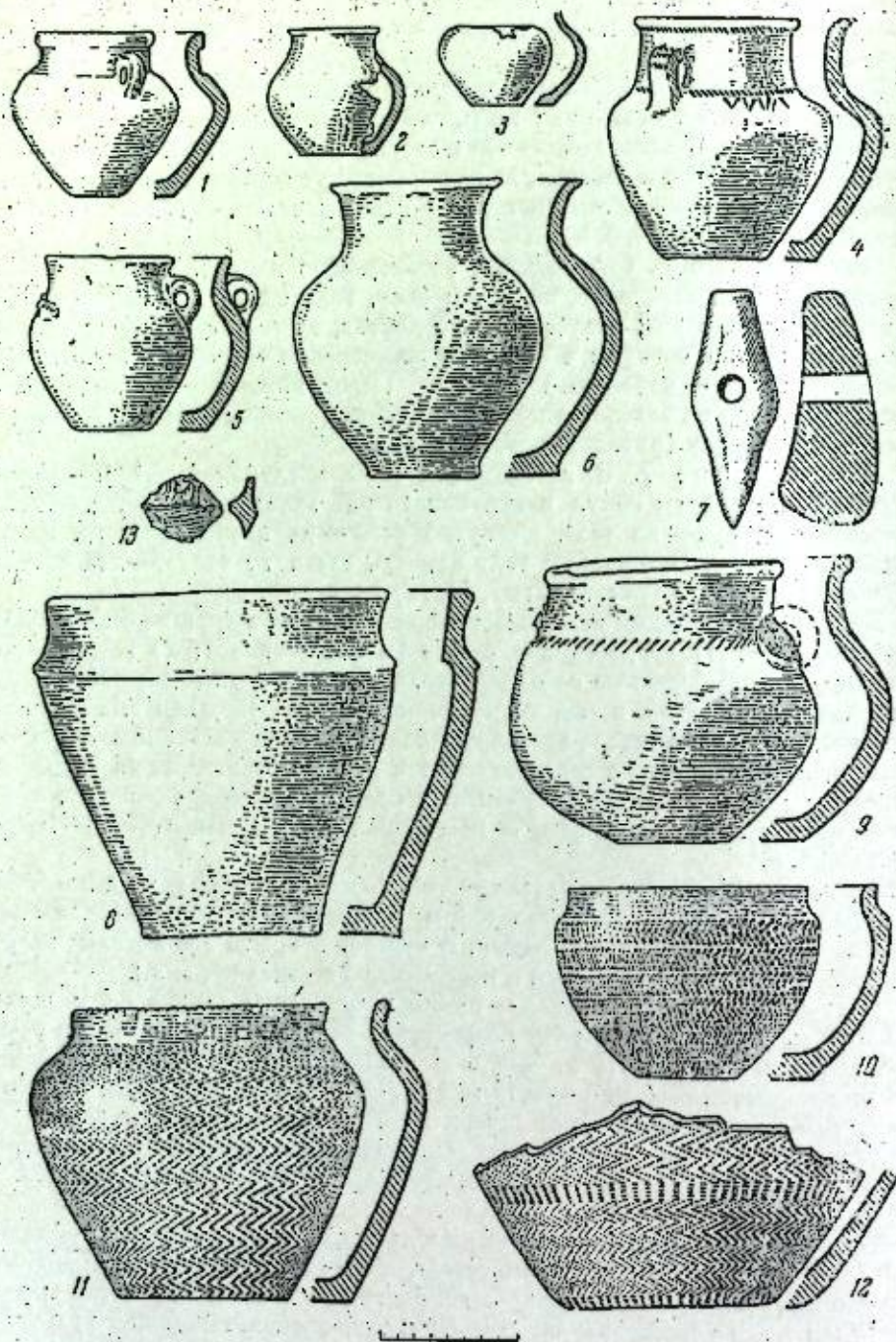

Рис. 37. Аксеновский могильник. Инвентарь из курганов 8 и 19.

боку, скорчено, с вытянутыми вдоль туловища руками и лицом в сторону входа в камеру. Характерно соблюдение и такого погребального обычая донецких племен, как постановка в могилу горшка и «жаровни» — большого обломка стенки или днища крупного сосуда. Горшок и «жаровня» из могилы 7 имеют аналогии как в керамике из курганов Нижнего Подонья, так и в погребальной посуде из могильников Северского Донца. Обычным для донецкого типа горшков является и орнаментальный узор — сплошная «елочка», нанесенная гребенчатым штампом⁴. Следует отметить, что по характеру орнамента — применению частозубчатого штампа и остроугольности «елочки» — горшки соотносятся с посудой из ряда погребений донецкого типа, стратиграфически относительно поздних в курганах Нижнего Подонья⁵.

Вторая группа могил предкавказской культуры имеет прямые параллели с основной серией погребений, открытых в курганных могильниках в районе г. Элисты. Характерными связующими элементами ритуала являются одновременное сосуществование двух типов могил: прямоугольной ямы с перекрытием и катакомбной камеры — и положение погребенного на левом боку, вне зависимости от формы могильного сооружения⁶. Аналогичен также и обычай ставить горшки на край или перекрытие могилы⁷. В погребальной посуде особенно отчетливо выявляется сходство с керамикой элистинской группы памятников, наиболее характерной формой которой являются небольшие сосуды — широкогорлые кувшины с петлевиной ручкой и низким округлым корпусом, круто переходящим в сужающуюся шейку с отогнутым наружу венчиком. Устойчивая черта пропорции кувшинов — совпадение высоты сосуда и максимального диаметра. Наружная поверхность обычно хорошо заглажена. Некоторые из кувшинов этого типа имеют выразительные детали — сосцевидные налеты на плечиках и широкие петлевидные ручки на рельефно моделированной овальной площадке с валиками по краям⁸.

Для выяснения исторической топографии населения Подонья исключительно важное значение имеет последовательное стратиграфическое расположение погребений в кургане 8 Аксеновского могильника. Основываясь на наблюдениях, полученных при раскопках у хутора Кудинова, мы обратили внимание на стратиграфически относительно позднее местоположение могил предкавказского типа в курганах на левом берегу Дона⁹. К аналогичному выводу пришла и А. А. Иерусалимская при анализе погребений Соленовского и Саркельского курганных могильников¹⁰. Раскопки на Есауловском Аксае показали, что и для более северных районов донского левобережья характерно последовательное хронологическое соотношение памятников круга донецкой и предкавказской культур. Имеющиеся археологические факты позволяют поставить вопрос о последовательной смене населения Задонщины — племен донецкой катакомбной культуры новыми населенными, племенами, обитавшими в Калмыцких степях и

⁴ Т. Б. Попова. Этапы развития и локальные варианты катакомбной культуры. СА, XXII, 1955, стр. 25—26.

⁵ А. Н. Мелентьев. Раскопки курганов эпохи бронзы..., стр. 97.

⁶ И. В. Синицын, У. Э. Эрдиев. Археологические раскопки в Калмыцкой АССР в 1961 г. «Труды Калмыцкого республиканского краеведческого музея», вып. 1. Элиста, 1963, стр. 5—7.

⁷ П. С. Рыков. Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата» в Калмыцкой области, произведенные в 1933 и 1934 гг. СА, I, 1936, стр. 118—119.

⁸ П. С. Рыков. Раскопки курганного могильника в районе г. Элисты. «Известия Саратовского Нижне-Волжского института краеведения», т. VII, 1936, стр. 67, рис. 17; И. В. Синицын и У. Э. Эрдиев. Указ. соч., стр. 6.

⁹ А. Н. Мелентьев. Курганы эпохи бронзы..., стр. 57.

¹⁰ А. А. Иерусалимская. О предкавказском варианте катакомбной культуры. СА, 1958, № 2, стр. 45.

щими из них являются тип могильного сооружения и элементы обряда в сочетании с характерными формами посуды. Подавляющее большинство погребений этой группы совершено в прямоугольные грунтовые ямы с неизменно соблюдаемым правилом положения умершего — скорченно, на левом боку. В большинстве могил керамика отсутствует. Поэтому при определении культурной принадлежности только по этим признакам возможны и ошибочные заключения. Правда, сближающим моментом служит аналогичное соотношение керамики в калмыцких погребениях этого типа²². Это обстоятельство позволяет с известной осторожностью отнести большинство из них к элистинской группе погребений предкавказской культуры. Более четкие параллели, связывающие погребения этого типа с калмыцкой группой могил, устанавливаются при сравнении керамики. Выше мы говорили о прямом тождестве посуды Аксеновского могильника с керамикой из погребений в районе Элисты. Определенное сходство прослеживается и при сопоставлении горшков из курганов у хуторов Веселого и Соленого (Веселый, курган 2, погребение 3, Соленый, курган 2, погребение 3/2, курган 3, погребение 4), а также при сравнении неорнаментированного горшка с прямым высоким горлом и конически сужающимся туловом из погребения 3, кургана 3 у хутора Алитуб, имеющего точные аналогии как в манычско-донской группе, так и в могильниках Калмыкии²³. Не менее типичной является и керамика из погребений — кенотафов, представленная в основном серией глиняных воронок (хутор Соленый, курган 1, погребения 6 и 19, курган 3, погребение 8)²⁴ и реповидным сосудом (хутор Усьман, курган 2, погребение 5). Таким образом, вторая группа погребений обнаруживает устойчивые связи с памятниками Калмыкии и по ряду связующих элементов имеет прямое тождество с погребениями элистинской группы. Влияние последней особенно отчетливо проявляется на материалах Аксеновского могильника. Весьма вероятно, что здесь мы имеем факты непосредственного перемещения на Дон выходцев из степей Калмыкии. Движение это осуществлялось, судя по топографии могильников Задонщины, по своеобразным путепроводам — долинам левых притоков Дона, тем более что истоки главной артерии Джурак-Сала лежат в местности, изобилующей пресными источниками, — района основного сосредоточения курганов близ г. Элисты.

Хронологическое соотношение обеих групп недостаточно ясно. В формально-типологической схеме А. А. Иерусалимской керамика элистинского типа — горшки и кувшины с ручками — отнесена ко II этапу; большинство же погребений манычско-донской группы — к раннему периоду развития предкавказского варианта²⁵. И. В. Силицын, основываясь на сходстве инвентаря калмыцких погребений, склоняется к одновременному существованию обеих групп погребений — в прямоугольной яме и катакомбной камере²⁶. Материалы раскопок на Дону не позволяют решить этот вопрос на конкретных данных — прямой стратиграфии могил в курганах. Отдельные факты совместной находки в погребениях Подонья керамики манычско-донского типа и посуды калмыцкого облика, в том числе и с кувшином, характерным для элистинской группы²⁷, позволяют предположить сосущество-

курган 3, погребение 3. К этой же группе погребений мы относим прямоугольные могилы-кенотафы: Соленый, курган 1, погребения 6, 13, 19 и 30; Саркел 50/18, Усьман, курган 2, погребение 5.

²² И. В. Силицын, У. Э. Эрднеев. Указ. соч., стр. 5, 7.

²³ М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 104, рис. 22; А. Н. Мелентьев. Курганы эпохи бронзы..., рис. 20, 6, стр. 56, 57; И. В. Силицын. Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья. СА, X, 1948, стр. 148, рис. 10.

²⁴ А. А. Иессен. Раскопки курганов на Дону в 1951 г. КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 73, табл. 2, рис. 29, 4 на стр. 65.

²⁵ А. А. Иерусалимская. Указ. соч., стр. 37, 43, 44, рис. 1 и 7.

²⁶ И. В. Силицын, У. Э. Эрднеев. Указ. соч., стр. 5, 7—8.

²⁷ «Шахаев» курган, впускное погребение (см.: М. И. Артамонов. Указ. соч., ИГАИМК, вып. 109, стр. 207, рис. 191, 4, 5, 11; стр. 209).

вание обеих групп в пределах одного хронологического периода, но с различными асинхронными этапами доминирующего влияния.

За последние годы значительно повысилась степень изученности курганных могильников поволжско-причерноморских степей. По результатам раскопок и разведок отчетливо выявляется принадлежность подавляющего большинства курганов к эпохе бронзы — многократно превышающих количество курганов савроматско-сарматского и скифского времени. Значительное численное превосходство погребений эпохи бронзы бесспорно. Такое соотношение погребальных памятников, естественно, предполагает и чрезвычайно плотное заселение этих территорий в эпоху бронзы. Весьма вероятно, что и динамика исторических процессов была очень напряженной. Результаты ее еще только начинают выявляться в виде сложного переплетения и взаимоналожения различных культурных напластований в памятниках этой поры. В полной мере это относится и к предкавказской культуре эпохи бронзы.

В. В. ДВОРНИЧЕНКО

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ —
ОБИТОЧНАЯ 20¹

Северное Приазовье в археологическом отношении оставалось до сих пор мало изученным. Дореволюционные исследователи производили здесь небольшие раскопки курганов, давших интересный материал, особенно для эпохи ранней бронзы². Крупные послевоенные новостройки позволили произвести более широкие археологические исследования в бассейне р. Молочной, где в 1951—1952 гг. было раскопано 83 кургана, в которых обнаружено большое число впускных погребений эпохи поздней бронзы³. Экспедицией Б. Н. Гракова в 1949—1951 гг. было намечено несколько поселений, относящихся к интересующему нас времени, одно из которых — Обиточная 12 — тогда же частично раскопано⁴. На некоторых других поселениях проведена шурфовка и заложены пробные раскопы. Рядом с поселением Обиточная 12 было раскопано четыре кургана (у с. Преслав), давших 27 впускных погребений эпохи поздней бронзы⁵. Небольшие раскопки проводились в 1952 г. на Чингульском поселении у Большого Токмака⁶.

Скифская экспедиция МГУ в 1965 г. на основании разведки Б. Н. Гракова произвела работы на поселении Обиточная 20 у пос. Приморского (близ Ногайска), а также раскопала два кургана у с. Осипенко, на левом берегу р. Берды.

Поселение Обиточная 20 расположено на южной окраине пос. Приморского (в 300 м), на левом берегу р. Обиточной, в ее крутой излучине, ориентированной с севера на юг. Оно занимает лишь небольшую часть этой излучины, располагаясь на перешейке, соединяющем территорию излучины с надпойменной террасой.

Основные раскопки были произведены в юго-западной части излучины, где вскрытая площадь составила 224 кв. м. Здесь было расчищено углубленное в предматериковый слой жилище размерами 5,4 × 6,3 м, ориентированное почти по странам света (рис. 38). Углубление представляет собой горизонтально выровненную площадку на небольшом склоне, поэтому восточная стенка его выше (0,25 м), чем западная (0,05 м). У восточной же

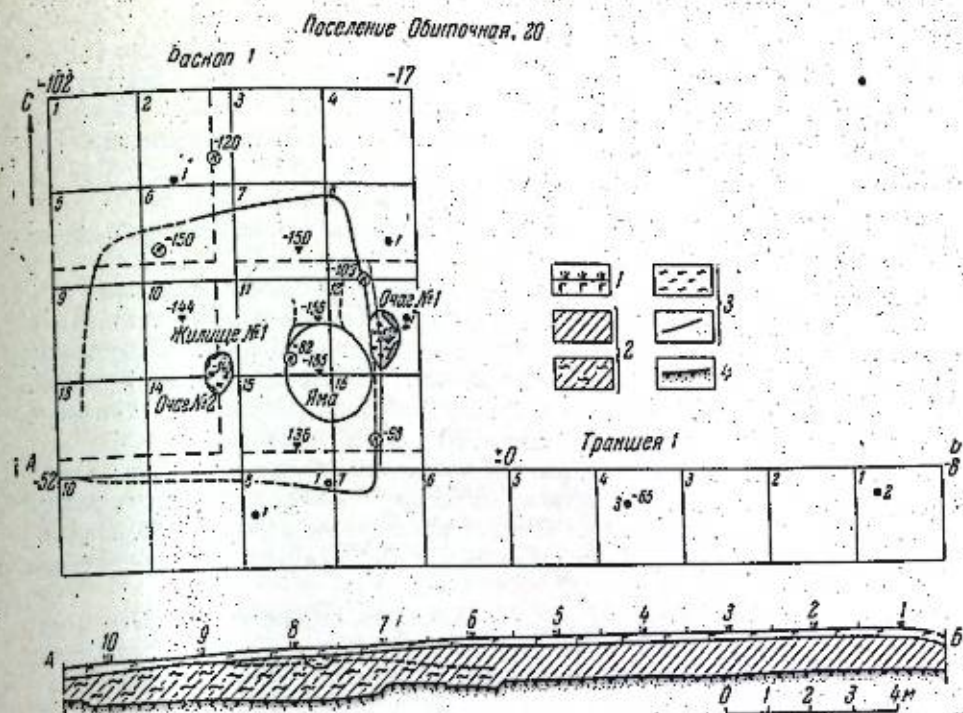

Рис. 38. Поселение Обиточная 20. Раскоп I. План и разрез
1 — слой дерна; 2 — культурный слой; 3 — зола; 4 — материк

стенки наблюдается дополнительная подсыпка на 0,3 м. Следов входа в жилище не обнаружено, вероятно, он был расположен в западной части. Не найдено также ям от столбов или каких-либо конструкций, поддерживающих крышу. Почти в самом центре углубления — очаг-козрище на уровне пола. Второй аналогичный очаг находился вне жилища (у восточной стенки), непосредственно под подсыпкой. Этот очаг, очевидно, существовал до постройки описываемого жилища, так как часть его срезана восточной стенкой жилища.

Углубленные жилища, землянки и полуземлянки прямоугольной планировки известны на ряде поселений эпохи поздней бронзы в Северном Причерноморье и Приазовье (нижний слой Ушкалки⁷, Чикаловка⁸, Куцая Бердынка⁹ и др.).

Так же как и на ряде других поселений, жилище в Обиточной 20 перекрывал небольшой зольник, давший наибольшее количество материала. Южнее жилища, на уровне древней поверхности, были открыты шесть канав шириной 0,3—0,7 м и глубиной от уровня древнего горизонта 0,3—0,4 м.

В результате раскопок и шурфовок выяснены площадь и расположение поселения, которое занимало главным образом южную и юго-западную части излучины. Приблизительная площадь всего поселения 1 га. Топография поселения аналогична 1-му Сусканскому поселению в Левобережном Поволжье¹⁰.

⁷ Д. Я. Телегин. Питання в днісної хронології... «Археологія», XII. Київ, 1961, стр. 6.

⁸ І. М. Шарафутдінова. Поселення епохи пізньої бронзи поблизу Кременчука. «Археологія», XVII. Київ, 1964, стр. 154—157.

⁹ Раскопки А. А. Огульчанского. Материал хранится в Бердянском музее.

¹⁰ Н. Я. Мерперт. Из древнейшей истории Поволжья. МИА, № 61. 1958, стр. 101 и сл.

¹ Доклад, прочитанный на заседании Сектора неолита и бронзы ИА АН СССР.
² Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок 1888—1902 гг. СПб., 1908, стр. 178—193; В. А. Городцов. Результаты раскопок в Бахмутском уезде. «Труды VIII АС», т. I. М., 1907, стр. 211 и сл.

³ А. І. Тереножкин. Кургани в долині р. Молочної. АП, VIII. Київ, 1960, стр. 3—16.

⁴ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, стр. 151—156.

⁵ Б. Н. Граков. Отчет скифской экспедиции за 1951 г. Архив ИА, № 641.

⁶ К. Ф. Смирнов. Кургани біля м. Б. Токмака. АП, VIII, стр. 176 и сл.

Керамический материал представлен главным образом грубой лепной керамикой с шероховатой поверхностью, часто затертой рукой, реже — заглаженной гребенчатым штампом. Лишь несколько обломков принадлежат лощеным сосудам. Внешняя поверхность — серого или желтовато-красного цвета, изнутри — черная или серая, в изломе — черная. Примеси измельченные: известь (возможно, и раковина), мелкий песок, иногда блестки слюды.

Посуда представлена небольшим количеством форм.

Острореберные сосуды с прямым обрезом края. Диаметр горла около 20 см.

Сосуды баночной формы с прямыми стенками и почти прямым или слегка округлым обрезом края. Диаметр горла 15—25 см. Близки баночным сосудам горшки со слабым перегибом в верхней или средней части тулова, подчеркивающим плечо. Венчик не отогнут, срезан прямо и лишь изредка имеет слабую округлую закраину снаружи. Подобного типа сосуды часто крупных размеров. Диаметр горла их более 30 см.

Бочонковидные сосуды с плавной и равномерно расширяющимися стенками, короткой шейкой и отогнутым заостренным краем. Эта форма близка банке. Бочонковидные сосуды более тонкостенны, хорошо заглажены, иногда до матового блеска. Количество невелико. Диаметр горла их — обычно около 20 см.

Форма сосудов с отогнутым наружу венчиком, выраженным, хотя и не совсем четко, горлом, резко подчеркнутым плечом и, вероятно, раздутым туловом, представлена всего несколькими обломками. Диаметр горла подобных сосудов 16—26 см.

Обнаружены обломки сосудов с массивными ручками и с круглым сквозным отверстием. Такие ручки-выступы располагались под венчиком. В нашей коллекции имеются две горизонтально расположенные овальные ручки с вертикальным отверстием и одна ручка более четких очертаний, вертикально поставленная, с горизонтальным отверстием. Ручки-налепы принадлежат баночным сосудам первых двух форм.

К небольшим мискам со слабо выступающим наружу закругленным бортиком относятся пять фрагментов. Диаметр их по бортику 16—24 см.

Среди керамического материала есть также и обломки нескольких толстостенных крышек для крупных сосудов с диаметром горла около 30 см.

Лощеная посуда представлена обломком серолощенного кубка с высокой ручкой, имеющей в верхней части выступ, и обломком маленькой подлощенной чашки с каннелюрованной поверхностью.

Большинство днищ сосудов при переходе к стенкам образует закраины. Днища без закраин редки, одно из них принадлежит довольно большому серолощеному сосуду.

Орнамент на керамике беден: семь фрагментов имеют веревочный орнамент. Один из обломков принадлежит острореберному сосуду. В одном случае отпечатками веревочки украшен налепной валик.

Архаический орнамент, по мнению О. А. Кривцовой-Граковой, из треугольных или вытянуто-округлых прямых вдавлений палочкой встречен на Обиточной 20 на нескольких фрагментах.

Так же редок орнамент из прочерченных линий. На обломке сосуда с отогнутым венчиком, выраженной шейкой и раздутым туловом, имеется орнамент в виде лепестков.

Редок орнамент, нанесенный зубчатым штампом по налепному валику. Ранняя форма орнамента — отпечатки трубочки, вероятно из кости. Три обломка, принадлежащие, очевидно, одному сосуду, имеют ногтевые вдавления.

Число фрагментов сосудов, орнаментированных валиками, не превышает 30. Валик чаще расположен непосредственно под венчиком (в 1—2 см),

а иногда и на самом венчике (на крупных сосудах), образуя утолщенный бортик.

На шести обломках налепной валик расположен на плечике сосуда с выделенным горлом и расширяющимся туловом, что характерно для сосудов белозерского типа.

Более чем на половине фрагментов валик расчленен пальцевоногтевыми вдавлениями, на шести — насечками, на двух — крупнозубчатым штампом. В шести случаях валик гладкий.

Валики чаще узкие и острые, лишь иногда очень массивны и грубы. Три фрагмента принадлежат сосудам с многоваликовой орнаментацией. Валики низкие и острые, гладкие.

На дне жилища найдена нижняя часть корпуса сосуда с опоясывающими его крупными округлыми валиками (сохранилось четыре ряда их). Несмотря на большое число валиков, они мало напоминают валики сосудов средней бронзы, которые обычно менее массивны.

Интересны два фрагмента сосудов с отогнутым венчиком, выделенным горлом и плечами, у которых снаружи по венчику нанесены пальцево-ногтевые вдавления. Такой способ орнаментации на сосудах эпохи поздней бронзы не част, но получает широкое распространение в скифское время¹¹.

В одном случае встречен валик с незамкнутыми концами, что более характерно для орнаментации сосудов белозерского периода поздней бронзы.

Рассмотрение форм и орнамента посуды поселения Обиточная 20 приводит нас к выводу о принадлежности этого поселения к сабатиновскому этапу срубной культуры Северного Причерноморья. Орнаментация баночных сосудов налепными валиками, острыми и узкими или, наоборот, очень крупными грубыми, характерна именно для керамики сабатиновского этапа.

Как и на других поселениях сабатиновского времени, на Обиточной 20 имеются обломки многоваликовой керамики — наследие эпохи средней бронзы.

Для определения времени Обиточной 20 важную роль играет обломок серолощенного кубка с высокой ручкой и выступом. Кубки с двумя подобными ручками обычны для поселений и могильников культуры Ноа в Румынии, синхронной сабатиновской¹². Такие же или сходные типы кубков встречаются и на самих сабатиновских поселениях¹³.

На поселении Обиточная 20 не найдено бронзовых вещей. Весь костяной инвентарь: шилья, проколки, иглы с зарубками в нерабочей части, тупики из челюстей животных находят аналогию на поселениях сабатиновского времени. На обиточной 20 найдена бабка с просверленным отверстием, как и на других поселениях сабатиновского времени: Волошском, Ушкалке и др.¹⁴

В культурном слое, прилегающем к жилищу, а также в самом жилище найдены мелкие изделия из кости: шилья, обломок тщательно изготовленного шила с длиной рабочего конца 3,5 см (общая длина 7,5 см).

Проколки сделаны главным образом из костяных отщепов. Таких прокопок найдено семь. Размер почти всех их одинаков — 7—8 см.

Иглы сделаны также на отщепах трубчатых костей. Характерная их особенность — наличие на верхнем конце с боков двух-трех зарубок для крепления нити. Подобных игл найдено три, длина их от 4,8 до 6 см.

В культурном слое поселения обнаружены четыре фрагментированных терочника.

¹¹ Б. Н. Граков. Указ. соч., стр. 76.

¹² E. Z. Petrescu, A. Alexandrescu. Săpăturile arheologice dela Sărat Monteoru, în cartea a analui 1950, SCIV, т. 1. București, 1951, стр. 159 и сл.

¹³ О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., стр. 129, рис. 29, 8—14.

¹⁴ О. В. Бодянский. Археологічні дослідження в межах порожистої частини Дніпра в 1947—1958 рр. АН. IV. Київ, 1952; Д. Я. Телегін. Указ. соч., стр. 8.

Кремневые изделия: два из них — нуклеидные отщепы: пять — небольшие скребочки с ретушью по рабочему краю. Имеются также обломки пяти ножевидных пластин со слегка подретушированными краями. Кремневый нож представляет собой массивную ножевидную пластину с высокой спинкой и тщательно отретушированными краями. Один конец ножа округлый, широкий, другой зауженный. Длина ножа 12,5 см.

Материал поселений, раскопанных в последние годы в Северо-Западном Причерноморье, позволяет не только подтвердить связь этого района с Северным Приазовьем, но установить единство в форме и орнаментации основных типов керамики и орудий, а также в приемах домостроительства.

В отсутствии на обиточенских поселениях лощеной посуды, связанной, вероятнее всего, с западным влиянием, мы можем усматривать постепенное ослабление влияния западных культур от Днепра к востоку в сабатиновское время. О. А. Кривцовой-Граковой отмечены особенности в расположении валика на обиточенских сосудах — под самым краем или на венчике. Как выясняется, для обиточенской керамики мало характерен и отгиб венчика наружу. Эти отличия необходимо учитывать при характеристике керамики обиточенского типа, они говорят о некотором своеобразии обиточенского варианта, выделенного О. А. Кривцовой-Граковой.

Обиточная 20 и Обиточная 12 относятся к одному времени, соответствующему сабатиновскому в Северо-Западном Причерноморье (нижнему слою Ушкалки). Может быть, Обиточная 20 является памятником более ранним, чем Обиточная 12. Об этом свидетельствует малое число сосудов, орнаментированных валиками, наличие древних видов орнаментации вервочной и ямочной разного вида, а также присутствие многоваликовой керамики.

В. И. МАМОНТОВ

ПОДЪЕМНЫЙ МАТЕРИАЛ С ПЯТИМОРСКОЙ СТОЯНКИ

В послевоенные годы в связи со строительными работами в зоне будущего Цимлянского моря и Волго-Донского канала им. Ленина были исследованы многочисленные памятники прошлого. Но ряд поселений, курганных могильников остались в стороне от исследователей. Одним из таких памятников является Пятиморская стоянка, которая стала предметом широкого изучения Волгоградского отряда в сезон 1965 г.

Сведения и некоторый подъемный материал со стоянки поступили в адрес музея от жителя Пятиморска Калачевского р-на Волгоградской обл. краеведа Э. Ф. Приходько.

Отряд побывал несколько раз на «островах» этой стоянки. Они находятся в 5 км на ЮЮЗ от Пятиморска, в окрестностях шлюза № 13 (рис. 39). Выяснено со слов жителей, что эти острова, образовавшиеся после заполнения долины р. Карповки водами Цимлянского моря, ранее представляли мысы, выступы и небольшие возвышенности извилистого берега реки.

В результате размыва культурного слоя керамика, кремневые изделия и т. д. встречались прямо на песчаных отмелях островов.

Отрядом были исследованы четыре острова и часть береговой полосы по старому руслу Карповки. Собран большой подъемный материал. Ниже будут рассмотрены наиболее интересные находки.

Особенно обильными были сборы кремневого инвентаря. Из всей массы кремневых орудий и рабочих отходов хорошо выделяются следующие группы предметов, характерные, на наш взгляд, не только для периода эпохи бронзы и энеолита, но, видимо, для предшествующего периода этого района. Это прежде всего:

1. Нуклеусы с хорошо выраженными ударными площадками и плоскостями, оставшимися после сколов острий или ножевидных пластинок (рис. 40, 1, 2, 3).

2. Кремневые и кварцитовые отщепы. Некоторые со слабой подправкой по краю.

3. Резцы кремневые, с небольшим «зубчиком» на конце. Трапециевидные в сечении. Толщина в среднем 0,2—0,15 см (рис. 40, 4).

4. Ножевидные пластинки. Треугольные и трапециевидные в сечении. На некоторых пластинках — тонкая боковая ретушь. Большие пластинки — типичный могильный инвентарь погребений эпохи бронзы Нижнего Поволжья, Дона и Калмыкии. Здесь на стоянке у Пятиморска, кроме того, встречены несколько очень мелких пластинок, характерных для неолита (рис. 40, 7).

5. Концевые скребки. Почти все с гладким брюшком и тремя плоскостями на слегка изогнутой спинке. Рабочая часть мелко отретуширована. Аналогии концевым скребкам Пятиморской стоянки можно найти не только

в придонских районах, но и на поселениях Волги¹, на дюнных стоянках Калмыкии. По-видимому, этот вид кремневого орудия имел широкое распространение среди племен междуречья (рис. 40, 5).

6. Кремневые тесла и топорики подтреугольного очертания. Характерны для неолитических находок на Волге и Дону (рис. 40, 8—11). Топорику же (рис. 40, 9) есть полная аналогия — топорик с боковыми сколами по обеим сторонам, найденный на «Песковой горе» у р. Хопра, притока Дона².

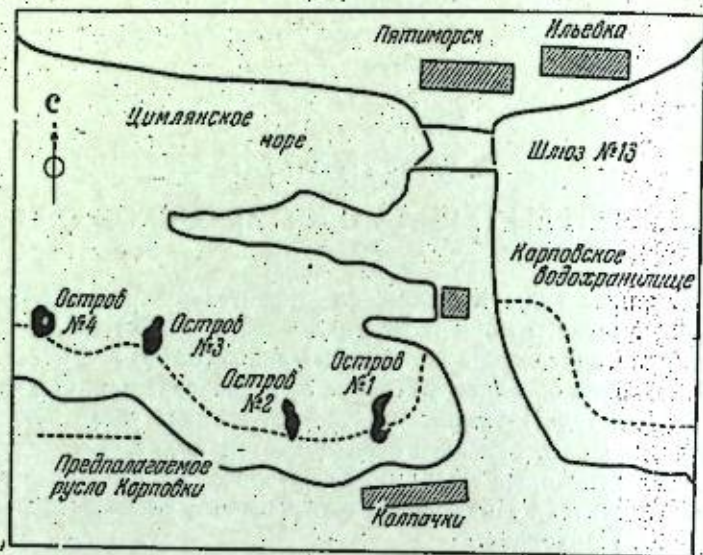

Рис. 39. План Пятиморской стоянки

7. Скрепки малые (рис. 41, 1) и большие, овального и сегментовидного очертания (рис. 41, 2). Аналогичные округлые скрепки были частой находкой на поселениях в зоне затопления Цимлянского моря³. Встречен аналогичный округлый скребок и на стоянке Быково 1⁴, у Камышина.

8. Многочисленные фрагменты ножевидных пластинок (рис. 42, 1), острья.

9. Кремневые вкладыши состоят из группы вкладышей трапециевидной формы, обработанные ретушью со стороны спинки, на скошенных краях, в сечении подтреугольные, и одного сегментовидного вкладыша. Они напоминают некоторые мезолитические и неолитические находки в Поволжье и на дюнах в калмыцких степях⁵, на Нижне-Шиловской стоянке⁶ (рис. 41, 3).

10. Оружие: а) Наконечник дротика листовидной формы длиной 6,5 см. Основание слегка выгнуто, с небольшими шипиками по боковым сторонам, сечение ромбовидное. Ретушь проходит от центральной грани, идущей

¹ Т. Б. Попова. Памятники срубной культуры в окрестностях села Быково. МИА, № 78, 1960, стр. 273, рис. 4, 13, 17, 29; И. В. Сидицын. Кремневые орудия с дюнных стоянок Калмыцкой области. «Известия Нижне-Волжского института краеведения им. Горького», т. IV. Саратов, 1931, табл. 1, стр. 98 (рис. 6, 9, 10).

² Т. Минаева. Кремневая индустрия Нижнего Поволжья. «Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения», вып. 36, ч. 1. Саратов, 1929, стр. 5, рис. 1, а.

³ Н. И. Ляпушкин. Археологические памятники зоны затопления Цимлянского водохранилища. МИА, № 62, стр. 233, рис. 5; стр. 237, рис. 9.

⁴ Т. Б. Попова. Указ. соч., стр. 273; Т. Минаева. Указ. соч., стр. 9, рис. 3, а.

⁵ И. В. Сидицын. Указ. соч.

⁶ А. А. Формозов. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа. МИА, № 102, 1962, стр. 133, рис. 18; стр. 133, рис. 19; Н. О. Бадер. Варианты культуры Кавказа конца верхнего палеолита и мезолита. СА, № 4, 1965, стр. 10, рис. 4.

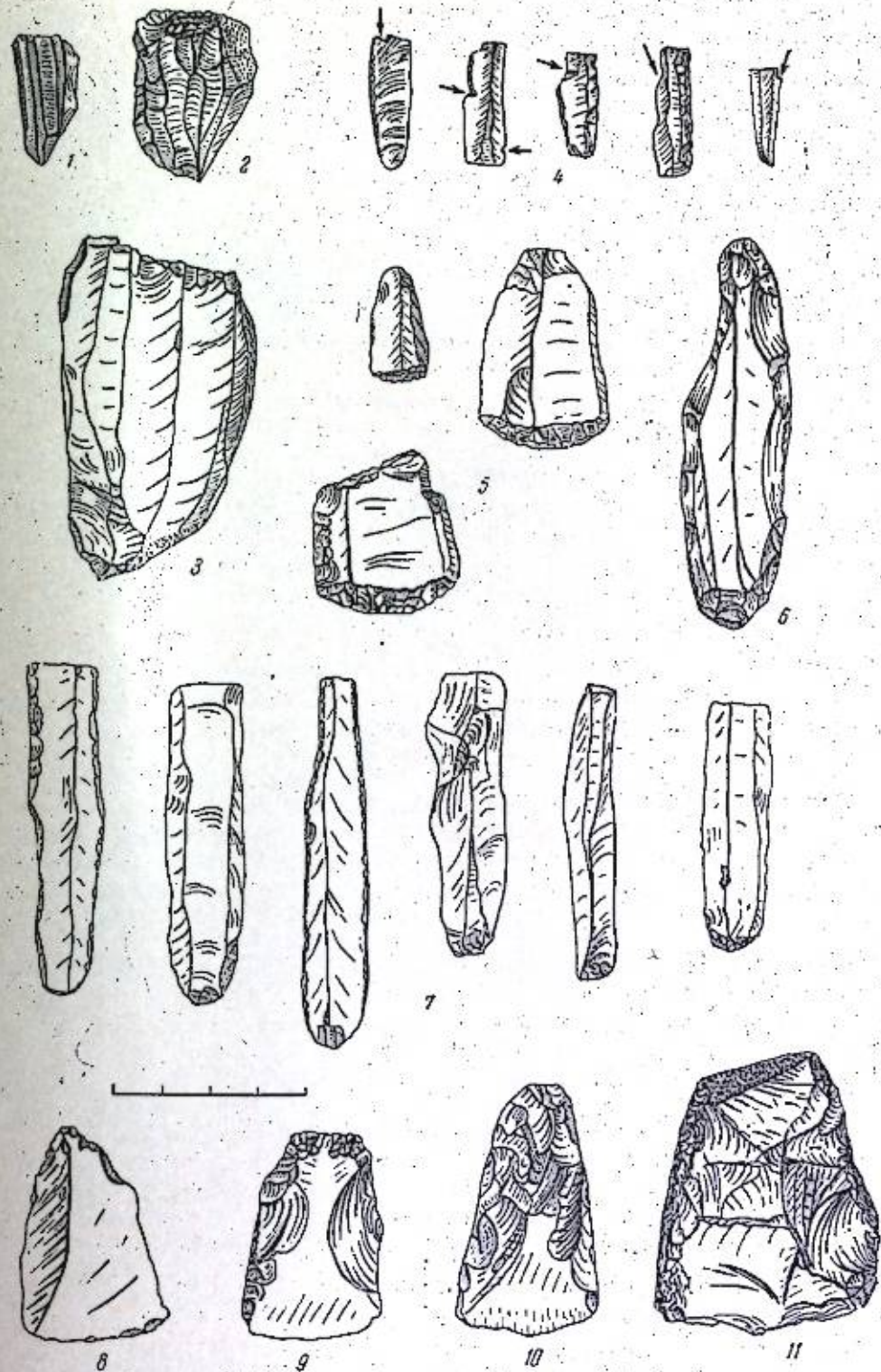

Рис. 40. Кремневый инвентарь Пятиморской стоянки

1, 2, 3 — нуклеусы; 4 — резцы; 5 — концевые скребки; 6 — отжимник; 7 — ножевидные пластины; 8—11 — кремневые тесла, топорики (1, 2, 4, 5, 8, 10 — остров 1; 9 — остров 2; 3, 6, 7, 11 — остров 3)

Рис. 41. Кремневый инвентарь Питиморской стоянки

1, 2 — скребки; 3 — вкладыш; 4 — наконечник дротика; 5 — скребель; 6 — наконечник стрелы; 7 — фрагмент 1 наконечника стрел (4 — острок 1; 1, 6, 7 — острок 2; 1, 2, 3, 5 — острок 3)

щей по средней части наконечника, к боковым граням. Отделка грубая (рис. 41, 4). Аналогичные по форме и способу изготовления, только наконечники стрел, были встречены в Придолье в погребении 4 кургана 8 Археологического могильника, что находится в районе р. Медведицы — притока Дона⁷. Погребение относится к срубной культуре и датируется XV—XIV вв. до н. э.

Но хотелось бы добавить, что данный тип наконечника дротика находит удивительную по точности аналогию и в поселениях турбинской культуры гаринского типа раннего времени (например, из поселения Боровое озеро III)⁸.

б) Кремневый наконечник стрелы с глубокой выемкой у основания. Длина 2,5 см (рис. 41, 6). Края наконечника тщательно отретушированы. Один шип несколько длиннее другого. Аналогичен находкам в погребениях катакомбной культуры Нижнего Поволжья, Калмыцких степей и Прикаспия.

в) Фрагменты кремневых и кварцитовых наконечников стрел (рис. 41, 7). Аналогии им неоднократно встречены в срубных погребениях Поволжья, а также отмечены в турбинской культуре (например, в поселении Бор 1)⁹.

10. Кремневые острия. Некоторые — с боковой ретушью по обоим сторонам острия. Встречены многочисленные аналогии на Северном Кавказе¹⁰ (рис. 42, 1).

11. Кремневый отжимник (рис. 40, 6).

12. Кремневый скребель с полукруглой рабочей выемкой (рис. 41, 5).

Несомненно, интересен и каменный инвентарь, собранный на островах стоянки:

1. Фрагменты точильных камней с одной рабочей поверхностью из красноватого песчаника.

2. Терочки со следами использования на закругленных концах (рис. 42, 7, 9; рис. 44, 10).

3. Обломки диоритовых топоров.

4. Большое каменное грузило овальной формы. Плоское. Посреди грузила проходит паз (выемка), видимо, для крепления веревки (рис. 42, 2).

5. Малые грузила из гальки: круглое, диаметр 5,5 см (рис. 42, 3), плоское и вытянутое с узким пазом в верхней части, видимо, для привязывания к сети (рис. 42, 4, 6).

6. Точильный камень из песчаника (возможно, зернотерка), с двумя рабочими плоскостями: главной и боковой. Имеет вид вытянутой капли. Длина 26,2 см, ширина 9 см, высота 4 см (рис. 42, 8).

Как было указано выше, больше всего было найдено фрагментов керамики, которые усевали песчаные отмели островов и были также подняты с небольшой глубины Цимлянского моря.

Все собранные фрагменты можно разделить на две группы: керамику эпохи бронзы и средневековья. Но наиболее значительной группой, надо сказать, является группа первая, т. е. фрагменты керамики эпохи бронзы, которая представлена в основном крупными частями больших сосудов лепной работы.

Обращают на себя внимание единичные находки фрагментов, которые, видимо, относятся к более раннему периоду (рис. 43, 1, 2, 3). Тесто в изломе темное, слоистое, с обильным вкраплением битой ракушки. Толщина

⁷ В. П. Шилов. Проблемы освоения степей Нижнего Поволжья в эпоху бронзы. «Археологический сборник», № 6, Л., 1964, стр. 93, рис. 6.

⁸ О. Н. Бадер. Могильник турбинского типа, их возраст и связь с поселениями. «Археологический сборник», № 6, стр. 110—112, рис. 4, 4; стр. 113, рис. 5, 4.

⁹ О. Н. Бадер. Поселения Турбинского типа в Среднем Прикаспье. МИА, № 99, 1961, стр. 62, рис. 31, 3.

¹⁰ О. Н. Бадер. Варианты культуры Кавказа конца верхнего палеолита и мезолита, стр. 8, рис. 4.

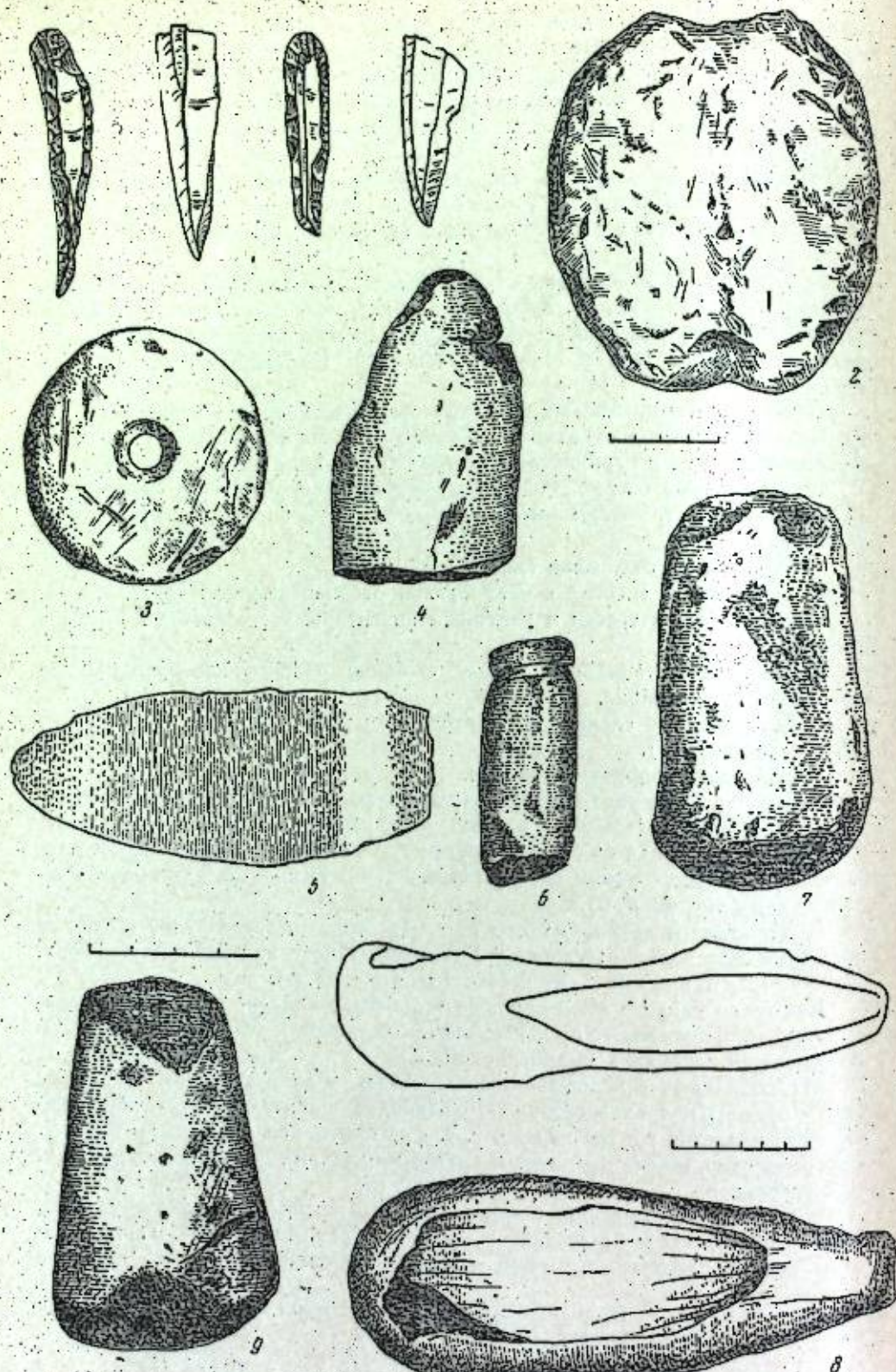

Рис. 42. Подъемный материал с Пятиморской стоянки
 1 — кремневые острья; 2 — большое грузило; 3, 4, 6 — малые грузила; 5 — медный кованый нож; 7, 9 — те-
 рочники; 8 — зернотерка (?) (1, 7 — остров 1; 4, 9 — остров 2; 3, 5, 6, 8 — остров 3)

фрагментов в среднем 5—6 мм. Диаметр сосудов по венчику составлял, ви-
 димо, 18 см. По черепкам проходят серии волнистых и ломаных линий,
 выполненных концом острья. Профиль некоторых относительно крупных
 фрагментов показывает, что, очевидно, сосуды были остродонные. Такой же
 орнамент, выполненный методом «отступающей лопаточки», встречается на
 сосудах неолита. Примером могут служить фрагменты неолитической кера-
 мики со стоянки Одищи Черноморского побережья Кавказа¹¹, имеются
 аналогии в неолитических поселениях Челябинской обл. (Чебаркуль, Аб-
 селямовская)¹².

Сосуды с таким же «неолитическим обликом», по словам Н. Я. Мерпер-
 та, относятся к «весьма архаическим памятникам» энеолита и отмечены в
 Подонье и Нижней Волге¹³ в памятниках, относящихся, видимо, к рубежу
 позднего неолита и энеолита, т. е. для этого района — рубеж IV—III ты-
 сячелетий до н. э.

Значительную группу фрагментов керамики составляют сборы фрагмен-
 тов остросереберных сосудов, украшенных орнаментом, или порой без него.
 Это группа фрагментов от сосудов, которые согласно О. А. Кривцовой-Гра-
 ковой, можно отнести к ранней стадии развития срубной культуры¹⁴.

Диаметры сосудов, фрагменты которых были собраны на Пятиморской
 стоянке, по венчику составляли 13—24 см. Толщина фрагментов от 0,6 до
 1,2 см. В основном тесто хорошо обожжено, но встречен ряд фрагментов с
 неровным обжигом, где слои глины в изломе окрашены в красноватый или
 бледно-розовый цвет. В состав теста входит мелкобитая ракушка, песок, ку-
 сочки извести, резаная трава, шамот. На поверхности черепков хорошо
 видны следы сглаживания бессистемного или направленного от венчика к
 ребру, от ребра к доньшку. Встречаются и следы пальцев мастера, формо-
 вавшего сосуд.

Вторая группа сосудов, судя по найденным фрагментам, представлена
 сосудами баночной формы, «которые, появляясь в конце II тысячелетия
 до н. э., вероятно, бытуют вплоть до начала железного века»¹⁵.

Сюда, видимо, можно отнести и сосуды баночного типа со слегка вы-
 пуклыми боками и прямым или немного отогнутым венчиком. Фрагменты
 керамики такого типа и встретились во время поисков отряда.

Фрагменты сосудов этой группы имеют в среднем толщину 0,6—1,2 см.
 Диаметры колеблются от 11 до 28 см по венчику. Тесто в изломе черное,
 пористое, но хорошо обожженное. К тесту в ряде случаев были примешаны
 песок, мелкие частицы извести, битая ракушка и в одном случае — дрова.
 На поверхности черепков хорошо видны следы сглаживания пучком травы
 от венчика к доньшку.

Наиболее характерными для Пятиморской стоянки были следующие
 фрагменты керамики:

1. Фрагмент сосуда с отогнутым наружу венчиком. Несколько ниже
 края венчика идут короткие косые насечки, проведенные концом острья
 (рис. 43, 13). Аналогичный орнамент встречен на другом фрагменте
 (рис. 45, 10).

¹¹ А. А. Формозов. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа.
 МИА, № 102, 1962, стр. 125, рис. 14.

¹² Г. Н. Матюшин. Следы мезолитических слоев на неолитических стоянках
 Южного Урала и Зауралья. «Памятники каменного и бронзового веков Евразии». М.,
 1964, стр. 29, рис. 4, 2, 6.

¹³ Н. Я. Мерперт. Энеолит степной полосы Европейской части СССР. «Actes
 du Symposium consacré aux problèmes du Néolithique européen. Editions de l'Académie tchi-
 cossovaque des Sciences». Praha, 1961, стр. 167.

¹⁴ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. «Тру-
 ды ГИМ», вып. XVIII, 1948, стр. 153; В. П. Шилов. Проблемы освоения сте-
 пей..., стр. 100.

¹⁵ В. П. Шилов. Проблемы освоения степей..., стр. 100.

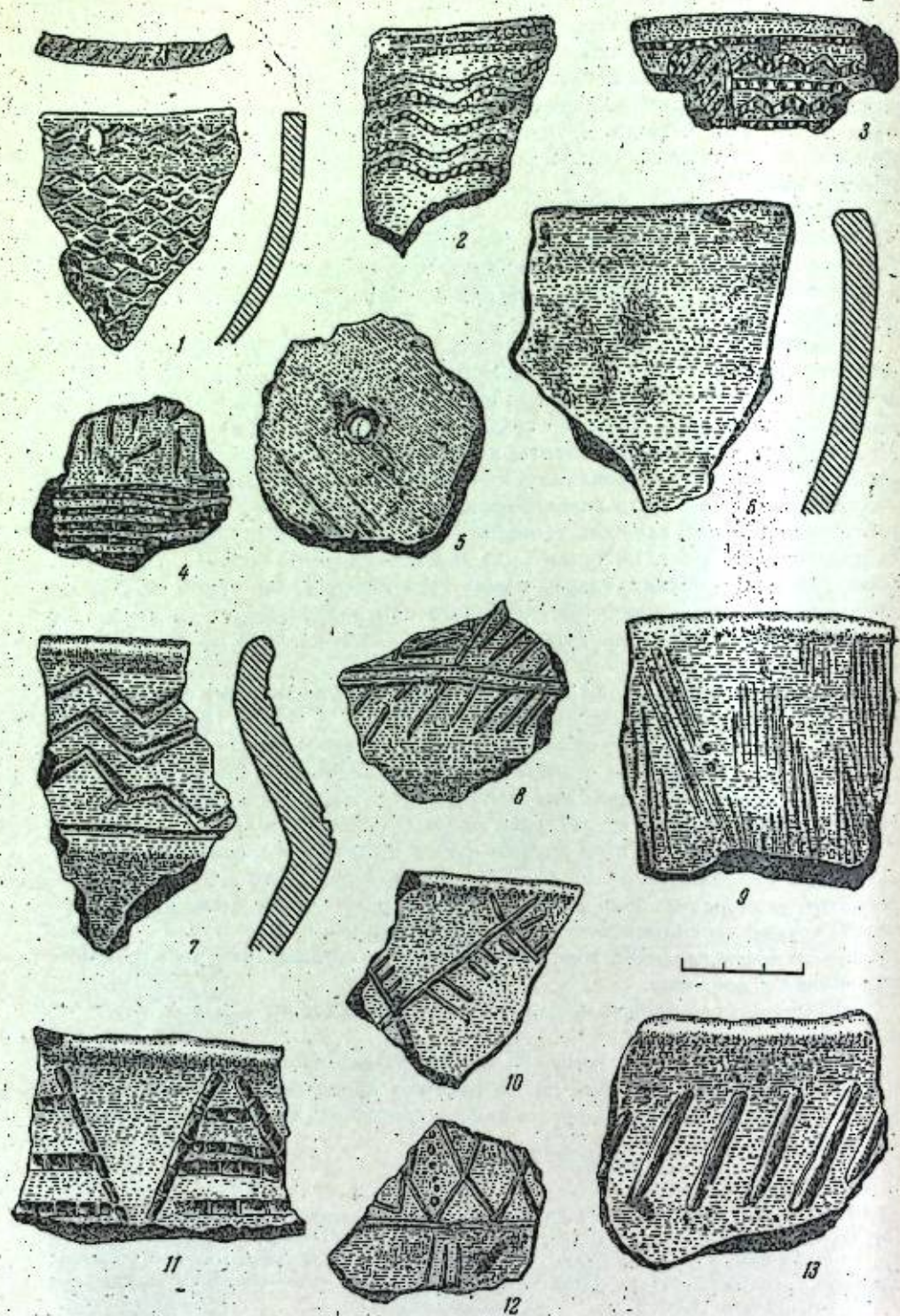

Рис. 43. Фрагменты керамики Пятиморской стоянки

4 — остров 1; 4, 5, 7—12 — остров 2; 1—3 — остров 3

2. Фрагмент сосуда со слегка округлым туловом и венчиком, немного отогнутым наружу. По верхней части венчика проходят косые насечки. Такой же пояс идет несколько ниже по тулову (рис. 44, 6). Аналогии указанным случаям можно найти на поселениях Дона¹⁶.

3. Фрагмент сосуда, по ребру которого проходит неровный ряд подтреугольных вдавлен, сделанных концом остря. Венчик сломан в древности и сглажен (рис. 44, 5).

4. Фрагмент орнаментированного сосуда. Здесь на некотором расстоянии вниз отходят углы с взаимопараллельными сторонами. По верхней части венчика, шириной 0,8 см, проходят косые насечки, выполненные крупнозубчатым штампом. Отпечатались по два «зубца» штампа (рис. 44, 4). Аналогичен орнамент на фрагментах, найденных на другом острове (рис. 45, 3, 4).

5. Фрагмент сосуда с сильно отогнутым венчиком и острым ребром. Несколько выше ребра проходит линия, идущая параллельно венчику. А черные линии (рис. 43, 7).

Хотелось бы отметить, что подобного рода фрагмент керамики очень напоминает сосудики абашевского типа, встреченные в ряде случаев в Приамурье и Поволжье, что, несомненно, свидетельствует о проникновении племен абашевской культуры в эти районы¹⁷.

6. Фрагмент сосуда со слегка округлым туловом, по верхней части которого нанесены несколько скошенные насечки, идущие на большом расстоянии друг от друга (рис. 44, 7).

7. Крупный фрагмент остросерберного сосуда, верхняя часть которого украшена ломаными линиями, шедшими, видимо, от венчика к ребру и проведенными концом остря. Нижняя часть тулова сосуда была покрыта следами сглаживания — от ребра ко дну (рис. 45, 2).

8. Фрагмент сосуда, по ребру и венчику которого проходит неглубокая, прочерченная остряем выемка. Площадь между линиями заполнена взаимоперекрывающимися короткими черточками — так называемыми гусеницами (рис. 45, 6).

9. Фрагмент сосуда, орнаментированного в несколько линий зубчатым штампом. В верхней части фрагмента — короткие насечки, нанесенные концом остря (рис. 43, 4).

10. Фрагмент остросерберного сосуда, по ребру которого проходят две параллельные линии, площадь рядом с ними заполнена наклонными насечками (рис. 43, 8).

11. Фрагмент венчика. Орнаментирован углами, от сторон которых отходят короткие разновеликие линии (рис. 43; 10).

12. Фрагмент венчика остросерберного сосуда. Орнаментирован углами, стороны которых выполнены крупнозубчатым штампом. Внутренняя площадь углов заполнена параллельными линиями, исполненными тем же штампом (рис. 43, 11).

13. Небольшой фрагмент остросерберного сосуда, орнаментированного по ребру прямой линии, проведенной остряем. В верхней части черепка — ромбы, обращенные углом, составленные короткими сторонами к ребру. Оди ромб заполнен вертикальным рядом неглубоких точек. От линии вниз прочерчены три риски (рис. 43, 12).

¹⁶ И. И. Ляпушкин. Археологические памятники..., стр. 232, рис. 4.

¹⁷ П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Абашевская культура в Поволжье. МИА, № 97, 1961, стр. 67, 91. П. Д. Либеров. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М., 1964, стр. 19 и сл.; В. П. Шилов. Отчет о раскопках Астрахановской экспедиции в 1959 г.; К. Ф. Смирнов. Быковские курганы. МИА, № 78, 1960, стр. 181, рис. 6, 14.

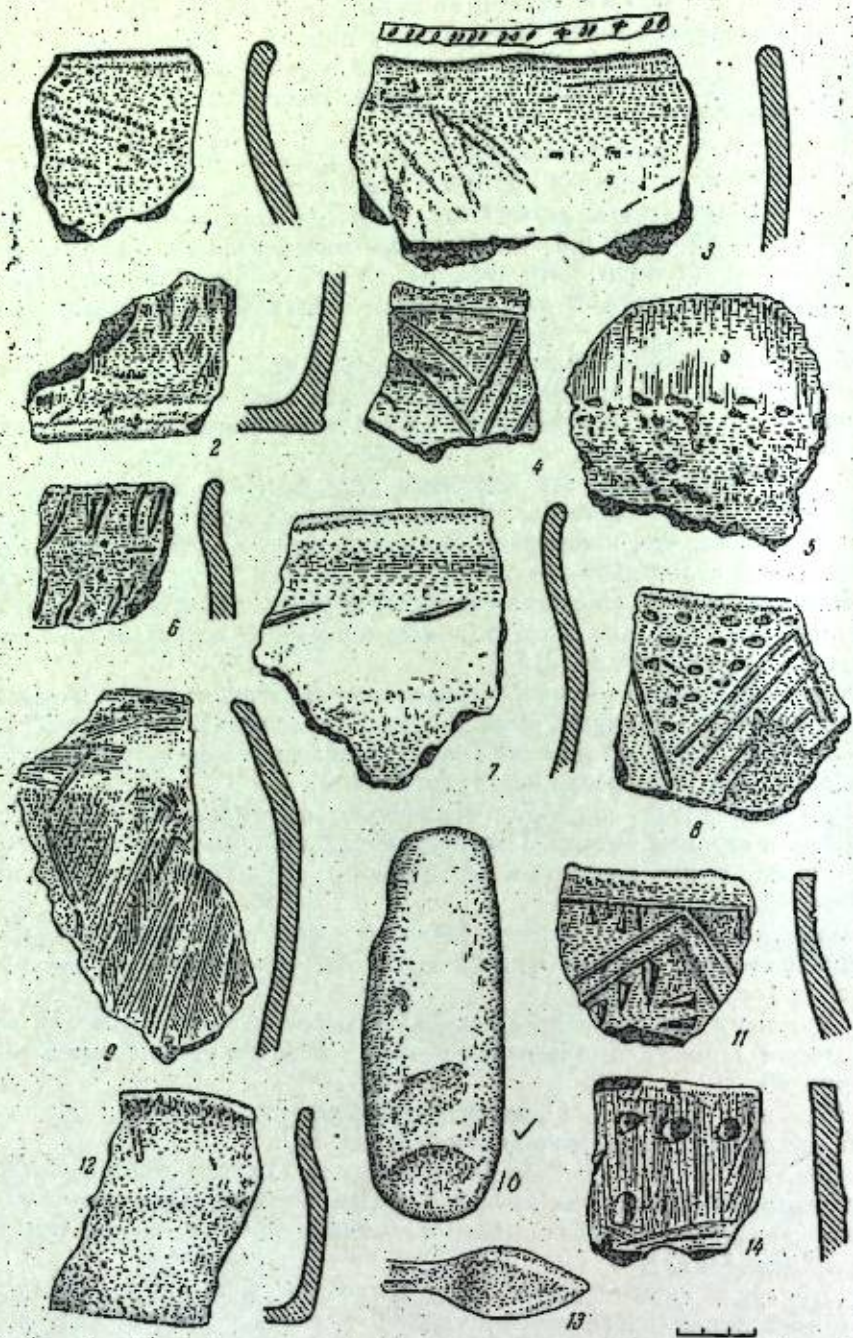

Рис. 44. Подъемный материал с Пятиморской стоянки
 1-9, 11, 12, 14 — фрагменты керамики; 10 — каменный пест; 13 — бронзовый наконечник дротика (1, 2, 11, 13 — остров 1; 3-7, 12, 14 — остров 2; 8-10 — остров 3)

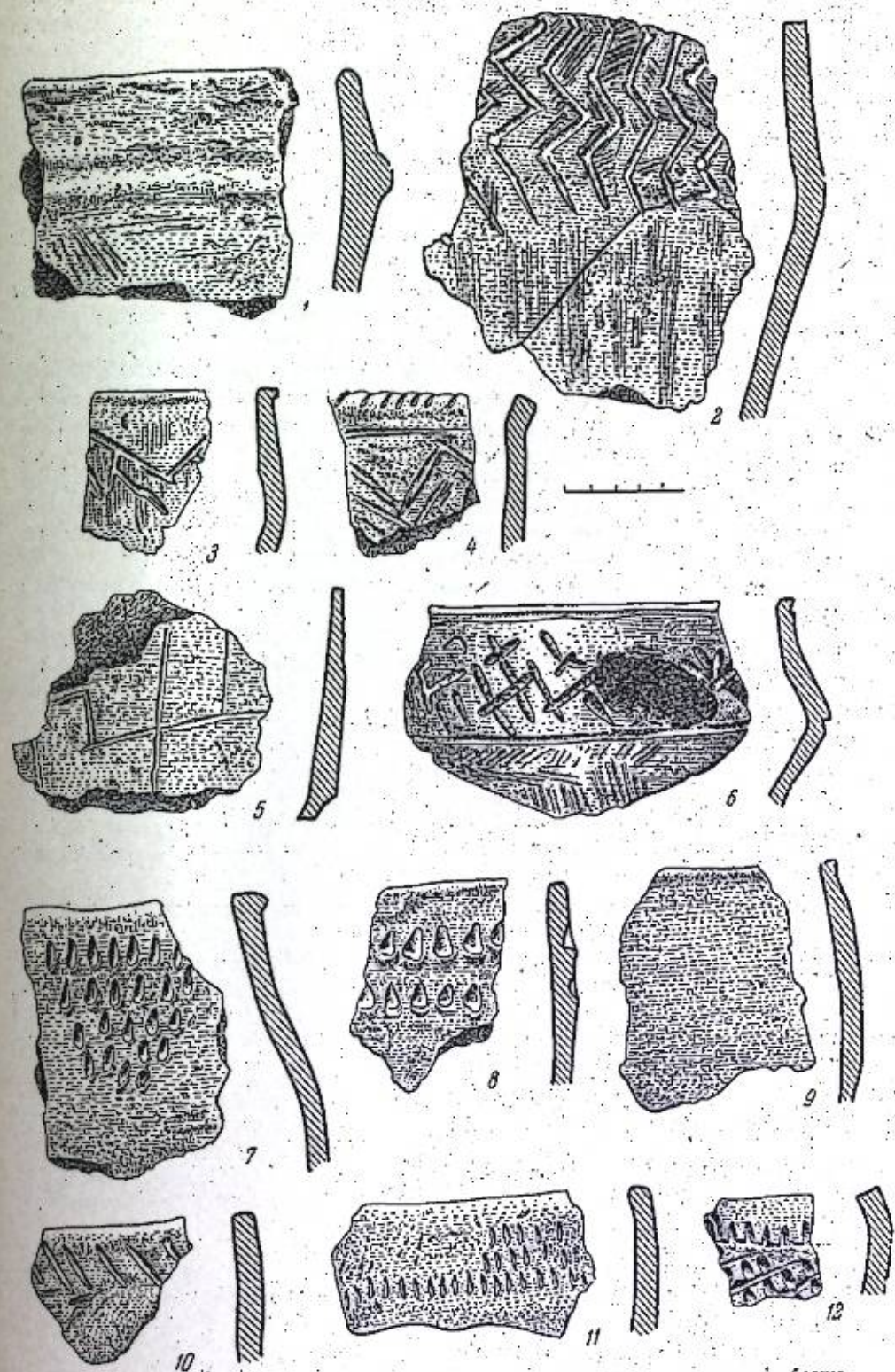

Рис. 45. Подъемный материал с Пятиморской стоянки. Фрагменты керамики собраны на острове 3

14. Фрагмент острорезерберного сосуда (венчик). Украшен бороздкой, идущей на некотором расстоянии от венчика, к которой подходят углы со взаимопараллельными сторонами. Кроме того, по тулову нанесены треугольные насечки, выполненные концом острия (рис. 44, 11).

15. Фрагмент сосуда со следами сглаживания штампом. По краю венчика проходят грубые вдавления, выполненные кончиком пальца (рис. 44, 14).

16. Фрагмент венчика, украшенного углами с тремя параллельными сторонами. Внутренняя площадь угла заполнена параллельными рядами выемок ногтем (рис. 44, 8).

17. Фрагмент толстостенного сосуда. Орнаментирован взаимоперекрывающимися бороздками (рис. 45, 5).

18. Фрагменты сосудов с выпуклым туловом. Украшены орнаментом в виде параллельных линий или углов, выполненных концом палочки или кончиком ногтя (рис. 45, 7, 8, 11).

19. Фрагмент толстостенного острорезерберного сосуда. Орнаментирован бороздкой, идущей по ребру, а также косыми линиями, идущими под углом к этой бороздке. Пространство между ними заполнено углублениями, выполненными двузубчатым штампом (рис. 45, 12).

20. Фрагменты баночных сосудов без орнамента (рис. 43, 6; 44, 1; 45, 9).

21. Фрагмент венчика большого баночного сосуда, возможно миски. На черепке отмечены отпечатки пальцев мастера при формировании сосуда. По верхнему краю венчика идет ряд косых насечек и крестиков (рис. 44, 3).

22. Фрагменты сосудов со следами сглаживания штампом или травой (рис. 43, 9; 44, 9).

23. Донышки, найденные на островах стоянки, были с зашипами по краю, значительно утолщенные по сравнению со стенками сосуда (рис. 44, 2).

24. Фрагмент небольшого баночного сосуда со слегка округлым туловом и отогнутым наружу венчиком (рис. 44, 12).

Как видно из описанной выше коллекции фрагментов Пятиморской стоянки, они находят себе достаточно четкие аналогии на стоянках и в погребениях развитой бронзы районов Дона и Волги¹⁸.

Надо отметить и находку небольшого глиняного грузила, сделанного из обломка сосуда неправильной округлой формы, с отверстием в средней части (рис. 43, 5).

Заключает всю большую группу фрагментов керамики эпохи бронзы массивный фрагмент толстостенного сосуда диаметром 31 см и толщиной 1,3 см. По поверхности черепка идут следы сглаживания, а на расстоянии 2,5 см от края венчика проходит напечной валик шириной 1,2 см (рис. 45, 7). Такие сосуды хорошо известны в поселениях Поволжья и Придонья и являются их поздней датировкой: конец II — начало I тысячелетия до н. э.¹⁹

Наконец, последней интересной находкой эпохи бронзы является медный кованый нож листовидной формы, с черенком, сломанным в древности (рис. 42, 5), и наконечник дротика из бронзы. Он тоже листовидной формы, с согнутым в древности черенком (рис. 44, 13). Такие ножи и наконечники дротиков встречены в ряде погребений срубной культуры Поволжья²⁰.

¹⁸ И. И. Ляпушкин. Археологические памятники..., стр. 231, 232, рис. 4. А. Д. Столяр. Раскопки курганов у хутора Попова в 1950—1951 гг. МИА, № 62, 1958, стр. 380, рис. 21; стр. 402, рис. 38; П. Д. Либеров. Указ. соч., стр. 31, рис. 13; стр. 45, рис. 22; В. П. Шилов. Проблемы освоения степей Нижнего Поволжья в эпоху бронзы, стр. 68; И. В. Силицын. Древние памятники в низовьях Еруслана. МИА, № 78, 1960; Т. Б. Попова. Указ. соч.

¹⁹ К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 246.

²⁰ И. В. Силицын. Археологические исследования Заволжского отряда. МИА, № 60, 1959, стр. 88 (рис. 24, 6, 7); он же. Древние памятники в низовьях Еруслана, стр. 77 (рис. 29, 13).

Кроме подъемного материала, относящегося, видимо, к неолиту, энеолиту и эпохе бронзы, на островах Пятиморской стоянки собран материал, относящийся к средневековью. Это прежде всего фрагменты керамики, аналогии которой можно найти в изобилии на донских поселениях в зоне затопления Цимляйским морем (Суворовское, Карнауховское, хутор Малое Набатовское и других поселениях), а также во время раскопок Саркела²¹.

Этот монеты серебряные и бронзовые золотоордынского времени, фрагменты нашивных бляшек и пряжек, характерных для времени поздних кочевников, и т. д.

Но, пожалуй, самой интересной находкой этого периода было грунтовое погребение позднего кочевника, случайно обнаруженное на одном из островов (4). Оно было сильно испорчено и частично размыто паводковыми водами. Рядом с погребенным находились фрагменты железного предмета, кость животного и два фрагментированных сосуда. На одном из них после реставрации была обнаружена своеобразная тамга, напоминающая фигуру бегущего человека с широко расставленными руками и ногами. Элементы такой тамги не часто встречаются на позднекочевничьей керамике и поделках.

Краткий обзор подъемного материала Пятиморской стоянки показывает, насколько интенсивным было заселение этого района Придонья с периода неолита до средневековья включительно. Междуречье с древних времен привлекало внимание племен. Несомненно, находки кремневых и керамических изделий, которые находят себе аналогии на Кавказе, Причерноморье или верховьях Волги, подтверждают мысль о существовании экономических связей и, видимо, отдельных перемещениях племен через этот район.

²¹ М. И. Артамонов. Саркел-Белая Вежа. МИА, № 62, 1958, стр. 32, 37; И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. МИА, № 62, 1958, стр. 112; он же. Средневековое поселение близ ст. Суворовской. МИА, № 62, 1958, стр. 327—330.

В. И. САРИАНИДИ

НОВЫЕ РАСКОПКИ НА ХАПУЗ-ДЕПЕ

Геоксюрский отряд археологической экспедиции ИА АН СССР в 1966 г. производил раскопки древнеземледельческого поселения Хапуз-депе, расположенного на правом берегу р. Теджен в юго-восточных Каракумах¹. Основная задача отряда заключалась в исследовании археологических слоев эпохи бронзы и изучении принципов орошения у древних земледельцев долины р. Теджен в это время. Для решения этих вопросов на поселении был заложен раскоп и несколько специальных траншей и шурфов.

Хапуз-депе имеет в плане подчетырехугольную форму. При визуальном осмотре поселения были обнаружены два пункта, возможно, связанные с медеплавильным делом. Очевидно, здесь находились металлургические горны, о чем свидетельствуют сохранившиеся в большом количестве отходы медеплавильного производства: глиняные обломки льячек, шлаки. К сожалению, сами горны были полностью разрушены к моменту раскопок.

Еще во время работ 1962 г. на поселении Хапуз-депе нами были расчищены две керамические печи². Третья печь была раскопана в 1966 г. Она круглая в плане (80 × 75 см) и сложена из кирпичей, поставленных на ребро. Торцовые части их разведены, что позволило вывести круглое в плане сооружение. Сохранилась лишь топка, сильно ошлакованная изнутри, глубина ее 130 см, сверху заполнена надувным песком, а ниже до самого пола — зольной засыпкой, в которой найдены фрагменты бракованной посуды типа Намазга V. Опорного столба внутри топки не было.

Необходимо отметить малые размеры горнов на Хапуз-депе; керамические печи этого же времени на таких «столичных» поселениях, как Намазга-депе и Алтын-депе, отличаются значительно большими размерами. Очевидно, керамические печи Хапуз-депе были рассчитаны в основном на удовлетворение внутренних потребностей жителей данного поселка, в то время как керамическая продукция Алтын-депе и Намазга-депе расходилась далеко за их пределы. Периферийное расположение Хапуз-депе, удаленность от других древнеземледельческих поселений Южного Туркменистана сильно ограничивали спрос на продукцию местных керамистов. Сразу же следует отметить определенный «налет провинциализма» и в мотивах росписи посуды этого поселения. Например, в сравнении с одновременной керамикой Алтын-депе посуда из Хапуз-депе украшена более скромными рисунками, варианты ее росписи весьма немногочисленны.

¹ В работах экспедиции принимали участие: В. И. Сарияниди (начальник отряда), К. А. Качурис (руководитель ахеменидской группы), Г. Н. Лисицына (руководитель геоморфологической группы), археологи С. С. Ширинский, Ю. М. Десятников, студенты кафедры археологии МГУ: Е. Антонова, Л. Прищепенко и И. Стенкевич.

² В. И. Сарияниди. Хапуз-депе как памятник эпохи бронзы. КСИА, вып. 106, 1964, стр. 60—65.

В восточной части поселения располагается ровный, несколько пониженный участок, своеобразная «площадь». Такие «площади» известны на поселениях Алтын-депе, Намазга-депе и некоторых других. Однако до сих пор специальным раскопкам они не подвергались. В 1966 г. на предполагаемой «площади» Хапуз-депе нами было заложено несколько траншей.

Изучение разрезов траншей 2, 3, 4 и 6 (см. рис. 47) показало, что это понижение заполнено сверху делювиальными отложениями, содержащими культурные остатки (угли, кости, куски обожженных кирпичей и обломки керамики) и перекрывающими в краевой части культурные слои времени Намазга IV и V. Мощность этого делювиального слоя значительно увеличивается от краев к центру, а в центральной части (траншея 6) замещается песком, вскрытым до глубины 2 м. Очевидно, древняя поверхность этой пониженной части в центре находится более чем на 2 м ниже современной. Соотношение основных стратиграфических слоев, вскрытых траншеями, позволяет считать, что по крайней мере уже в пору Намазга IV здесь был не застроенный и, как сейчас, пониженный участок. Позднее (время Намазга V) он также не был застроен и уже тогда постепенно заносился песком, о чем красноречиво свидетельствуют остатки кострища с керамикой типа Намазга V в слое песка в траншее 6. Было ли это понижение «площадью» или оно являлось загоном для скота, пока выяснить не удалось, несомненно лишь, что оно существовало в древности и было окружено жилыми постройками.

Раскоп 1 был заложен в северной части поселения. Сверху непосредственно от дневной поверхности на глубину одного штыка идут частично переложенные культурные слои с небольшим количеством золы, угольков, мусора, кусков краснообожженного кирпича. Местами прослеживаются плохо сохранившиеся обрывки стен и промазки полов. Не вызывает сомнения, что это остатки верхнего строительного горизонта, который практически совершенно не сохранился. В этом слое, кроме фрагментов расписной керамики типа Намазга IV, найден металлический наконечник дротика и, что особенно интересно, рыболовный крючок, почти полностью повторяющий современные (рис. 46). Для памятников культуры Анау это первая находка такого рода, указывающая на знакомство племен, обитавших в юго-восточных Каракумах, с такой отраслью хозяйства, как рыболовство. Аналогичный медный крючок был найден и в помещении 1 раскопа 1; это свидетельствует о том, что рыболовство, по-видимому, играло достаточно большую роль.

После того как был снят первый штык, на всей площади раскопа оконтуривались стены основного (второго сверху) комплекса (рис. 47).

В помещении 1 на глубине трех рядов кирпича прослеживается глинобитный пол, сплошь покрытый золой. Примерно в середине оно разделено стеной на две части. С восточной стороны этой стены найдена большая ладьевидная зернотерка. Все помещение внутри заполнено строительным мусором, среди которого встречены многочисленные фрагменты керамики, в том числе расписные.

Расположенное рядом помещение 2, возможно, имело проход во двор «А». На глубине 15 см от верха стен в восточном углу расчищен небольшой очажок подтреугольной формы, заполненный золой. На глубине 35 см хорошо прослеживается пол (глиняные промазки с саманом), а в западном углу очаг круглой формы, также заполненный золой и тщательно обмазанный внутри толстым слоем глины, как и весь прилегающий к очагу угол. В этом помещении найдено небольшое количество фрагментов посуды, среди которых лишь несколько расписных черепков типа Намазга IV.

Прямоугольная комната 3 имеет дверной проем в юго-западной части и заполнена обломками кирпича и строительным мусором средней плотности. Пол помещения состоит из коричневатых глиняных промазок с примесью самана. Внутри комнаты найдено довольно большое количество ке-

рамки, в основном нерасписной, сделанной на гончарном кругу, и несколько фрагментов от глубоких мисок с орнаментом в виде зубчатых «уголков». Кроме керамики, почти на уровне пола найден крупный обломанный каменный наконечник стрелы, две необожженные статуэтки животных. Интересно отметить, что фигурки животных несут следы «колотых ран», что более характерно для подобных изделий эпохи неолита (джейтунская культура). Своеобразный коридор из помещения 3 ведет в смежную комнату 9.

Помещение 4 заполнено кирпичным завалом средней плотности с небольшим включением золы и угольков. Пол состоит из ряда глиняных

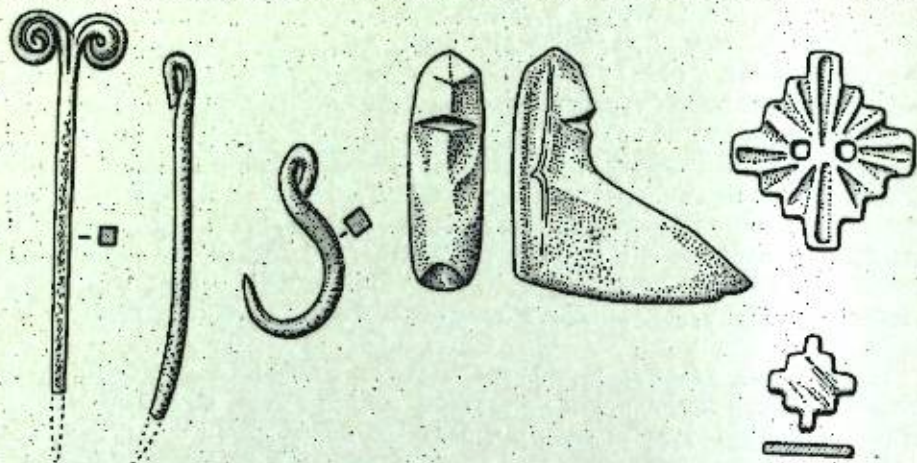

Рис. 46. Хапуз-депе. Медные и каменные изделия

промазок. Около западной и восточной стен расчищено два больших очага прямоугольной формы. Очаг у восточной стены имеет вид простого углубления в полу с небольшим бортиком по краю (внутренний диаметр 41 см, ширина бортиков от 9 до 11 см). Более интересна конструкция второго очага, бортики которого имеют по четырем углам глиняные же «столбики». Общая глубина очага 18 см (от верха столбиков до дна). Внутри очага под обломками найдено два обожженных «кирпича», отдаленно напоминающие подставки под жаровни. Непосредственно под ними в золе встречены бараньи кости без каких-либо следов воздействия огня. Внутри очага довольно сильно обожжен, зато бортики совершенно лишены следов воздействия огня. Подобные прямоугольные, а не круглые очаги в эпоху неолита являлись культовыми, а не бытовыми. Кроме того, расположение двух таких очагов в непосредственной близости друг от друга также вряд ли было целесообразно в обычном жилом помещении. Следует отметить и разную степень влияния огня на стенки и бортик очага, что скорее указывает, что сюда складывались раскаленные угли, которые не давали копоти. В этом же помещении были вскрыты два уровня полов, между которыми отмечен слой золы с большим количеством перегоревшего овечьего помета. Расчистка полов показала, что в обмазку попадали кости животных, мелкие фрагменты керамики, которые сверху тщательно замазывались. Не исключено, что зольный слой между двумя полами служил для теплоизоляции помещения.

Обширное прямоугольное помещение 5 имеет в середине очаг круглой формы, заполненный золой; здесь же найдены полуобгоревшие остатки от панцирей черепах; это первое свидетельство употребления в пищу мяса черепах.

При вскрытии комнаты найдено небольшое количество посуды, в том числе расписной. Особый интерес представляет находка нижней части тер-

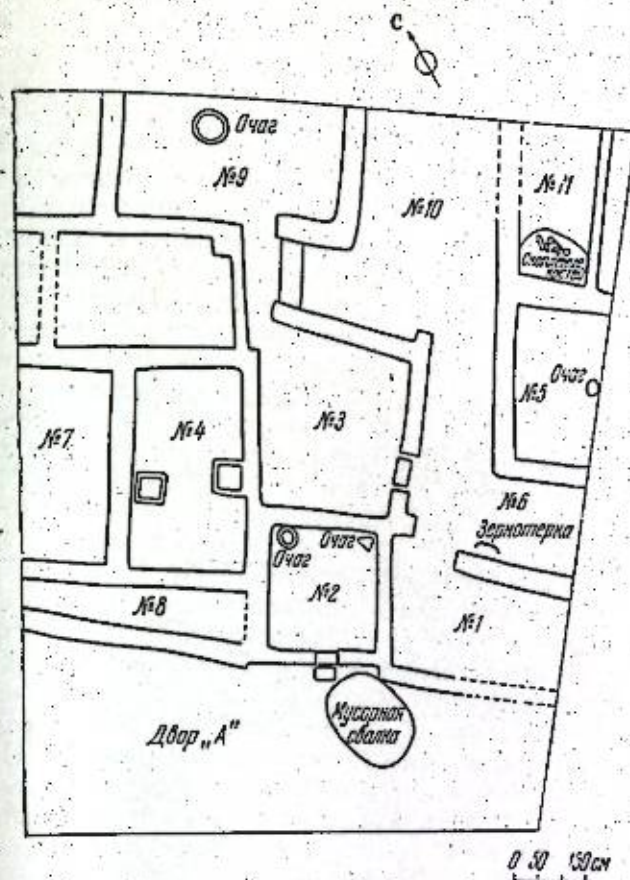

Рис. 47. Хапуз-депе. План раскопа I

раковой статуэтки геоксюрского типа и в особенности миниатюрной целой женской статуэтки, изготовленной из мраморовидного известняка (рис. 46). Наличие двух статуэток характерного геоксюрского типа является важным фактом, свидетельствующим в пользу генетической линии развития мелкой терракотовой пластики от энеолита до эпохи бронзы. Характерно, что на поселении Хапуз-депе в противоположность памятникам геоксюрского времени найдено всего несколько экземпляров женских статуэток. Это обстоятельство еще потребует своего разъяснения, сейчас важно отметить, что иконографический тип статуэток с Хапуз-депе продолжает старую местную традицию.

Междудомное пространство (помещение 6) заполнено мусорными слоями, зольниками, угольками и большим количеством керамики, в том числе расписной, типа Намазга IV.

Помещение 7 вскрыто лишь частично и заполнено сплошным строительным завалом твердой структуры.

Помещение 8 узкое, длинное, видимо, являлось глухим коридором. Заполнено обломками сырцового кирпича с небольшим включением золы, угольков, керамики.

Помещение 9 первоначально было изолированным, а позднее его соединили с помещением 3 специальным узким проходом. Сверху до глубины 35 см идут мусорные слои вперемешку с кусками кирпича. На этом уровне почти в центре помещения околонулся крупный круглой формы бытовой очаг; ниже идет сплошной строительный завал. В помещении найдено не-

большое количество керамики и, что особенно интересно, кремневая пластина. Несколько подобных пластин было найдено на поверхности поселения, так что и в эпоху бронзы из кремня изготавливались не только наконечники стрел, но и некоторые другие хозяйственные орудия.

Помещение 10 делит весь раскопанный комплекс на две части. Заполнено оно мягкими культурными слоями, состоящими из мусорных отходов, зольников, кусков краснообожженной глины, костей животных, угольничков. В слое найдено довольно много фрагментов керамики, по преимуществу нерасписной, принадлежащей круглодонным котлам с закопченной поверхностью, хумча, тагора. Столовая посуда представлена глубокими чашами, кубками, мисками с орнаментальной росписью типа Намазга IV.

Помещение 11 полностью не раскопано. На глубине 25 см от дневной поверхности здесь расчищены остатки трех плохо сохранившихся человеческих скелетов: один из них имел правильное анатомическое положение костей, лежал на левом боку, головой на юг, лицом на запад. Руки его согнуты так, что кисти оказались около лица, череп был слегка смещен на лопаточные кости. В западном углу помещения в бессистемном состоянии находится груда костей и два черепа. Среди них найдена кремневая пластинка, которой, однако, могла попасть сюда из засыпки. Кроме того, среди костей встречены обожженные дочерна куски черепной коробки, принадлежащей еще одному скелету. Стратиграфические наблюдения позволяют высказать предположение, что это была погребальная камера для коллективных захоронений. Такие камеры, но лучшей сохранности, были раскопаны нами на Хапуз-депе в 1962 г.³

И, наконец, в южной части раскопа расчищен обширный «двор А», заполненный мягким мусорно-зольным слоем. Большая мусорная свалка оконтурилась в непосредственной близости от помещения 2. Она была вырыта в культурном слое, имеет обожженные края и заполнена внутри мощным, сильно уплотненным зольником с большим количеством керамики. Двор вскрыт на глубину до 0,5 м от дневной поверхности, однако какого-либо уровня пола отмечено не было. Кроме керамики, найдена медная булава с витым стержнем и биспиральным навершием (рис. 46).

Заканчивая описание работ на раскопе 1, следует остановиться на характеристике обнаруженной керамики. Основная масса ее — нерасписная, может быть подразделена на кухонную и «столовую». Кухонная посуда представлена полусферическими котлами с округлым дном и слабовыраженным венчиком. В тесте, как правило, имеется примесь, повышавшая жароустойчивость котлов; внешние части их обычно сильно закопчены. К этой же категории посуды следует отнести довольно грубые по выделке сосуды типа среднеазиатских тагор; в тесте их всегда имеется растительная примесь. И котлы, и тагора, как правило, изготовлены вручную. К хозяйственной же посуде следует отнести крупные хумы и хумчи, глубокие толстостенные чаши и миски. Все они изготовлены на гончарном кругу и отличаются качественным составом теста.

Расписная керамика (рис. 48) в основном представлена мелкими сосудами, исключение составляют лишь обломки хумов, сделанных вручную, тесто которых имеет примесь шамота. Эти хумы, как правило, украшены одним-единственным мотивом орнамента — крестами, заключенными в ромбические картуши. В редких случаях они выполнены в полихромной технике: черной и красной краской.

Другие расписные сосуды представлены биконическими и полусферическими чашами с плоским дном, глубокими мисками, коническими, почти сферическими сосудами. Как правило, вся эта категория сосудов изготовлена на гончарном кругу. Орнаменты весьма несложные и однотипные —

ряды пирамид, зубчатые «уголки», ломаные зубчатые ленты и особенно кресты (рис. 48). Они восходят к мотивам на посуде предшествующего периода (так называемый геоксюрский тип).

С целью установления характера контакта края поселения с прилегающим древним руслом на юго-западной окраине Хапуз-депе была заложена специальная траншея 5 до глубины 2 м. В разрезе траншеи отчетливо видно небольшой промыв, заполненный по дну глинистыми отложениями водного генезиса. Был ли это небольшой проток или маленькое озерко, установить трудно. Позднее это углубление было занесено песком, частично размыто и перекрыто почвенными образованиями. Эта промоина, несомненно, более позднего времени, чем сам памятник. Археологический материал из траншеи 5 позволяет считать, что с самого начала здесь был край поселения.

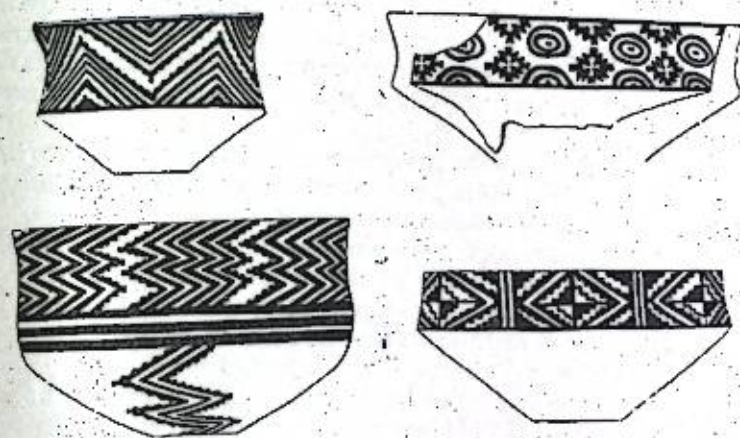

Рис. 48. Хапуз-депе. Расписная керамика

Хотя типичной геоксюрской керамики найдено не было, общий облик материала (мотивы орнаментов, типы статуэток) свидетельствует в пользу того, что вскрытые слои относятся к начальному этапу обживания Хапуз-депе.

Поселение Хапуз-депе находится в месте слияния двух древних русел, хорошо заметных в рельефе и прекрасно видных на аэрофотоснимках. Геоморфологические наблюдения, проведенные в 1966 г.⁴, позволили установить, что русло, проходящее у западной и северо-западной окраины поселения, выражено в рельефе значительно хуже, чем русло, проходящее у восточной и северо-восточной окраины. На его правом берегу непосредственно возвышаются руины поселения, левый же берег почти незаметно сливается с окружающей такыровой равниной. Само русло занесено песком и заросло солянками и верблюжьей колючкой. Для выяснения соотношения культурных слоев памятника с этим руслом и была заложена вышеописанная траншея 5, в разрезе которой отчетливо видно выклинивание культурных пластов в сторону русла, при этом очевидно, что во II тысячелетии до н. э. правый берег русла был значительно приподнят над водой. В настоящее время подножье холма и русловые отложения перекрыты толщей делювиальных наносов. В центре древнего русла был заложен шурф, вскрывший русловую аллювий на глубине 62 см от поверхности, перекрытый делювиальными и почвенными образованиями. Русловую аллювий представ-

⁴ Исследования проведены Г. Н. Лисицкой.

³ В. И. Сарциани. Указ. соч., стр. 63.

лен песчано-глинистой толщей, пестрой по цвету и литологическому составу, совершенно аналогичной отложениям во втором русле, которое было частично обследовано в 1962 г. Низкий левый берег описанного выше русла был изучен на сравнительно небольшой площади, значительная часть его в настоящее время распахана. Два почвенных шурфа, заложенных на этом берегу, обнаружили погребенный почвенный горизонт, что позволяет предполагать, что эти земли в древности подвергались орошению и обработке.

У северной окраины поселения это русло сливается с более четко выраженным руслом, проходящим у восточного и северо-восточного края поселения. По-видимому, это восточное русло сформировалось в столь же древнее время, как и западное, но позднее, когда западное уже полностью заилилось и перестало функционировать, по этому руслу еще шла вода. Совершенно очевидно, что и в последующее за эпохой бронзы время оно испытывало то периоды затухания, то нового обводнения и углубления. За это говорит: 1) пестрота отложений русел, которые пока вскрыты только в верхней части, и 2) более сложное строение долины реки. Нивелировка и аэрофотоснимки позволяют отметить наличие небольшой надпойменной терраски.

Чрезвычайно важным моментом является наличие древнего берегового валика по правому берегу этого русла, который прослеживается и к северу, и к югу от поселения на протяжении около 4 км.

Этот валик вряд ли мог быть сделан для защиты от паводков, так как на правом берегу нет никаких следов поселения человека, к тому же для защитной дамбы он слишком мал. Скорее всего, он выполнял другую функцию — валика, задерживающего паводковые воды на полях.

Самое тщательное обследование правого берега в поле и в камеральных условиях, по аэрофотоснимкам, не обнаружило следов каких-либо древних ирригационных сооружений. Наличие дамбы и отсутствие каналов позволяют предположить, что орошение полей, которые в основном были расположены именно по правому берегу, производилось напуском. В паводки воды реки заливали значительные пространства, обратный же спад задерживался береговым валом; в непросохшую землю производился посев зерновых. Одноразового полива, по-видимому, хватало для выращивания урожая. Значительная площадь возделывавшихся земель исключала необходимость осенних посевов.

Полученные в результате раскопок 1966 г. данные в какой-то степени восполняют большой пробел в наших знаниях по истории материальной культуры южнотуркменских племен второй половины III тысячелетия до н. э. Хотя имеющиеся результаты еще недостаточны для каких-либо общих заключений, уже сейчас можно сделать некоторые предварительные выводы. Это в первую очередь вполне ощутимые параллели, которые обнаруживаются с соответствующими памятниками Ирана и особенно долины р. Инда (поселения харапской культуры). Отдельные соответствия носят общий характер (некоторые формы керамики, рыболовные крючки, наконечники дротиков, сферические навершия с несквозными отверстиями) и, по справедливому замечанию Э. Маккея, известны в Шумере, Сузиане и долине р. Инда⁵.

Но наряду с этим имеются и более специфичные параллели. В этом отношении показательна булава с биспиральным навершием, хотя ареал распространения таких украшений на Древнем Востоке довольно ограничен; аналогичные булавки найдены в Чанху Даро⁶.

⁵ E. Mackay. Chanhu Daro Excavations. New Haven, 1943; J. Marshall. Mohenjo Daro and the Indus Civilization, vol. 3. London, 1931, pl. XXXV, 10.

⁶ E. Mackay. Указ. соч. Не ясно мотивы, по которым Е. Е. Кузьмина, полемируя с Г. Чайлдом, датирует эту находку более поздним временем, чем вторая половина III тысячелетия до н. э. (см.: Е. Е. Кузьмина. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. М., 1966, стр. 79).

В еще большей степени показательны весьма специфичные, как по форме, так и по назначению, крестовидные инкрустации из раковин или фаянса, найденные в Мохенжо Даро и Чанху Даро⁷, полностью тождественные таким же с Хапуз-депе. Указанные соответствия намечают контуры культурных контактов, существовавших в это время между племенами Южного Туркменистана и долины Инда. Однако преувеличивать подлинную роль этих связей не следует. При всех отмеченных параллелях совершенно различные росписи на сосудах, отличны антропоморфные статуэтки и многие другие признаки, наиболее показательные для оценки каждой культуры в отдельности.

В настоящее время можно говорить лишь о наличии в то время именно контактов, о взаимопроникновении отдельных культурных достижений в среде древнеземледельческих племен Ближнего Востока.

⁷ E. Mackay. Early Indus Civilization. London, 1948, pl. XXIV, 7; J. Marshall. Mohenjo Daro..., vol. 3, CLV, 32.

Е. Е. КУЗЬМИНА

РАСКОПКИ МОГИЛЬНИКА КОЖУМБЕРДЫ

Несмотря на то, что изучение андроновской культуры началось 40 лет назад, у исследователей до сих пор нет единства мнений по вопросам периодизации памятников этой культуры. В 1927 г. М. П. Грязнов на основании изучения могильников в районе Актюбинска выделил особый западноказахстанский вариант андроновской культуры, отличительными признаками которого считал сооружение каменных колец, погребения по обряду труположения, наличие уступчика на плечике сосуда и некоторые особенности орнамента¹. В 1948 г. К. В. Сальников предложил свою периодизацию памятников андроновской культуры Урала, разделив их на основании стратиграфии Кипельского селища на три последующих хронологических этапа: федоровский, алакульский и замараевский². При этом наличие каменных колец он рассматривал как локальную особенность памятников выделяемого им орского варианта, а остальные отмеченные М. П. Грязновым признаки (погребения по обряду труположения и наличие уступа) считал признаками, характерными для алакульского этапа всего Зауралья³. Одновременно в том же 1948 г. О. А. Кривцова-Гракова предложила другую схему развития западноандоновских памятников: опубликовав материалы могильника Кожумберды, она предложила рассматривать его как самый ранний западноандоновский памятник и отметила определенное сходство его с некоторыми могильниками в районе Челябинска и с Ораком (федоровского типа) на других территориях⁴. С ее выводами согласился С. В. Киселев⁵, однако они не встретили поддержки у большинства других исследователей, которые приняли схему К. В. Сальникова, распространив ее на материалы Северного и Центрального Казахстана⁶.

В 1960 г. С. С. Черниковым была предложена четырехчленная периодизация памятников Восточного Казахстана⁷, которая в конечном итоге восходит к схеме К. В. Сальникова.

¹ М. П. Грязнов. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане. «Казахстан», вып. 11. А., 1927, стр. 199—201.

² К. В. Сальников. К вопросу о стадиях в памятниках андроновской культуры Зауралья. «Первое Уральское археологическое совещание». Пермь, 1948. Богатство орнамента посуды орской группы К. В. Сальников объяснял хронологической близостью орских памятников к федоровским.

³ К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья. МИА, № 21, 1951, стр. 109—120.

⁴ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. «Труды ГИМ», вып. XVII, 1948, стр. 149—153.

⁵ С. В. Киселев. Дренина истории Южной Сибири. МИА, № 9, 1949, стр. 58.

⁶ А. М. Оразбаев. Северный Казахстан в эпоху бронзы. «Труды ИИАЭ АН КазССР», вып. 5, 1958.

⁷ С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, № 88, 1960; см. также рецензию В. С. Сорокина (СЭ, 1962, № 2).

В 1960 г. особую позицию в споре о периодизации памятников андроновской культуры заняла Э. А. Федорова-Давыдова. Исходя из установления абсолютной датировки алакульских памятников XV—XIII вв. до н. э., она предполагает сосуществование федоровских и алакульских племен, а федоровский и алакульский «этапы» рассматривает как территориальные варианты⁸. Вопросы же относительной хронологии и внутреннего хронологического членения памятников каждого типа ею не ставятся.

В 1962 г. М. Н. Комарова на основании детального анализа орнаментов на андроновской посуде выделила ряд локальных вариантов и в пределах каждого из них распределила памятники на федоровские и алакульские, которые вслед за К. В. Сальниковым М. Н. Комарова рассматривает как последовательные этапы в развитии андроновской культуры. При этом все памятники западноказахстанского варианта отнесены ею к алакульскому этапу⁹.

Одновременно в 1962 г. В. С. Сорокин, базируясь на сопоставлении керамики исследованного им могильника Тасты-Бутак, пришел к выводу, что все памятники орско-актюбинского варианта синхронны между собой, следуют за памятниками федоровского типа и предшествуют Алакульскому могильнику¹⁰. Другая точка зрения была высказана мной: Исходя из того, что для каждого локального варианта андроновской этно-культурной общности должна быть создана самостоятельная хронологическая шкала, я приступила к изучению Еленовского микрорайона в орско-актюбинском регионе. В результате рассмотрения комплексов поселений и относящихся к ним могильников и применения статистической обработки массового керамического материала было выделено три последовательных хронологических этапа: поздний — Атакенсаевский, синхронный Алакульскому могильнику, переходный и ранний — Ушкаттинский, синхронный могильнику Кожумберды. Были отмечены сходства некоторых элементов в керамике кожумбердынских памятников с федоровскими. Еленовскую шкалу я предложила рассматривать как эталон для всего орско-актюбинского варианта¹¹.

В декабре 1964 г. в докладе на андроновском симпозиуме К. В. Сальников принял деление алакульских памятников на два этапа: кожумбердынский и алакульский. К. В. Сальников рассматривал кожумбердынский этап как хронологически следующий за федоровским и генетически с ним связанный, общий для всего Зауралья, и отнес к нему такие различные памятники, как Тасты-Бутак, Агаповка, Малый Кизил¹².

Однако в 1965 г. К. В. Сальников хронологически объединил все ан-

⁸ Э. А. Федорова-Давыдова. Андроновское погребение XV—XIII вв. до н. э. «Труды ГИМ», вып. XXVII, 1960; она же. К вопросу о периодизации памятников эпохи бронзы в Южном Приуралье. Сб. «Археология и этнография Башкирии», II. Уфа, 1964; М. Г. Мошкова, Э. А. Федорова-Давыдова. Погребения эпохи бронзы Ново-Куманского могильника. КСИА, вып. 101, 1964, стр. 134; К. Ф. Смирнов, Э. А. Федорова-Давыдова. Соотношение культур медно-бронзового века в заволжско-оренбургских степях. «Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР. Тезисы докладов». Баку, 1965, стр. 78, 79; см. также тезисы симпозиума по андроновской культуре (Л., 1964).

⁹ М. Н. Комарова. Относительная хронология памятников андроновской культуры. «Археологический сборник», вып. 5. Л., 1962.

¹⁰ В. С. Сорокин. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане. МИА, № 120, 1962, стр. 76—89.

¹¹ Е. Е. Кузьмина. Археологическое обследование памятников Еленовского микрорайона андроновской культуры. КСИА, вып. 88, 1962, стр. 87, 88; она же. Периодизация могильников Еленовского микрорайона андроновской культуры. Сб. «Памятники каменного и бронзового веков в Евразии». М., 1963, стр. 121—140; она же. Относительная хронология андроновских поселений Еленовского микрорайона. СА, 1965, № 4.

¹² К. В. Сальников. Об этапах и локальных особенностях западного варианта андроновской культуры. «Тезисы доклада на андроновском симпозиуме». Л., 1964.

дроновские могильники орско-домбаровского района, отметив, что для них характерно смешение федоровских и алакульских черт, и высказал предположение, что это население пришло из более восточных районов¹³.

Учитывая важность установления андроновской хронологии, Еленовский отряд, работающий в составе руководимой К. Ф. Смирновым Южно-уральской экспедиции, в 1965 г. провел новые раскопки на площади могильника Кожумберды.

Могильник был открыт и впервые исследован Б. Н. Граковым в 1930 г., раскопавшим здесь семь колец. В 1948 г. О. А. Кривцова-Гракова издала полученные при раскопках материалы и отнесла этот памятник к раннему этапу развития культуры западноандроновских племен¹⁴.

Могильник находится на юге Домбаровского р-на Оренбургской обл., на правом берегу р. Ори, в 750 м к северу от поселка Кожумберды (современное название Кожанберля). В нем насчитывается около 130 сооружений, которые расположены тремя группами, растянувшимися с северо-запада на юго-восток по обращенному к реке склону террасы, имеющей высоту 10—12 м, и венчающемуся каменной грядой.

Сооружения могильника трех типов: I — восемь курганов диаметром от 6 до 13 м, как правило, 7—10 м с невысокой земляной насыпью, по основанию которой врыты большие камни, образующие кольцо, иногда двойное. В центре пяти курганов — каменные ящички; II — девять овальных оградок размером от 5 до 8 м; III — круглые каменные кольца диаметром от 2,5 до 9 м, как правило, 4,5—7 м. Некоторые кольца имеют двойную concentрическую ограду. В центре нескольких колец — каменные ящички, ориентированные на юго-запад. В двух случаях отмечены каменные вымостки. У некоторых колец имеются пристройки. Интересно, что к кольцу 32 примыкает ряд небольших колец, идущих цепочкой с северо-запада на юго-восток.

В 1965 г. в восьми сооружениях, выбранных в разных группах могильника Кожумберды, были произведены раскопки. В кольце 5 в центре находился каменный ящик размером 3,45 × 1,7 м, а в южной части кольца в грунтовой могильной яме было совершено погребение ребенка.

В кольцах 2 и 4 по верхнему краю грунтовых могильных ям на глубине 0,7—0,8 м от поверхности выложены мелкие камни, образующие прямоугольный контур. В остальных случаях погребения совершены в грунтовых могильных ямах размером от 1,2 × 0,9 до 2,2 × 1,4, как правило, 1,7 × 1 м, глубиной 0,3—0,6 м. Ямы ориентированы на ЗЮЗ. Все погребения оказались нарушены. Судя по сохранившимся *in situ* костям, можно полагать, что в кольцах 2, 3 и 5 содержались парные погребения, в кольце 7 погребенный лежал на левом боку, в кольце 6 и в детском погребении в кольце 5 — на правом. Интересной особенностью ритуала в кольце 2 и в ящике 5 является посыпка дна могильной ямы угольками. В кольцах 1—3, 5—7 около сосудов в западной части найдены ребра и зубы животных (лошади, коровы?).

Ввиду древнего разграбления могил вещевой материал довольно беден: в ящике кольца 5 обнаружен цельнолитой браслет треугольного сечения; в кольце 8 найдено височное колечко, круглое с утоншающимися концами, обложенное золотой фольгой и украшенное поперечными насечками, а в кольце 3 — два овально вытянутых височных кольца с заходящими внутрь концами из желобчатой пластины с золотой фольгой и насечками. Из кольца 3 происходят галечка и бронзовые бусы, из кольца 2 — несколько пастовых бусин. Во всех погребениях найдено два или три сосуда, в ящике кольца 5 их было пять штук (рис. 49).

¹³ К. В. Сальников. История Южного Урала в эпоху бронзы. Доклад на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1965, стр. 29.

¹⁴ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. «Труды ГИМ», вып. XVII, 1948, стр. 147—150, 165—169.

Особенности погребального обряда, прослеженные в могильнике Кожумберды, позволяют отнести его к памятникам орско-актюбинского варианта андроновской общности. Для этого региона характерны каменные кольца и курганы с кольцом, содержащие погребения в грунтовых ямах и ящичках, что отличает орско-актюбинские могильники от погребальных сооружений соседних вариантов: сольигодского, магнитогорского и эмбинского, — где погребения совершаются в грунтовых ямах под земляным курганом.

В могильниках этого варианта известны и погребения с каменным контуром вокруг могильной ямы (Урал-сай, Тулайкин аул, Хабарное, Бугет II)¹⁵.

Для установления культурной и хронологической принадлежности могильника особенный интерес представляет необычайно богатая и разнообразная по своей орнаментации посуда, в которой выделяется четыре основных типа (рис. 50, 1). I тип составляют горшки с небольшим дном и сильно раздутыми боками без уступа. Ко II типу могут быть отнесены горшки

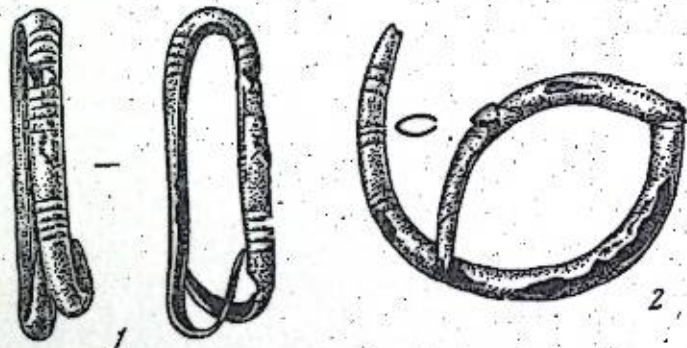

Рис. 49. Могильник Кожумберды. Височные подвески из колец 3, 8

тех же пропорций, но с уступом на плечике, который в некоторых случаях образован широким желобком. Максимальное расширение стенки находится на середине высоты сосуда. К III типу относятся сосуды с округлым плечом, по своей форме приближающиеся к баночным. Три из семи не орнаментированы, у одного под венчиком проходит три узкие каннелюры. Один по венчику и плечу украшен горизонтальными полосами, а два орнаментированы горизонтальными рядами полулунных вдавлений.

К IV типу относятся прямостенные стаканчики. Найден также один большой баночный прямостенный сосуд. Вся посуда покрыта хорошим лощением.

Сосуды I и II типов совершенно аналогичны найденным при раскопках Б. Н. Гракова¹⁶. Они отличаются богатым декором: 14 из 15 сосудов орнаментировано; из них четыре украшены зубчатым штампом, остальные — орнаментом, выполненным гладким штампом, в том числе узором из горизонтально заштрихованных полос — четыре, из поперечно заштрихованных — также четыре.

В пределах одного погребения (кольцо 5) сочетаются горшки, орнаментированные разными способами.

Мотивы узоров весьма разнообразны. По венчику сосудов идет декор из равнобедренных заштрихованных треугольников (6) или зигзага, заключенного между двумя полосами (6), в единичных случаях встречены прогнвостоящие треугольники и треугольники без отграничивающей полосы.

¹⁵ М. П. Грязнов. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане. «Казаки», вып. 11. Л., 1927, стр. 184; Б. Н. Граков. Работа в районе проектируемых южноуральских гидроэлектростанций. ИГАИМК, вып. 110. М.—Л., 1935, стр. 104, 105; «Андроновская культура. Памятники западных районов». САИ, вып. ВЗ—2, 1966, стр. 49, 57.

¹⁶ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник, рис. 67—70.

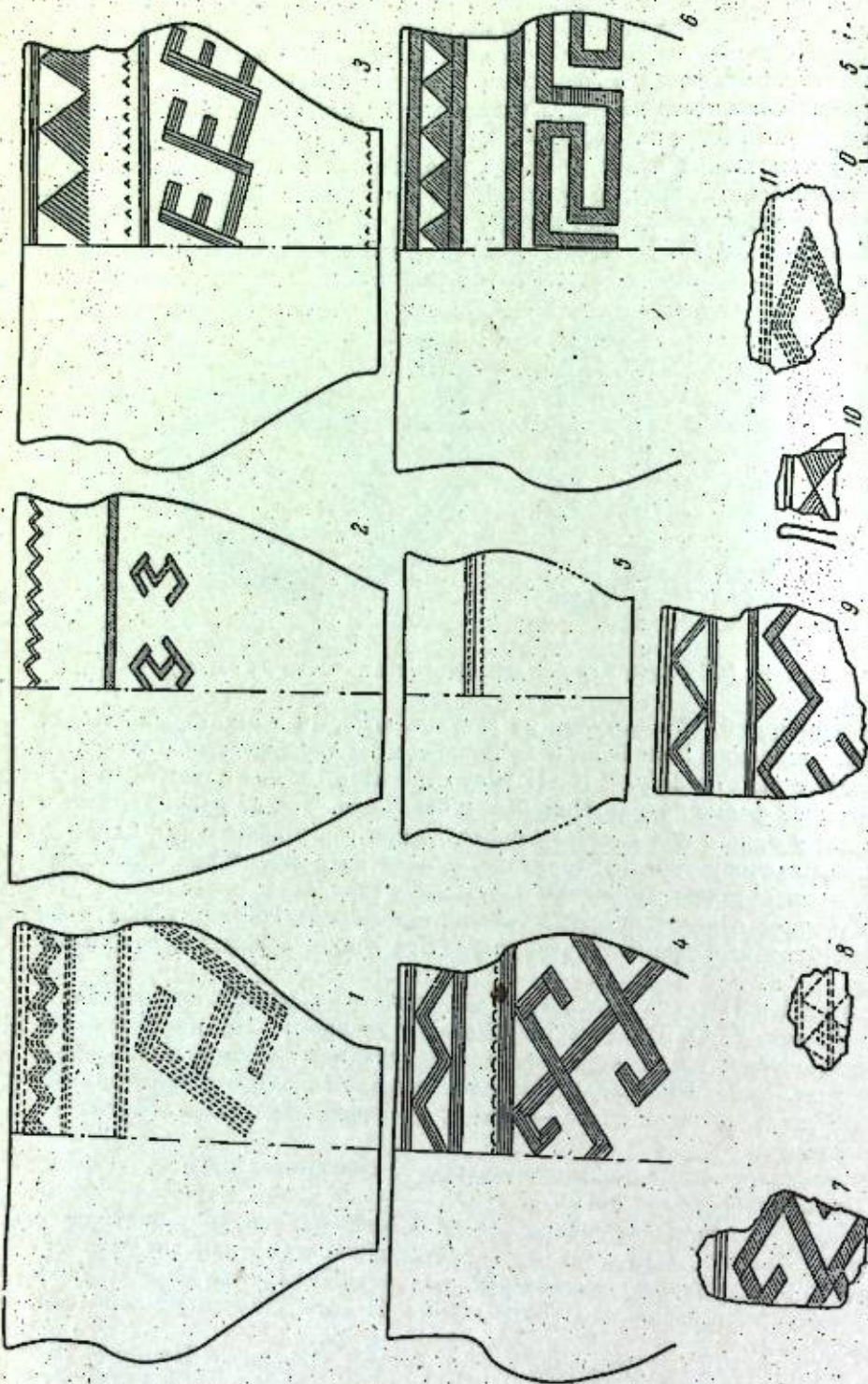

Рис. 50. Могильник Кожумберды. Сосуды из погребения 1 — колцо 8; 2 — колцо 2; 3, 6, 8 — колцо 3; 4 — колцо 1; 5 — колцо 7; 7, 11 — колцо 5; 9, 10 — колцо 4

По плечу чаще всего расположены сложные X, E, Z-образные композиции, в двух случаях — меандр, в двух — треугольные фестоны, в одном — треугольники, опущенные вершиной вниз, и в одном — рисунок, напоминающий свастику.

По формам и орнаментации керамика могильника Кожумберды находит аналогию в таких памятниках орско-актюбинского региона, как могильники Ушкаты I¹⁷ и Хабарное¹⁸ и поселения Ушкаты II¹⁹ и Джарлы²⁰. Для всей этой группы характерны горшки с раздутыми боками, как с уступом, так и без него, имеющие хорошее лощение. Баночные сосуды с округлым плечом, украшенные овальными вдавлениями, и небольшие стаканчики встречаются также преимущественно в этих памятниках.

Из всех орско-актюбинских памятников только в этой группе такое богатство и разнообразие орнаментов. Такие мотивы, как косые треугольники, флажки, бантики и треугольные фестоны на венчике, а также свастика и сложные E-образные фигуры, примыкающие к зигзагу на стенке, отмечаются только на керамике этой группы. Именно для этой группы особенно свойственны также меандр, треугольные фестоны и сложные X-образные композиции.

Сходство керамики отмеченных памятников дает все основания синхронизировать их между собой и относить к одному этапу развития культуры андроновских племен в орско-актюбинском регионе. Каков же возраст этих памятников?

Среди материалов других областей они отчасти сближаются с памятниками федоровского типа. Для последних характерны сосуды без уступа, хорошее лощение и все специфически кожумбердыские мотивы орнаментики. Особенно интересен один сосуд из Хабарного, украшенный горизонтальными каннелюрами²¹. Аналогичный прием украшения каннелюрами встречается на горшках из федоровских могильников Федорово, Сухомесово, Смолино, Боровое, Калачевский, Бугулы I²².

На посуде кожумбердынского этапа отмечается частое разграничение орнаментальных зон рядами треугольных вдавлений — прием, распространенный в других районах на федоровской керамике²³ и не обычный для алакульской.

И на федоровской²⁴, и на кожумбердынской посуде встречаются три ряда узких желобков на шейке как особый орнаментальный мотив. Широ-

¹⁷ Е. Е. Кузьмина. Периодизация андроновских могильников Еленовского микрорайона. Сб. «Памятники каменного и бронзового веков Евразии». М., 1963, стр. 124, 125, рис. 1, 1-9.

¹⁸ «Андроновская культура. Памятники западных районов», стр. 48, 49, табл. XXIII, 7-12; XXIV, 1-7 (раскопки Э. А. Федоровой-Давыдовой).

¹⁹ Е. Е. Кузьмина. Новый тип андроновского жилища в Оренбургской обл. Сб. «Вопросы археологии Урала», вып. 2. Свердловск, 1962, стр. 11-13, рис. 2; она же. Относительная хронология андроновских поселений Еленовского микрорайона. СА, 1965, № 4, стр. 40-51, рис. 1, 3а, б.

²⁰ Разведки С. А. Попова.

²¹ «Андроновская культура. Памятники западных районов», табл. XXIII, 8.

²² К. В. Сальников. Андроновский могильник у с. Федоровки. МИА, № 1, 1940; он же. Бронзовый век Южного Зауралья. МИА, № 21, 1951, рис. 3, 8; 6, 2; «Андроновская культура. Памятники западных районов», табл. VI, 3; VII, 14; IX, 3; А. М. Оразбаев. Северный Казахстан в эпоху бронзы. «Труды ИИАЭ АН Казахской ССР», вып. 5, 1958, табл. I, 5; III, 6, 5; К. А. Акишев. Памятники стазурии Северного Казахстана. «Труды ИИАЭ АН Казахской ССР», вып. 7, 1959, табл. I, 2; А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, табл. V, 1.

²³ А. М. Оразбаев. Указ. соч., рис. 3, табл. I, 2, 6, 7; II, 6, 11, 13; III, 4, 9; А. Х. Маргулан и др. Указ. соч., табл. V; «Андроновская культура. Памятники западных районов», табл. VI, 8; IX, 7, 5 и др.

²⁴ А. М. Оразбаев. Указ. соч., рис. 3, табл. I, 4, 13, 14; II, 13; А. Х. Маргулан и др. Указ. соч., табл. I, 4, 6; II, 4; «Андроновская культура», табл. VI, 5; VIII, 2.

кий желобок под венчиком, характерный для кожумбердынских горшков, отмечен также на федоровской посуде²⁵.

Сближают с федоровскими памятниками и некоторые детали погребального обряда. Во всех трех исследованных могильниках кожумбердынского этапа — в Кожумберды, Ушкатты и Хабарном — в погребениях найдены уголь и обожженные кости²⁶, что отражает влияние обряда трупосожжения. Здесь же обнаружены ребра коровы и лошади²⁷, что опять-таки типично для федоровского ритуала²⁸; в то же время в других орско-актюбинских могильниках чаще встречаются черепа и ноги барана, что обычно для алакульских погребений других районов. В могильнике Ушкатты найдены ножевидные пластины и скребки²⁹. Эта черта вновь сближает кожумбердынские памятники с федоровскими³⁰.

Наконец, следует отметить, что ни в одном из трех могильников не найдены раковины, характерные как для других орско-актюбинских, так и для всех алакульских памятников, но отсутствующие в федоровских.

Интересен также набор металлических изделий памятников кожумбердынского типа: из всего многообразия андроновских украшений орско-актюбинских могильников здесь встречены только браслеты, височные кольца и бляшки. Что касается круглых несомкнутых височных колец, то в других районах они преобладают в ранних памятниках. Браслет из Кожумберды цельнолитой, что снова сближает кожумбердынские памятники с ранними памятниками других районов³¹, поскольку в более позднее время повсеместно от Волги до Сибири распространяются более экономичные украшения из желобчатой пластины. Наконец, найденный Б. Н. Граковым в Кожумберды нож с намечающимся перекрестием³² типологически относится к числу наиболее ранних экземпляров этого типа, сближаясь с ножом из могильника Близнецы³³, и отличается от ножей из Купухты, Шандаши и Ульке³⁴, имеющих более выработанную форму и ребро. Следует отметить, что на памятниках кожумбердынского этапа сохранялся и еще более архаичный тип листовидных ножей: один экземпляр был найден на поселении Ушкатты II, составляющем единый комплекс с могильником Ушкатты I³⁵. Архаичность и относительная немногочисленность типов металлических изделий, сохранение кремневого инвентаря и особенности керамического комплекса дают все основания относить памятники кожумбердынского типа

²⁵ «Андроновская культура», табл. IX/1, 5, 11.

²⁶ Там же, стр. 49.

²⁷ Там же.

²⁸ К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья, стр. 101. Интересно ритуальное погребение собаки в могильнике Ушкатты (Е. Е. Кузьмина. Периодизация андроновских могильников, стр. 123), аналогичное погребениям в Федорове, Сухомесове (К. В. Сальников. Указ. соч., стр. 101; Г. П. Сосновский. К истории скотоводства в Сибири. Сб. «Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных», т. 1. М.—Л., 1940, стр. 135, 142).

²⁹ Е. Е. Кузьмина. Периодизация андроновских могильников, стр. 124.

³⁰ С. Н. Дурмалин. Раскопки под Челябинском. ЗУОЛЕ, т. XL, вып. 2, 1927, стр. 112; К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья, стр. 101.

³¹ О. А. Кривонова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1956, рис. 15, 10—12 (Покровский могильник), 15, 16, 19 (Царев курган); О. Н. Бадер. Древнейшие металлурги Приуралья. М., 1964, рис. 84, 85 (Турбино); М. Н. Комарова. Указ. соч., стр. 68.

³² О. А. Кривонова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник, рис. 74.

³³ Э. А. Федорова-Давыдова. Андроновское погребение XV—XIII в. до н. э. «Труды ГИМ», вып. 37, 1960, рис. 2, 2.

³⁴ Е. Е. Кузьмина. Купухта — могильник андроновской элиты. КСИА, вып. 93, 1963, рис. 39, 6; она же. Новые данные об андроновской культуре на Южном Урале. Сб. «Археологические открытия 1965 г.», М., 1966, стр. 85; В. С. Сорокин. Археологические памятники северо-западной части Актюбинской обл. КСИИМК, вып. 71, 1958, рис. 20, 5.

³⁵ Е. Е. Кузьмина. Новый тип андроновского жилища, стр. 15. Характерно, что нож этот сделан из меди в отличие от других еленовских изделий, изготовленных из бронзы (анализы Е. Н. Черных).

к числу наиболее ранних в орско-актюбинском регионе и рассматривать их как древнейший этап культуры андроновских племен на этой территории.

Как уже отмечалось, ряд черт сближает памятники кожумбердынского этапа с федоровскими. Однако от всех известных федоровских памятников кожумбердынские отличаются принципиально. Прежде всего шейка орско-актюбинских горшков, как правило, не орнаментирована, в то время как и в Северном, и в Центральном Казахстане, и в Западной Сибири, и в Зауралье орнаментация этой зоны обязательна. Отсутствуют и многочисленные распространенные федоровские мотивы, в частности, обрамление орнамента треугольными фестонами; чаще, чем в других районах, применяется гладкий штамп и косая штриховка орнаментальных полос, меньше распространены косые треугольники на венчике и т. д.

Чем объясняются эти различия?

Высказывалось предположение, что отсутствие типичных федоровских памятников в орско-актюбинском регионе является следствием недостаточной изученности данной территории. Однако надо отметить, что как раз орско-актюбинский район исследован лучше, чем другие области расселения андроновских племен. Здесь подверглись археологическим раскопкам 30 могильников и около полутора десятков поселений, т. е. большая часть всех зарегистрированных андроновских памятников. Особенно существенно, что на территории Еленовского микрорайона были исследованы все типы могильников и ни одно погребение не может быть признано федоровским. Таким образом, остаются две вероятные гипотезы: или памятники кожумбердынского этапа на данной территории синхронны федоровским (во всяком случае, частично), или в федоровскую эпоху эта область не была заселена андроновцами и, следовательно, кожумбердынские памятники оставлены пришлым населением на раннеалакульском этапе еще в пору сохранения некоторых федоровских традиций. В таком случае кожумбердынские памятники должны были бы иметь полные аналоги и прототипы в одном из известных вариантов андроновской культурной общности. Однако детальное сопоставление кожумбердынских материалов как с федоровскими, так и с раннеалакульскими материалами других вариантов приводит к выводу, что ни одна из известных в настоящее время групп андроновских памятников других областей не может быть признана ни полностью аналогичной кожумбердынской, ни, безусловно, ей предшествующей.

Закономерность сочетания устойчивых признаков, характеризующих памятники кожумбердынского этапа орско-актюбинского региона, не отмечается ни в одном другом известном в настоящее время районе расселения андроновских племен. Прослеживаемые сходства касаются лишь отдельных деталей, но не всего комплекса в целом. Так, с памятниками Центрального Казахстана сближает архитектура жилищ с каменными стенами и прямоугольными очагами, конструкция погребальных сооружений: каменных колец, курганов с кольцом и каменных ящиков, а также форма сосудов с нависающими боками и некоторые мотивы орнаментации. Однако в орско-актюбинском варианте не встречаются прямоугольные каменные ограды, погребения в цистах, не характерны трупосожжения и отсутствуют такие распространенные на центральноказахстанской посуде мотивы орнамента, как лесенка и ступенчатая пирамида, не встречается орнаментация шейки. С федоровскими памятниками Зауралья сходны многие мотивы орнамента (в частности, зигзаг; образованный противостоящими треугольниками на венчике) и такая специфическая форма керамики, как блюда с ручками. Однако типы жилищ и погребальных сооружений и ориентация погребений отличны как от федоровских, так и от алакульских, зауральских.

С минусинским вариантом сближает обычай труположения. Но керамические комплексы принципиально различны.

Что касается северноказахстанского варианта, то различия как с федоровскими, так и с алакульскими памятниками еще более существенны, по-

сколькó орнаментика в этом регионе очень специфична (орнаментация шейки поперечно-заштрихованным зигзагом и пр.).

Таким образом, памятники кожумбердынского этапа орско-актюбинского варианта андроновской культурной общности отличаются безусловным своеобразием и от федоровских, и от алакульских памятников других регионов.

Те федоровские элементы, которые прослеживаются в кожумбердынском комплексе, не могут быть возведены ни к одному из известных вариантов андроновской культурной общности. Это наводит на мысль о возможной частичной синхронности памятников кожумбердынского этапа орско-актюбинского региона и памятников федоровского типа на других территориях.

Окончательное решение этой проблемы невозможно, поскольку генезис всех вариантов андроновской культурной общности остается невыясненным. Поэтому основной задачей на современном этапе мне представляется изучение на всей территории расселения андроновских племен памятников энеолитической эпохи, так как только они смогут дать объективные данные для решения вопроса происхождения андроновской культуры и ее периодизации.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АП	— Археологічні пам'ятки
АС	— Археологический съезд
ГИМ	— Государственный исторический музей
ГНМ	— Годошник на народниці археологически музей
ГЭ	— Государственный Эрмитаж
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей
ИА	— Институт археологии АН СССР
ИАД	— Известия на археологического дружество
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИЯЛИ	— Институт языка, литературы, истории
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
КСОГАМ	— Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
ОГАМ	— Одесский государственный археологический музей
ОГУ	— Одесский государственный университет
ОКАЭ	— Отчет Камской археологической экспедиции
УзПГУ	— Ученые записки Пермского государственного университета
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
СЭ	— Советская этнография
АА	— Acta archaeologica
ESA	— Eurasia Septentrionalis antiqua
SCiv	— Studii și cercetări de istorie veche
SMYA	— Suomen Muinais muistihdisyksen aikakauskirja

СОДЕРЖАНИЕ

ДОКЛАДЫ И ДИСКУССИИ

Е. Н. Черных. Основные черты древнейшей металлургии Урала и Поволжья	3
В. П. Третьяков. О связях древних племен Прикамья и Юго-Западной Финляндии до II тысячелетия до н. э.	16
Е. К. Черныш. Орудия труда культуры Гумельницы	23
В. Г. Збенович, А. М. Лесков. О стратиграфии и классификации древнейших погребений Одесского кургана	29
С. И. Пеняк. Негровский клад бронзовых мечей	39

ПОЛЕВЫЕ И ЛАБОРАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Т. Г. Мовша, Г. Ф. Чеботаренко. Энеолитическое курганное погребение у ст. Кайнары в Молдавии	45
А. Радунчева. Поселение и некрополь эпохи энеолита у с. Виница в Северо-Восточной Болгарии	50
Р. М. Мунчаев, М. Чеченов. Находка медного котла в г. Нальчике	54
В. В. Бжания. Результаты обследования Гумистинского поселения в 1964 г.	58
О. Д. Дашевская. Курганы эпохи бронзы у с. Поповка близ Евпатории	62
О. С. Гадзюцкая. Фатьяновские могильники в Костромской и Ивановской областях	70
Ю. Г. Королев, А. П. Хлобыстин. Йоркутинская стоянка на полуострове Ямал	79
Н. Н. Чередищенко. Курганы эпохи бронзы близ г. Ростова-на-Дону	84
А. Н. Мелентьев. Погребения эпохи бронзы в Задонье	89
В. В. Дворниченко. Поселения эпохи поздней бронзы — Обиточная 20	98
В. И. Мамонтов. Подъемный материал с Пятиморской стоянки	103
В. И. Сарниди. Новые раскопки на Хапуз-депе	116
Е. Е. Кузьмина. Раскопки могильника Кожумберды	124
Список сокращений	133

Археологические памятники эпохи бронзы
на территории СССР
КСИА, 115

Утверждено к печати
Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор Г. В. Моисенко
Технический редактор Р. М. Денисова

Сдано в набор 17/VII 1968 г. Подписано к печати 4/III 1969 г.
Формат 70×108²/₁₆. Бумага № 1. Усл. печ. л. 12,42.
Уч.-изд. л. 11,2. Тираж 1800 экз. Т-03847.
Тип. зак. 991. Цена 66 коп.

Издательство «Наука», Москва К-62, Подосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», Москва Г-99, Шубинский пер., 10